

Татьяна Денисова

Без
названия

Книга 3

Татьяна Денисова
Книга 3. Без названия

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Денисова Т. А.

Книга 3. Без названия / Т. А. Денисова — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-98424-0

Продолжение 1 и 2 частей романа. "Мне повезло в жизни. Я повстречала людей с сердцем, оголенным до крайности. У них ничего не может быть наполовину: либо все, либо ничего. Все это любовь. О ней не кричат, не дают клятву, что она вечная. Для них по-другому жить не дано. Странные - может быть. А может, нет? Доказывать, что день - это день, а ночь - это ночь, не надо. Зачем ежечасно клясться в вечной любви? По-моему, абсурд..." Герои, несмотря на испытания, остаются верными себе.

ISBN 978-5-532-98424-0

© Денисова Т. А., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Часть 1	5
Артем	5
Часть 2	20
Глеб	20
Глава 1	20
Глава 2	31
Глава 3	32
Часть 3	41
Влад	41
Глава 1	41
Глава 2	47
Часть 4	53
Артур у Даши	53
Глава 1	53
Глава 2	59
Глава 3	63
Часть 5	73
Наташа и Ритус после смерти	73
Глава 1	73
Глава 2	74
Глава 3	77
Глава 4	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Татьяна Денисова

Книга 3. Без названия

Часть 1

Артем

Когда постучали, Маша вздрогнула. Она ожидала стука, но ладони непроизвольно взмокли, между лопаток холодок. Мария одернула платье и направилась к двери. На пороге стоял мужчина за тридцать, с окладистой бородой, хвостиком на затылке, в рубашке и брюках цвета хаки, в солдатских ботинках, с рюкзаком на плечах.

– Здравствуйте, – сказал он. – Маша?

– Да. Здравствуйте. Артем?

– Да.

– Проходите, мы вас заждались, – при этих словах Маша покраснела.

– Я опоздал? – нахмурился мужчина (не в его характере опаздывать, опаздывать к женщине и детям – тем более некрасиво)

– Нет-нет, – еще больше смутилась Мария.

Как сложно!

– Полагаю, вашим мальчишкам не терпится меня увидеть и оценить? – Артем подобрал верные слова.

Маша кивнула в ответ. В комнате, куда женщина провела гостя, находилось три мальчика разного возраста.

– Привет, – сказал Артем, улыбнувшись. – Ну, что, давайте знакомиться.

– Антон, – сказал старший мальчик лет двенадцати.

Артем пожал ему руку как взрослому.

– Дима, – застенчившись, сказал мальчик помладше, на вид лет девяти.

Артем снова пожал протянутую ладошку.

– Владимир! – отрапортовал самый младший лет шести-семи и с восторгом пожал руку взрослому человеку второй раз в жизни.

– Ну, а я Артем, или папа, или дядя Артем, или отец – кому как нравится – на любой вкус.

Ребяшки переглянулись.

– Правда, можно папой? – недоверчиво спросил Владимир.

В вопросе ребенка читалось столько удивления, что Артем на мгновение растерялся, но кивнул в знак согласия.

– Хорошо, – прошептал младший, а про себя подумал, что точно будет звать папой, и никто теперь не скажет, что он безотцовщина, вон у него какой папка.

– А я с подарками и гостинцами. Гостинцы в машине, так что начнем с подарков.

– Вау, – не сдержался Володя и прижал руки к губам, потому что мама и братья посмотрели строго, словно осуждали. Но это же папа!

– Антон, – мужчина открыл рюкзак, покопался в нем, достал маленькую коробочку, – тебе оберег из лазурита. Держи, – он протянул коробочку, – этот самоцвет считается камнем Будды. Можно ежедневно в течение нескольких минут всматриваться в камень для восстановления зрения. А еще он лечит головную боль, очищает от негатива, делает владельца милосердным.

– Митя... момент... – снова поиски в рюкзаке, – тебе оберег из серафинита. Своё название камень получил от легенды о Серафимах, окружающих престол Господа. По поверью, один из Серафимов уронил перья на землю, где и появились эти минералы с перьевидными кристаллическими включениями. Этот камень долго хранит тепло и помогает при болезнях позвоночника. Серафинит, как говорят, продлевает жизнь. Глядя на его «пёрышки», можно загадать желание. Но оно должно быть хорошим, светлым. Тогда сбудется.

– Вовка, – Артем, прищурился, посмотрел на малыша, – тебе, как и братьям, тоже оберег. Он из аквамарина, частички Байкала, у него цвет морской воды. В древности существовало поверье, что, когда к владельцу аквамарина приближались враги или его одолевали мрачные мысли, камень темнел. Перед бурей кольцо с этим самоцветом тяжело. Этот минерал имеет свойство выцветать на солнце, и он достаточно хрупкий, поэтому относиться к голубому бериллу нужно бережно. В ответ он снимет нервное напряжение и сдержит ссору.

– Обереги из Иркутского дацана – буддистского храмового комплекса, освещены ламой на благополучие в вашей жизни. Ну, и, пока вы не выдули под два метра, Нерпята, «нерпики» – забавные персонажи, надо сказать, – мужчина достал игрушки, – по убеждению знающих людей, – Артем подмигнул мальчишкам, – они готовы поселиться у своего владельца в рюкзаке и путешествовать вместе с ним по всему миру.

– Теперь маме, – Артем снова открыл рюкзак и вынул оттуда небольшую, но изящно отделанную малахитом шкатулку. – Это чароит.

Маша открыла предложенную шкатулку, в которой оказались серьги и перстень фиолетово-синего камня с уникальными натуральными узорами: на срезе явственно проступали звезды, перистые облака, струи горной реки.

– О! – вырвалось у женщины.

– Ух ты! – не сдержались мальчишки.

– Серьги должны подойти под глазки! – улыбнулся мужчина.

Как он... Он не мог знать, какие у нее глаза.

– Можно я... примерю.

– Конечно, – засмеялся Артем.

Она понравилась ему еще там, на пороге: столько искренности и восхищения.

– Это, наверное, драгоценные камни? – спросил, расхрабившись, Вовка.

– Нет, всего лишь минералы...

Он умолчал, что чароит встречается только в России, что его добывают на границе Иркутской области с Республикой Саха, причем, как утверждают специалисты, месторождения уже почти выработаны. А также то, что за чароитом охотятся ювелиры и частные коллекционеры со всего мира.

Маша повернулась от зеркала к мужчинам – вон их сколько теперь в ее семье. Мальчишки выразили восторг, Артем, присвистнув про себя, подумал, что не мешало бы побриться...

– Так, теперь пора за гостинцами. Мужики, за мной, мама пусть полюбуется собой.

Они сидели за маленьким столом – Вовку Артем забрал к себе на колени, от чего мальчик пришел в восторг. Как мало нужно в детстве! На столе к нехитрому угощению Маши прибавились гостинцы Артема: рыба, вяленое мясо, грибы, орехи, мед, варенье, медовуха, сок. Артем рассказывал, что это за рыба, где поймал, как охотился на косяку, чье мясо теперь на тарелке, как свалился с дерева, собирая орехи, потому что сук обломился, как пытался обмануть пчел, чтобы забрать из ульев соты с медом... Его рассказы были интересными, Вовка то и дело задавал вопросы: на что ловится такая громадная рыба, быстро ли бегают косяки, как он добрался до дома со сломанной ногой, а пчелы больно кусаются, медовуха от слова «мед»?.. Разговор длился больше трех часов, но никто не заметил, что прошло много времени. Маша внимательно слушала, не перебивая, не задавая вопросов, и неуверенно улыбалась. Ей показывали

лось, что от медовухи, впрочем, она попробовала самую малость, закружилась голова – нехорошо, что он подумает о ней.

– Так, молодежь, пора и честь знать, – перебил ее мысли мужчина (от его внимания не ускользнуло, что Маша почти ничего не съела, как и не выпила, но все равно не мешало бы сменить обстановку) и встал, ссаживая с колен младшего. – Показывайте дом.

Дом оказался старым, деревянным, приземистым. Они сидели в первой комнате – горнице пятистенника под образами, в красном углу. Следующая комната была больше на одно окно – трехстенник. Чтобы у ребяташек был свой угол, сделали перегородки по слепой (без окон) стене. В одной такой комнатухе обитали Антон с Димой, во второй Вовка с мамой. В общей комнате стоял диван, который не так давно занимала бабушка, теперь нет. В маленьких комнатках места хватало на две кровати и тумбочку. Шкаф и сервант находились в общей, как и стол, за которым ребяташки выполняли уроки. В углу на тумбочке стоял телевизор. Маша ломала голову по поводу теперешнего переустройства, где она, вернее, они с Артемом будут...

– Мам, – Антон дотронулся до ее руки.

– Что?

– Я вроде как из сеней видел дверь во вторую половину, – Артем ждал ответа.

– Да, но та половина совсем старая, хотели ее сломать, но руки не дошли.

– Покажете?

Вышли в сени с четырьмя дверьми: две на улицу (вход с улицы и со двора, одна в пятистенник, одна в старую половину). Чтобы войти в эту часть дома, пришлось нагнуться, ступени шли вниз. Если бы не печь, Артем принял бы эту клетушку за мазанку (сложена из камня). Потолок ничем не обшит, струганные доски с лампочкой посередине и окно одно. Да и хлама хватало.

– Ладно, пойдет. Немного разберем, почистим, – Артем щелкнул выключателем, – да тут свет имеется... и можно жить. Меня устраивает.

Мужчина похлопал рукой по печке, придется ею заняться, а то зимой беда. Маша посмотрела на Артема в недоумении.

– Я вообще-то не отказался бы от помощи, – сказал он. – Куда можно убрать лишнее?

Лишнее? Так они раньше все лишнее убирали сюда. Нет, не пойдет. Может, сарай какой есть? Есть, но в нем Борька с Зинкой. Кто это? Борька – поросенок, Зинка – коза, а еще куры. Артем почесал затылок. Может, просто на улицу, Маша неуверенно смотрела на мужчину. Это все хлам, вон даже ножки от поломанного стула. Она собиралась заняться, кое-что пустить на дрова, чтобы зимой топиться.

– Хорошо, сделаем так. Мама идет убирается на кухне, а мы, мужики, все, что абсолютно ненужное, выносим на улицу, на задний двор. Что можно пустить на дрова, в одну сторону, что нет – в другую, – подвел итог Артем.

– Я чур первый! – при этих словах Вовка потянул ножку стула на себя. Ножка оказалась в его руках, а содержимое, лежавшее на ней, рассыпалось, подняв столп пыли.

– Отставить, – скомандовал Артем. – Во-первых, не мешало бы переодеться в... одежду, более подходящую для пыли, грязи и мусора, во-вторых, надо определить оба места, куда будет все складываться, в-третьих, братья и складываться, а не выхватываться и бросаться. Задача ясна?

– Да, – Антон ответил за всех.

– Отлично. А вы, молодой человек, положите ножку стула пока на пол, она никуда не убежит, обещаю, – улыбался Артем.

Спустя два часа в этом помещении стало наблюдаться подобие порядка. Оставалось несколько мелочей: вымыть окно, подмести пол, заменить матрац на железной кровати, сдвинуть дубовый сундук в угол, приспособить что-то под стол. Маша предложила занести сюда стол из горницы, но тогда не на чем будет есть. Ладно, стол не первая необходимость, можно

смастерить, на худой конец. Еще через полтора часа комната предстала перед взорами удивленных обитателей дома, они до сего дня не догадывались о ее существовании. «Это Выручай-комната, как в Хогвардсе», – заметил Артем.

– Вау! – трое мальчишек обменялись взглядами.

– Думаю, пока пол будет сохнуть, вам стоит умыться, – Артем посмотрел на младшего, – хотя, некоторым «умыться» не поможет, скорее уж отправиться на замачивание в корыте или ванне.

Все рассмеялись. Вовка стоял довольный, несмотря на то, что был грязный с головы до ног без всякого переносного смысла.

– Идем отмываться! – Маша взяла его за руку и направилась к выходу.

– Дим, ты второй, а я пока к Борьке с Зинкой. – Антон тоже пошел к выходу, оглядываясь на комнату: классно получилось!

Дети, устав, легли и заснули сразу. Маша тоже устала, но не подавала виду. После ужина она убрала посуду, застелила чистым кровать Артема, огляделась по сторонам: кто бы мог подумать. Надо разыскать его, он вроде к речке направился. Нет, сидит за двором, уже искупался. Как ни странно, он единственный, кто оказался относительно чистым, несмотря на мусор, пыль, грязь, перенесенные узлы, обломки поломанной мебели и другой рухляди. Теперь мужчина, переодетый в чистые солдатские брюки и такую же рубашку, набивал трубку табаком. Он курит? Вот незадача. Да еще трубку. Это, наверное, чтобы бороду не подпалить.

– Привет! – Маша улыbnулась мужчине. – Можно? – она указала на лавку, на которой сидел Артем.

– Конечно, – он зажег длинную спичку и затянулся.

Маша села, не зная, что сказать. Надо бы, но так не хотелось начинать трудный разговор.

– Тебе завтра на работу? – спросил Артем.

– Да.

– Как добираться?

– Туда с автобусом, оттуда с перекладными.

– Мы завтра встретим. В восемь заканчиваешь?

– Да.

– Маша, полагаю, ты хочешь ясности. Давай так. В силу обстоятельств, мы оказались женатыми,.. фиктивно. У ребят моя фамилия и отчество, бумаги на столе. Что касается нас. Не будем торопиться, сегодня утром мы еще не были знакомы. У каждого из нас не просто...

– У меня как раз все очень просто – не везло с мужчинами...

– Маша, – резко перебил ее Артем. – Я, помимо того, что военный разведчик, биолог-генетик и в состоянии определить, какие черты ребенок унаследовал от отца, а какие от матери. Твоих черт ни в одном из мальчишек нет, так что не стоит заливать про «не везло с мужчинами»... Работаете няней в родильном отделении?

Маша опустила голову, чтобы он не видел ее испуга, услышав вопрос, прошептала пересохшими губами:

– Да.

– Для меня не важно, кто их настоящие родители, куда важнее, смогу ли я стать достойным отцом. Первый раз у меня не получилось: жену и сыновей не сберег – погибли. Вот так. Ритус не случайно предложил тебе в мужья именно меня. Я после смерти семьи ушел от мира, обосновался в глуши, чтобы никого не видеть, не слышать, чтобы никаких связей. Считаю, с чистого листа начинаю. Как ухаживать за девушкой, точно забыл, так что не обессудь, если что не так... Ты устала, был трудный день, а завтра у тебя работа, Маш, иди отдыхай.

– А ты?

– А я еще посижу.

Артем встал рано, по привычке. Распахнул, вернее, выставил окно из своей половины (чуть надавил – оно и вывалилось), открыл двери – пусть проветрится его обиталище. С чего начать? Пожалуй, следует познакомиться с остальными жильцами. Как их там? Ага, Борис. Ничего поросенок, не мешало бы только подкормить – тощеват. Зинка покосилась на незнакомца, проблеяла что-то невразумительное – чего с нее взять – коза, одним словом. Артем вычистил хлев, задал корму, обитальцы подобрали: Борька захрюкал от удовольствия, Зинка разрешила себя подоить. Цыкнув на собравшегося загорланить петуха, Артем осмотрел огород. Ковыряли по мере сил, а сил маловато – не беда.

Артем тихо вошел в дом, прошел в чулан, осмотрелся в поисках цидилки – ага, вот она – марлевая тряпочка в несколько слоев, процедил молоко. Услышав зевок за спиной, сказал:

– Доброе утро.

– Доброе... – Маша перестала зевать.

Она спросонья не рассмотрела, что кто-то есть в чулане. Теперь остановилась в дверях, растрепанная, в ситцевом халате нараспашку, из-под которого виднелась такая же ночная рубашка. Артем сполоснул кастрюльку под ручкой, повесил на гвоздик, с которого снял ее незадолго до этого.

– Чего встала так рано? – спросил Артем, поворачиваясь к Маше.

– Так пора. Вечером ребята управляют, утром я, – Маша запахнула халат, поправила волосы.

– Теперь управляться – моя забота: и утром, и вечером. Молока хочешь?

Маша поначалу опасалась, что жизнь снова подставит подножку, но вроде нет, тьфу-тьфу, не сглазить, все стало налаживаться. Оказывается, вот что значит взрослые мужские руки по хозяйству. Ребятишки старались изо всех сил, но они, во-первых, дети, во-вторых, не очень здоровые. Артем поправил обе печки, заменил прогнившие половицы во всем доме, окна в своей половине и в пятистенке. Разобрал и сделал настоящий хлеб, в котором животные не замерзнут зимой. Крыльцо новое поставил. Окосил вокруг дома, поставил ограду. Всего, пожалуй, не перечислить...

Сегодня мальчишки быстро сделали уроки: задали не очень много. Теперь они рассматривали в микроскоп минералы. Класс! Вовка по привычке задавал множество вопросов – папа, Артем, отвечал на все – как у него только терпения хватало.

– Митя, тебя пятно беспокоит? – отец обратил внимание, что мальчик несколько раз сегодня морщился, приподнимая плечо к уху.

– Пустяки, – ответил мальчик.

Застенчивый от природы, он никогда не заговаривал первым. Лишь по глазам можно догадаться, как хотел узнать о... чем угодно – любознательный человечек. Артема стеснялся до сих пор.

– Иди-ка сюда, сынок, – позвал его Артем.

Мальчик подошел.

– Давай посмотрим. Сними рубашку.

Мальчик послушно снял. Артем чертыхнулся про себя – дубина, ведь знал же, что у него проблема.

– Антон, принеси медицинский саквояж из моей комнаты, – сказал он, вставая, чтобы пододвинуть стул для Мити. – Садись спиной к свету. Придется потерпеть, у тебя рана на плече. Чего не сказал?

– Думал, пройдет, – пожал плечами Митя.

– Не пройдет, если так оставить.

Пока Артем накладывал повязку на рану Мити, Вовка стоял рядом и морщился, будто ему, а не брату было больно. Митя не проронил ни звука.

– Антон, дай какую-нибудь свою рубашку – будет свободнее... Надевай осторожнее, сначала больное плечо, теперь здоровое. Не подбирай под брюки – так свободнее. Завтра в школу не пойдешь: свитер, куртка, лямка от рюкзака – не пойдет.

– Но у нас...

– Не обсуждается. Сейчас возьму кровь на анализ, если мне что-то не понравится, поедem в больницу.

Ветер пытался сорвать крышу, вырвать дом с корнем. Дождь неистово стегал по окнам, пытаясь пробить стекла. Артем прервал свои исследования, направился к детям. Обычно в это время они играют, но сегодня сбились на диване, Вовка даже ноги под себя подобрал, и притихли.

– Я думал, вы тут войнушку устроили и теперь прикинулись мертвыми на поле боя, – попробовал пошутить Артем. – Ну-ка, дайте место старику.

Артем, забрав Вовку к себе на колени, устроился между Антоном и Митей. Так-то лучше. А давайте-ка рассказывать истории. Артем рассказал, как повстречался с медведем – встреча, надо сказать, оставила следы на нем, вернее, его теле. Показывая искаленную ногу, поморщился – к непогоде всегда болит. Антон, оказывается, четыре года назад чуть в реке не утонул – Димка вытащил. Вовка так вообще в колодец провалился. Ну, тут такая история...

Это сейчас колодец обит досками в виде домика с дверцей, которая закрывается на замок – как раз после того случая. Тогда нет. Вовка же с рождения всех расспросами донимал, как только научился говорить, а научился он этому чрезвычайно рано. Однажды так бабушку донял расспросами про кикимору, что та в сердцах сказала: «В колодце она живет, иди сам посмотри». Ну, он и пошел. Подставил скамеечку, заглянул в колодец, позвал кикимору (он же тогда не знал, что она в болоте обитает), ответа нет. Залез в ведро и ухнул вниз. Димка увидел, как ведро сорвалось со сруба, как мелькнула голова брата – кинулся к колодцу, поймал крутящуюся ручку и держал, пока бабушка не прибежала на крик.

Артем погладил Митю по голове и улыбнулся: непростой мальчонка. За разговорами стало не так страшно. Артем между тем взглянул на часы: за Машей сегодня пораньше надо, в такую непогоду не разгонишься.

– Так, молодежь, пора за мамой. Ну, чего застыли. Поедете со мной – мне так спокойнее будет, вдруг наш любознательный куда-нибудь решит отправиться.

Мальчики обрадовались. Теперь по вечерам они редко ездили встречать маму, но сегодня не хотелось оставаться одним дома. Артем догадался, что они напуганы, им сейчас покойнее рядом с ним.

Хорошо, что выехали с запасом времени. На дороге две аварии, пришлось ждать. В другое время Артем вылез бы из машины, пошел помогать – не сегодня: дети важнее. Этот урок он запомнил не только на эту – на все последующие жизни!

На пропускном пункте его машину уже знали. Сегодня дежурный даже поднял шлагбаум, чтобы можно было подъехать ближе ко входу. Маша, выйдя из двери больницы, быстро юркнула в машину.

– Ужас, а не погода, – сказала она, смахивая капли дождя с лица, – прошла два шага – все равно вымокла. Как тебя пропустили сюда?

– Просто подняли шлагбаум.

– Поехали быстрее домой: ребятам страшно.

– Вообще-то, мама, мы все здесь, – сказал Вовка и просунул ручонку, чтобы погладить маму по щеке.

– Тогда хорошо.

Когда въехали в поселок, поняли: света нет ни у кого. Темень – глаз выколи. Дома нашли свечи, даже керосиновую лампу. Зимой часто света не бывает, но чтоб... Маша вздрогнула от удара молнии. Разве может быть дождь со снегом и гром? Это же аномалия!

После ужина Артем пошел проведать животных в хлеву, зашел к себе за мазью и трубкой с табаком. Ночевать сегодня будет на диване, а Маша перейдет к Вовке. Когда он сказал об этом, все с облегчением вздохнули. Лампа будет гореть всю ночь на столе. Артем отнавесил на дверях занавески. Всем видно свет. Машка, не ерунди, не надо ничего перестилать – брысь отсюда. Митька, чего на больном плече лежишь? Антон, поменяйся с братом местами. Вовка, ей богу, голову оторвать мало: куда трубка исчезла? Нечего на нее смотреть: она для взрослых больных озабоченных мужчин. Замечательно, что ничего не понял! Марш в постель! Когда, наконец, все улеглись, Артем отошел к окну и закурил трубку – не стал никуда уходить: отвечает за них головой. Он не боялся непогоды на улице, бывало и хуже. Сегодня он под крышей, в тепле. Бывали времена, что в такую жуть оказывался не под крышей и не в тепле... Он долго стоял у окна, уже и трубка выкурена, и молитва за упокой по каждому прочитана, и... Артем зашел к мальчишкам, поправил одеяла – уснули. К Вовке не пошел – перед Машей неудобно. Диван скрипнул, когда мужчина опустился на него. Теперь намазать рану и постараться заснуть. Он лег на ее подушку, под ее одеяло – хорошо.

Всех разбудил громкий стук. Маша в испуге выглянула в зал, ребяташки вскочили со своих кроватей. В тусклом отблеске лампы все пытались рассмотреть Артема на диване. Но... увидели поднятую руку, застывшую в воздухе. О-о-о!

– Все в порядке, – донеслось с пола. – Это я... и рука тоже моя.

Артем опустил руку и зажмурил глаза: такой классный сон и так неуклюже прервался на самом интересном месте, не просто интересном, а...

– Ты не пострадал? – Маша наклонилась над его головой.

Вот только ее сейчас не хватало.

– Нет. Пострадало только мое самолюбие, я в порядке.

– А чего глаза не открываешь? – спросила Маша.

Чего-чего! Ничего! Какое ее дело! Шла бы спать!

– Перевариваю сон, – хрипло ответил Артем и, подобрав одеяло, сел на диван.

– Пап, а чего тебе приснилось, что ты так шандарахнулся? – Вовка как всегда был главным дознавателем.

– И ничего я не шандарахнулся, – смутился Артем, поправляя одеяло на своих чреслах.

– Еще как! – Вовка расплылся в улыбке. – Мы думали, гром долбанул прямо в диван. Глядим, а тебя на диване нет, – Вовка развел руками и пожал плечами, передавая крайнее удивление произошедшему.

– Нечего думать и глядеть, а также отлынивать ото сна. Марш в постель. Это, кстати, всех касается.

С этими словами Артем лег на диван. Ребяташки залезли в свои кровати, и Маша тоже. Лучше бы, конечно, к нему... Черт! Вымыть бы язык мылом и щеткой, а лучше мозги... Артем, недовольный собой, взбил подушку, словно повинную в его мыслях, подложил кулак под щеку и накрылся одеялом по самые глаза.

Утром он отвез ребят в школу (по такой погоде сидеть бы им дома, но Маша сказала: нечего прогуливать, раз не больны, чтобы не получать выговора от администрации по поводу нерадивого воспитания детей) и теперь растапливал печку в большой половине. У себя позже растопит. Проспали сегодня, света не было, вставать никому не хотелось, у Маши выходной.

– Мне интересно, как дети заниматься будут, если нет света во всем селе? – сказал он Маше, которая потягивалась перед зеркалом умывальника.

Артем закладывал дрова в печку, мельком поглядывая на сонную Машу.

– Как-нибудь, а может, никак. Главное, мальчишки на занятиях.

Она попробовала воду – холодная, умываться расхотелось.

Артем улыбнулся, но промолчал. Между тем Маша снова открыла кран, помочила пальчик, а потом им один глаз, еще раз – второй глаз, взяла полотенце и вытерла глаза – умылась, повесила его на место и повернулась. Артем смотрел на нее и улыбался. О-о-о!

– Проснулась?

Маша кивнула.

– Тогда доброе утро.

Она снова кивнула и собралась исчезнуть из маленького чулана, но все-таки спросила.

– Что тебе приснилось, раз слетел с дивана?

– Ты.

Маша в недоумении уставилась на мужчину.

– Мы были вместе, – скупно уточнил Артем.

Из скупого пояснения не очень разумная девушка не поняла ни слова, поэтому все также смотрела недоумевающим взглядом. Где они были вместе? Артем подошел к ней вплотную, взял за плечи – его подбородок касался ее лба.

– Мы любили друг друга, – прошептал мужчина, втягивая в себя запах женских волос.

Она замерла, он тоже. Хорошо стоять с закрытыми глазами около теплой печки, вдыхать аромат близкого человека. И не важно, что за окном бушует непогода. Мир, может, и рушится, но он там, а они здесь и сейчас...

– У тебя красивые волосы, – мужчина нарушил тишину.

– Обычные.

Маша по-прежнему стояла не шевелясь.

– Прости, – Артем выпустил ее плечи и отстранился. – Я тороплю события. Прости, если напугал.

– Нет, не напугал, – Маша покраснела, пытаясь найти подходящие слова, но они не находились.

Как расскажешь в нескольких словах о своей неудачной жизни. Когда-то юной соплячкой, она думала, что самая красивая, что самая умная – нос воротила ото всего, что не по ней. В школе дружила не с кем-то, а с самым завидным женихом, только он уехал, не попрощавшись, зато ославил ее на всю Ивановскую и это несмотря на то, что ничего не было: потому и ославил. Поехала поступать не куда-то, а в столицу, наивно полагая, что муж сестры устроит в университет, где преподавал сам. На предложение Иогана подготовиться к поступлению громко фыркнула и так же громко хлопнула дверью, обидевшись на сестру. В университет, разумеется, провалилась с недобором на двух-трех баллов, а намного-намного больше. Поджав хвост и опустив нос, вернулась домой.

Устроилась в больницу санитаркой, как по наивности казалось, на год – по жизни – на годы. Если бы не Владимир Иванович, главный врач больницы, неизвестно, как бы вообще сложилась ее непутевая жизнь. Владимир Иванович был другом отца, хорошим другом, не на словах – на деле. Отца Маша не помнила: он погиб, а мама не простила его.

Владимир Иванович не осуждал Клавдию, мать Маши, потому что любила она Димку без памяти, поэтому никак не могла ни простить его гибели, ни оправиться после. Пробовала найти замену Димке, да разве такого заменишь, пробовала утопить горе в вине – горе через край, вот и махнула рукой на девчонок. Катя, уехав из дома, нашла приют, а вот Маше не повезло.

Репутация матери бумерангом ударила по незащитной девчонке, такой доброй, что в доброте забывала о себе. Всех-то ей жалко. Как можно отказаться от родного ребенка? Владимир Иванович качал головой: мир жесток, Машутка, и он тебя раздавит, но девушка не слушала. Отказаться от ребенка! Он же не виноват. Он не просил, чтобы его приводили в этот мир. Если мир жесток, то как незащитное дитя, без матери, без отца, сможет в нем выжить? Неспра-

ведливо! Не бывать этому. Университет? Да Бог с ним, с университетом. Вы посмотрите, как он улыбается, а как тянется! Вот он вырастет и поступит в университет, а она... ничего... нянечкой побудет: университеты многие заканчивают, а вот нянечек вечно не хватает. Качал головой Владимир Иванович: Димким характер. Всем хочет помочь за одним исключением – себе.

Когда Маша усыновила Димку, с матерью случился первый инфаркт. Снова Владимир Иванович: лечение помогло Клавдии, но теперь жить предстояло в строгих ограничениях, а жить-то она как раз не хотела. Владимир Иванович в последний вечер перед выпиской Клавдии долго беседовал с ней. Может, пора о девчонках подумать? Где Катя? Что с ней? А Маша – простая душа? Клавдия не спорила, но и не соглашалась. Владимир Иванович понял это по глазам: ушел, а ее оставил в этом подлом мире... пусть бы в Ад, лишь бы с ним...

Когда речь зашла о Вовке, Владимир Иванович и слышать ничего не хотел. Решила стать Матерью Терезой? Со всего мира будешь втихаря усыновлять и выдавать за своих брошенных детей? Что значит, не поможете, выкраду?! Ну, знаешь! Своих-то когда собираешься родить? Они и есть свои! Замечательно! Мать больная на руках, тетка с дядькой уже умерли, сестра неизвестно где. Маша, трудно быть одной... Не одна – с детьми... Владимир Иванович сдался.

Последний год, когда Клавдия оказалась лежачей после инсульта, сам взялся за поиски родственников Маши. Даже попросил записную книжку матери. Маша, пожав плечами, принесла и отдала – нет там ничего, только знакомые мамы. Владимир Иванович убедился в этом сам – знакомые мужчины. Лишь один телефон недоступен. Не утерпел, задействовал связи – абонент больше не пользуется этим номером. Чей номер-то? Екатерины Дмитриевны Бланки. Спросил на следующий день Машу номер Кати. Так он недоступен, наверное, симку поменяла – вот и весь сказ. Ну, а двоюродные братья? Так не знает она их телефоны, они вовсе не общались после смерти папы, а она и папу не помнит...

Владимир Иванович развел руками: что же делать? В день смерти Клавдии позвонили с номера Кати, но звонил мужчина. Кто разыскивает Екатерину Дмитриевну и по какому вопросу. Владимир Иванович сообщил о смерти Клавдии. В ответ длительная тишина. Он уже подумал, что скинули – ошибся. Когда похороны? Он... не знает. Там Машка одна... Его перебили, не извинившись: понятно и отключились. Владимир Иванович смотрел на потухший экран своего телефона. Ну, и как это прикажете понимать?!

Он же не был знаком с Ритусом Бланки. Звонил Владимиру Ивановичу именно он, потому что ему передали, что кто-то интересуется старым номером Кати. Через два часа Ритус стоял около дома Маши. Он организовал похороны, узнал, что теперь, скорее всего, Машу лишат родительских прав, потому что... ну, не умеет она разговаривать с нужными людьми, как нужно, да и кто они, эти нужные люди, тоже не очень понимает. По своей глупости подала бумаги как малоимущая, так к ней проверка нагрянула. Мать-одиночка, дети часто болеют, так у них врожденные болячки. Антошке операцию сделали, а вот Димке пока никак... еще мама лежачая. Проверка нагрянула, когда Маша после ночной смены приехала, только-только мать начала обихаживать... В общем, тетенька выскочила из дома с зажатым носом: дети в условиях антисанитарии. У них чисто, пусть не все есть, но что есть... Маша от усталости покачнулась, хорошо, Ритус стул подставил. Его вина: недосмотрел. Одним «прости» не обойтись. Замужество? Какое замужество? А, ее? Маша устало улыбнулась. Кому она нужна? И махнула рукой. Однако на звонок Ритуса на следующий день после его отъезда по поводу замужества уже даже не улыбалась – молчала. Ритус сказал, что расценивает молчание как знак согласия и сообщил, что, в таком случае, ее муж, а заодно отец всех троих детей, придет через пять дней. Так появился Артем.

Время – неумолимая категория. Со стороны кажется, оно бежит, идет, ползет, в зависимости от нужд человека в нем, но оно не зависит ни от кого и не от чего ни в одном из миров.

Для пятерых, собравшихся сейчас вокруг стола, время замерло на месте. Можно было бы, вот так и сидели. Покойно на душе, тепло, рядом близкие люди. Вовка как обычно вертелся на коленях у Артема, но взрослый не делал замечаний. Антон и Митя держали поделку, чтобы маме было удобнее плести забор. Артем перед этим приклеил спички (столбы забора), теперь очередь Маши. Поделки получились красивые, даже жалко относить в школу такую красоту. Может, их забракуют и после конкурса вернут? Вовка в очередной раз погладил свой сундучок (делал его, разумеется, папа, но он тоже помогал: крышку красил и замочек повесил). Это же настоящий сундук для сокровищ, на стенках вон сколько разных узоров – они все заговоренные (так папа сказал). Артем погладил Вовку по голове: как мало надо в детстве (придется еще сделать – весь вечер от поделки глаз не отрывает). Мите сделали композицию с елкой, избушкой, оградкой около избушки, даже колодец соорудили. Вместо снега – вата. Елочка вышла очень нарядная. Избушка наполовину занесена снегом, но в окне на столе – лампа, и она горит. Митя спросил, как долго будет светиться диод, что впаял Артем. Достаточно долго. Антону сделали композицию из игрушечных зверей вокруг елки. Елку и зверей вылепили из пластилина, затем нарядили зеленую красавицу (теперь она переливалась на свету), всех зверят Маша одела в нарядные шарфики и шапочки, а маленьких бельчат даже в варежки. Поделки вышли великолепные. Маше всегда нравилось перед Новым годом что-то мастерить – любила этот праздник больше всего. Ой, как засиделись! Время-то! Марш в постель, марш! Артем ссадил с колен Вовку – чистить зубы и по кроватям. Слышал, что мама сказала: марш в постель. Дети со вздохом расходились. Маша попросила Артема подержать поделку. Осталось вот здесь, еще вот там чуть-чуть и...

Артем держал там, где просила Маша, подавал, что ей требовалось, и улыбался, потому что у него имелась возможность рассмотреть девушку вблизи и в подробностях. Ему нравилось увиденное, оттого и улыбался. В какой-то момент почувствовал на себе взгляд (Антон с кровати замечательно видел маму, но еще лучше отчима), но не прервал своего занятия: с какой стати. Он не делает ничего дурного – держит, нет, передает ножницы. Вот! Маша в очередной раз закусила нижнюю губу и наклонилась к поделке. Волосок в очередной раз упал на поделку. Артем заправил его за ушко: у нее руки заняты, а он здесь как раз, чтобы помогать. Спасибо! Вот, еще и спасибо получил! Какой молодец!

На следующий день Артем как обычно после обеда сидел у себя. Дети в это время делали уроки, поэтому он им не мешал, а они ему. У Маши не было привычки делать уроки с детьми: проверить, помочь в чем-то – другое дело, но без фанатизма. Артему такая тактика более чем понравилась: пусть приучаются к самостоятельности, заодно слушают на уроках, что и как выполнять, чтобы потом родителей не заставлять мозговыносите́льством заниматься. Мальчишки смышленные, даже Вовка (одна беда – егоза, за что систематически переписывал домашнее задание). Когда постучали в дверь, Артем сказал: «Да» и продолжил свое занятие. Антон сел рядом со столом на табурет.

– Что делаешь? – спросил мальчик.

– Лезвие для ножа.

Артем рассматривал под лампой заготовку для ножа. На столе лежало несколько деревянных заготовок.

– А это для чего? – снова спросил Антон.

– А это будущая рукоятка. Ну-ка, попробуй, какая больше понравится.

Антон по очереди подержал все пять деревяшек. Дерево разное, это он понял. Какое-то оказалось тяжелее, несмотря на то, что по размеру были одинаковыми.

– А нож будет большим?

– Нет, средним.

Артем подал мальчику заготовку. Антон взял ее осторожно, будто острый нож, подержал на ладони, потом по очереди приложил деревяшки, взвешивая на руке.

– Может, эта? – спросил он.

– Может.

Артем забрал и заготовку, и брусок: молодец.

– Ты по делу или посидеть? – взрослый не стал юлить, знал, что придет, потому что старший.

– Я хотел кое о чем спросить. Можно?

Артем, отложив все в сторону, повернулся к Антону:

– О маме?

– Да.

– Спрашивай.

– Вчера... – Антон откашлялся, чтобы не хрипеть, – ты так смотрел на маму, – и замолчал.

– Вчера я смотрел на маму – это констатация факта. Ты собирался задавать вопрос. Задавай. – Артем понимал, что силы не равны, что перед ним всего лишь ребенок, но для того, чтобы выжить, надо отвечать за слова и поступки.

– Почему ты так смотрел?

– Вот. Теперь я услышал конкретный вопрос. Ответ: потому что мне нравится твоя – ваша – мама, – после паузы Артем добавил, – я не против поухаживать за ней, да не знаю, с чего начать. Элементарного о ней не знаю: какие фильмы и музыка ей нравятся, какие цветы любит, любимый цвет, о чем мечтает. Она все время занята, редко бывает отвлечена интересным занятием, не считая вчерашнего случая.

– Она хорошая, и добрая... – Антон опустил глаза и замолчал.

– Антон, – Артем нахмурился, – в чем дело?

Мальчик помогал головой: ни в чем.

– Ну-ка, выкладывай, – приказал Артем.

– Мама очень хорошая, только из-за своей доброты... из-за нас... не смогла устроиться в жизни.

Артем не стал уточнять, но ждал продолжения. Антон набрался храбрости и сказал:

– Я знаю.

– О чем?

Мальчик поднял глаза:

– О том, что все мы усыновленные, а не родные.

О как! Так! И как реагировать на такое признание?! Артем потянулся за трубкой, долго выбивал ее – и так чистая – долго набивал табаком, долго раскуривал. Наконец, спросил:

– Давно?

– Полтора года.

– Откуда?

– От бабушки.

– А мальчишки?

– Вовка точно нет, Димка – не знаю. Я не спрашивал.

Артем докурил трубку, выбил пепел.

– Жизнь, порой, закручивает в такой переплет... У тебя нет родителей – у меня были дети – два сына, а сидим мы с тобой тут и сейчас: ты – мой сын, я – твой отец. Вот так!.. А мама у тебя замечательная...

– Да чтоб тебе!

Разговор прервался самым необычным способом. Артем с Антоном переглянулись и направились в коридор, посреди которого Маша ругалась со стиральной машинкой, потому что «Малютка» отказывалась стирать белье. С точки зрения техники, за продолжительные годы

неимоверно тяжелого труда она заслужила выхода на пенсию и по выслуге, и по старости, и по износу, и отдыха, а лучше – забвения где-нибудь в сараюшке.

– Ну, как это понимать? Выплескивает воду и все.

С этими слова Маша в сердцах бросила половую тряпку на пол. Она вытирала его перед этим дважды. Первый раз подумала, что воды плеснула больше, чем обычно. Второй раз – может, заложила белья на такое количество воды много, но теперь-то что? Артем посмотрел на кучу грязного белья – вот незадача: Маше два дня с восьми до восьми.

– Маша, я, конечно, посмотрю старушку, но не ожидай чуда. Давай сделаем так. Завтра отвезу тебя на работу, куплю новую машинку и все выстираю. Хорошо?

– Нет. – Маша резко разогнулась, чтобы отжать тряпку в ведро, заодно дунуть на волосы – чего выбились. – А ты чего на мокром? – она только увидела, что Вовка стоит как раз в луже.

Артем под мышки поднял младшего: с носков капало. Самому бы не утонуть – переступил на сухие половицы.

– Замечательно, еще и в погреб натекло! – Маша быстро собирала воду, но все услышали, как капает вода с половиц в подвал: полы так себе.

– Антон, помоги, – Артем показал на ноги Вовки – снимай носки. – Теперь...

Потом общими усилиями остановлен, машинка оставлена в покое (Артем разобрал ее, но собирать не стал – чинить там нечего, один износ в прямом смысле, странно, что она вообще работала). Теперь Артем переставлял банки в подвале – ерунда, а вот картошка – плохо. Наверху Маша стирала вручную. На предложение Артема оставить до завтра так зыркнула, что он молча отправился в подвал. Спустился Антон с газетами: мама сказала застелить картошку, газеты частично впитают влагу, а завтра их собрать. Хорошо.

– Ты не передумал? – спросил Антон перед тем как покинуть подвал.

Артем понял: ухаживать, почесал бороду, улыбнулся – нет, сынок.

Чертова машинка! А все Антонина Ивановна! Ей богу, это все она! Ведь до разговора с ней машинка работала исправно, ну, иногда, кулачком по мотору стукнешь – и работает себе. Маша встала, как, впрочем, и легла, накануне, в отвратительном настроении. Ехала молча. Артем не стал спрашивать ее разрешения отвезти на работу, попутно купить стиральную машинку, просто завел машину и открыл дверь, когда девушка вышла из дома. Что он подумает? Ну, Антонина Ивановна!

А все потому, что в последнее свое дежурство Маша попала со старой санитаркой Антониной Ивановной, дремучей пенсионеркой, но работающей – жить-то хочется, а на минималку никак! Антонина Ивановна была словоохотливой старушкой, Маша ей нравилась, поэтому считала своим долгом иногда учить уму-разуму девушку.

– Ох, Машка, простая ты душа! – говорила она в тот вечер. – Да будь ты немного поумнее, похитрее. Жизнь-то неизвестно какая впереди ждет. Подвернулся мужик – хорошо, но ты, раз мужик-то в доме, поимей с него чего-нибудь. Знаешь, так лаской, все лаской, вроде играючи, а сама на черный день хоть тыщонку, а то поболе. В другой раз, чего из одежонки. В следующий, чего из техники: холодильник, телевизор, машинку стиральную... Оно, глядишь, не с голым задом останешься... Они, Маша, мужики-то все одинаковы. Как им баба приестся, так другую подавай. Ты девка красивая, мозговитая – одна беда – дурочка. Сколько баб глупее тебя тобой помыкают? А все почему? Они с образованием. Да ты лучше их всех вместе взятых знаешь, как дитя отходить, по виду диагноз поставишь, но в карточку пишут другие, а ты вон... Эх, так и с мужиками. Ночью-то поласковой будь. Понятно, устаешь, понятно, дети – дом маленький – при них не разбежишься, ну, придумай, когда да где...

Маша, как и в тот раз, снова густо покраснела. Не сказала она Антонине Ивановне, что у них фиктивный брак – никому не сказала, даже Владимиру Ивановичу. Артем заметил пунцовые щеки Маши – скорее всего, кто-то что-то на работе... Спросить, все ли в порядке и получить положительный ответ. Артем ударил по тормозам, Маша ойкнула, подалась вперед.

– Давай-ка выясним один момент. Что бы кто бы тебе не сказал, не посоветовал, не предложил, не... одним словом, я... никуда не денусь. Это, во-первых. Я отвечаю за тебя. Это, во-вторых. Я отвечаю за детей. Это, в-третьих. Уяснила?

– Отвечаешь перед кем?

– Перед своими погибшими женой и детьми.

Помолчав Маша, ответила:

– Уяснила.

– Отлично! Впрочем, румяные щечки тебе к лицу...

Вовка все еще рассматривал, чего бы вкусенького ему съесть. Насытившийся животик, впрочем, протестовал, он уже ничего не хотел, разве что полежать. Антон с Димкой весело посматривали на младшего брата, но молчали. Мама убирала лишнюю посуду – на праздничном столе по-прежнему много разных вкусностей. Артем жонглировал мандаринами – у него классно получалось. По телевизору шел концерт, новогодний огонек, но никто не прислушивался: скорее, для фона.

Маша сегодня выглядела нарядной, веселой и... красивой, потому что глаза улыбались. Артем тоже ничего: рубашку нормальную надел и брюки, а не как обычно: свитер, жилетку и защитные штаны, заправленные в шерстяные носки, бороду подстриг – помолодел. Маша в очередной раз осмотрела стол: все ли на месте – до полуночи есть немного времени. Артем, жонглируя, по очереди раздал детям мандарины: будет, чем заняться. Отлично – то, что надо: приличная песня. Артем повернулся к Маше – грешно не потанцевать под такую музыку. Она с удовольствием. Мальчики поначалу посматривали на родителей вполглаза, но интерес пересилил – повернулись. Артем, оказывается, отлично танцует. А! На последних аккордах мужчина привлек к себе девушку и без зазрения совести поцеловал. Музыка смолкла, а поцелуй все длился. О-о-о! Мальчишки онемели, Вовка вовсе сидел с открытым ртом. Нет, они, разумеется, видели в кино, как целуются, но чтобы мама с папой вот так рядом... Артем отпустил Машу: щечки порозовели, но не более того, осмотрел парней: какие-то проблемы? Нет? Отлично.

– Артем, – Маша пальцем вытерла остатки помады на его губах и бороде.

Мужчина облизал губы и снова улыбнулся: замечательно.

До Нового года всего ничего. Антон, чего застыл? Шампанское открывай. Мальчик взялся за бутылку – никогда прежде не открывал. Пора учиться. Взрослые выпили шампанское с градусами, дети – без. Каждый под бой курантов загадал желание: пусть исполнится. Вот! Очередной Новый год! Ура! Вовка кричал громче всех. Теперь время фейерверков! Все на улицу! За окнами всю слышалась пальба. Гурьбой высыпали из дома. Хлопки раздавались со всех сторон: неужели бабульки стали настолько продвинутыми? Артем из гарнизона привез настоящий салют – специально ездил, чтобы порадовать детей и... удивить Машу. Получилось: и радости, и удивления было много. Ну, слава Богу, а то она в последнее время стала какая-то... непонятная.

Артем снова вспомнил их перебранку некоторое время тому назад. Впрочем, «перебранка» – сильно сказано – «перемолвка». Маша с утра свернула высохшее белье и теперь штопала, что требовало починки. Артем по привычке забрал свою стопку и отнес к себе, но, раскладывая вещи, не нашел футболки. Он взрослый дядя – сам зашьет, если потребуется. С этими мыслями отправился к Маше. Она сидела спиной к двери и не видела, как он вошел, вообще не ожидала, что он придет – в это время обычно он занимался своими делами – какими именно – Маша не спрашивала. Поэтому девушка с чистой совестью зашивала свое нижнее белье.

– Гм, – раздалось над ее головой, когда она отгрызала нитку от узелка на трусиках – дырочка ликвидирована.

Маша подняла голову и посмотрела вверх – нитка оторвалась.

– Можно узнать, где моя футболка? – Артем сделал вид, что не замечает шелковых кремовых трусиков в ее руке.

– Я ее пыталась зашить. Впрочем, одним швом больше – одним меньше – ей уже не страшно.

– Я сам в состоянии зашить дырку на любимой футболке.

– Ну, если любимая, то, конечно... – Маша нашла в стопе починенных вещей нужное и подала Артему.

– Да, любимая. Что плохого? У тебя ведь есть любимая вещь – полагаю, они, – Артем указал на трусики, спрятавшиеся в Машином кулачке.

Маша начала краснеть, но передумала: чего уж – все равно на веревке видел все ее белье, поэтому аккуратно свернула трусики и положила в общую стопу. Артем растерялся: не так, не с того... ох!

– Прости, не хотел...

А чего хотел? Артем почесал бороду.

– Спасибо, – и пошел к двери, но остановился. – Маша, я не знаю, как по-умному сказать, но... если что надо... – и ушел.

По-умному? Маша снова вспомнила слова Антонины Ивановны. Содержанкой не будет. Деньги, что дает Артем, не тратит – так и лежат в столе – он знает... У него, видно, тоже не густо: двое брюк с рубашками – форма, два свитера, три футболки, пара трусов да носков, жилетка... Не в этом дело...

Вернулись в дом. Вовка еще в коридоре спросил, сейчас уже первое января? Класс! Это значит, что можно подарки открывать: мама сказала ждать первого января. Вовка во все глаза смотрел на маму. Он сегодня весь день от елочки не отходил, потому что под ней пакеты с подарками. Нет, в Деда Мороза он не верил – взрослый уже. Он понимал, что подарки от мамы, от папы, от братьев – простые, своими руками (по секрету, он тоже всем подарки сделал), но это ПОДАРКИ от самых близких людей. Артем переглянулся с Машей: да, уже первое января – время искать под елочкой пакет или сверток со своим именем. Вовку тут же сдуло торнадо. Елочке пришлось отпрянуть от натиска богатыря Владимира, хорошо, что на ней только небьющиеся игрушки, сделанные своими руками в прошлых и, в основном, в этом году (Артем отлично вырезал игрушки из дерева).

Мальчик достал все четыре свертка со своим именем. В маленькой коробочке леска, грузила и перо (Антон запомнил, что Вовка хотел научиться ловить рыбу), в красивой упаковочной бумаге рисунок Димки в рамочке – портрет Вовки карандашом (классно рисует брат), в пакете с Дедом Морозом – свитер и шапка от мамы – класс, в последнем – подарок от папы. Ух, ты! Это же сундучок для желаний! Он сказочный! Стоит загадать желание, только сильно-пресильно, написать его на листочке и опустить в сундучок – оно сбудется! Правда-правда! Так во всех книжках написано!

Вслед за Вовкой не удержались Антон с Митей. Антон получил от Вовки пластилинового розового слона, свой портрет в рамке от Мити, свитер и шарф от мамы и нож, заготовку которого когда-то выбирал сам, от Артема. Класс!

Митя получил от братьев настоящие краски и кисти, от мамы – свитер и носочки, а от Артема... он сначала глазам не поверил. Это, правда, настоящий мольберт? В ответ прочитал в глазах Артема: учись, сынок.

Взрослые тоже получили подарки от детей, а Артем – от Маши свитер с носками. Когда только успела, а главное – где? А вот Маша получила только три подарка – от детей. Вовка в недоумении посмотрел на папу: не понял! Артем огладил бороду, взглянул на Антона: помоги. Чем? Да, действительно, чем.

– Маша, я не стал класть свой подарок под елку... Он с продолжением, я бы так сказал...
– Артем достал из кармана брюк коробочку и протянул Маше.

– О!

Маша начала краснеть, приложила руки к щекам, потом подумала, что она дуреха, там могут оказаться дешевые сережки или цепочка, а она выдумала невесть что, поэтому еще больше покраснела. Наконец, девушка просто закрыла глаза, так и стояла с прижатыми к щекам руками и закрытыми глазами. А ему что прикажете делать? Артем зажмурился и спросил:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Тишина уселась за праздничный стол и не спеша рассматривала всех присутствующих. Вовка мысленно написал записку и опустил в ящик для желаний. Антон думал: мама, пожалуйста, открой глаза. Митя знал, что за подарок приготовил маме Артем, потому что помогал выбирать колечко (на прошлой неделе ездили с папой в гарнизон в больницу на осмотр, и не только на осмотр), теперь надо помочь. Он коснулся руки Артема – тот открыл глаза, руки мамы – она тоже открыла глаза. Артем открыл коробочку и, вставая на колени, протянул кольцо.

– Ты выйдешь за меня замуж? – снова повторил мужчина.

– Да.

Все вздохнули с облегчением. Артем надел кольцо на палец, встал и поцеловал Машу крепко, но не жадно.

– Ух, ты! Ура! – Вовка захлопал в ладоши.

Артем оторвался от Маши, взял на руки Вовку и поцеловал в голову, мальчишка тут же обнял его в ответ. Когда папа поставил его на ноги, Вовка обнял маму за пояс, так и застыл. Артем по очереди притянул к себе Антона, потом Митю, шепнув: «Спасибо, сынок».

Сейчас бы чего-нибудь крепенького! Артем погладил бороду: ох!

Ребята разошлись по комнатам, Маша убирала продукты в чулане: что в холодильник, что Борьке с Зинкой. Артем занес последние тарелки.

– Мыть буду завтра, – сказала Маша, складывая посуду в раковину.

– Ты хочешь сказать, сегодня, – уточнил Артем.

– Какой ты дотошный. Если следовать твоей дотошности, то я замужем, кстати, за тобой, так что твое предложение выйти...

– Маша, – Артем подошел ближе. – Ты понимаешь, что я хотел и хочу сказать. Мне это было необходимо, тебе тоже, и мальчишкам...

– Я испугалась, – призналась Маша.

– А я-то как... Машунь, чулан не лучшее место для признаний, но я... как увидел тебя на пороге, так и влюбился. Ты... какая-то домашняя, без выкрутасов дурацких – просто девчонка, которую я люблю... Не умею подбирать слова... прости...

– Ты подобрал... – Маша закусил губу.

– Что тебя волнует? – спросил Артем, видя ее растерянность.

– Ну, много чего... Пол холодный, к примеру... а...

– Иди-ка, Машенька, спать. Печку я сейчас растоплю, чтобы чуть свет не вставать.

– Хорошо... а... куда? – и снова закусил губу.

– Забыла, где диван находится? Проводить?

– Нет, диван найду сама, а...

Артем понял и, не давая возможности договорить, привлек к себе. Целовал долго, жадно, растрепал волосы, распахнул ворот платья: черт! хорошо!

– А теперь исчезни, – Артем оторвался от сладких женских прелестей.

Она исчезла, а он еще стоял, опершись о притолоку чулана. Нельзя так с девчонкой – она заслуживает большего, да и он тоже...

Часть 2

Глеб

Глава 1

Глеб прошел по пустому коридору, постучал в дверь с табличкой «доктор Вощева». На предложение войти открыл дверь, однако увидел, что за столом не доктор, а ребенок.

– Где доктор? – раздраженно спросил Глеб.

– Ушла на вызов, – ответил мальчик лет десяти.

Видно, сын. Он спокойно смотрел на взрослого человека: мама предупреждала, что военные должны завести лекарства.

– Вы привезли лекарства? Можете оставить их здесь – я не украду, – мальчик решил пошутить – напрасно.

– Если такой остряк, отправляйся за коробками, – Глеб хмуро посмотрел на шутника.

– Детям носить тяжести запрещено, – мальчишка нарывался на неприятности.

– Значит, носить коробки тебе нельзя, а хамить можно? – тон Глеба не предвещал ничего хорошего.

– Именно! – мальчик сложил руки, словно в школе на уроке, ожидая продолжения.

Глеб подошел вплотную к столу, навис коршуном над ребенком, но тот нисколько не испугался. Напротив, был готов, даже хотел, чтобы что-то произошло.

– Вероятно, я должен затрястись от страха и описаться? – спросил он.

Глеб впился в него глазами: отступить никто не собирался.

– Дядя решил поиграть в гляделки? – язвительно продолжал спрашивать мальчишка.

– Даня, я пришла, – в коридоре послышались шаги. Женщина торопливо распахнула дверь. – Здравствуйте, извините за опоздание.

Глеб оторвал взгляд от мальчика и нехотя обернулся. Раскрасневшаяся от быстрого шага, женщина стягивала с себя шарф, расстегивала пальто. Мужчина ничего не стал говорить, лишь наблюдал.

– Одну секунду, пожалуйста.

Доктор поставила медицинскую сумку на кушетку, туда же бросила шарф. Подойдя к столу, налила стакан воды – выпила одним залпом, шумно выдохнула.

– Все. Теперь можно идти, – она посмотрела на молчащего мужчину, – за медикаментами. Они, я полагаю, в машине.

Глеб молча вышел в коридор, не оборачиваясь, пошел к выходу. Открыв багажник машины, наклонился за коробкой.

– Давайте сложим на ступеньки. Я сношу позже – не стоит вас задерживать.

Женщина вслед за мужчиной вынимала коробку из багажника и направилась с ней к ступеням медпункта. Она не отставала от Глеба, не жаловалась на усталость, на тяжесть. Мужчина не стал вдаваться в подробности.

– Спасибо, – просто сказала она, когда все медикаменты оказались на ступеньках. – Скажите, будет совсем некрасиво, если я еще попрошу ваше командование о помощи?

– О чем именно? – спросил Глеб, захлопывая багажник.

– О пандусе, чтобы могла въехать инвалидная коляска, – женщина показала рукой в сторону ступенек.

– У вас много пациентов в инвалидных колясках? – спросил Глеб, нахмурившись.

– Нет.

Женщина не собиралась упрашивать. Глеб это понял.

– Хорошо. Пандус будет. Завтра.

– А сегодня нельзя?

Брови Глеба медленно, но верно поползли вверх: ну и наглость.

– Если найдем цемент.

Он, не прощаясь, обошел машину, чтобы сесть. Отъезжая, посмотрел в зеркало заднего вида: она снова принялась за коробки, чтобы теперь перенести их в помещение.

Через пару часов приехали солдаты делать пандус. Глеб был с ними. Он не стал говорить о просьбе доктора Бланки: эту проблему он может решить сам. Глеб не сразу заметил ее. Женщина старалась не мешать, однако внимательно наблюдала за работой строителей.

– Здравствуйте.

Солдаты по очереди поздоровались с ней.

– Здравствуйте, – ответила женщина.

Она по-прежнему не отрывала взгляда от того, как укладывали кирпичи на ступеньки, швеллеры по краям, чтобы цемент со временем не рушился.

– Мы делаем хорошо, – сказал Глеб, уязвленный, что работу его солдат контролирует дотошная бабенка.

– Я вижу, – она не взглянула на него, занятая своим делом: наблюдением.

Когда работа была закончена, доктор поблагодарила солдат, предложила войти вовнутрь, чтобы вымыть руки. На том и расстались.

На следующий день Бланки спросил, отвез ли Глеб медикаменты. Что за глупый вопрос? Разумеется, да. Как доктор? Глеб пожал плечами: его это должно волновать? Не мешало бы узнать, как она устроилась на новом месте. Администрация поселка предоставила жилье, но мало ли что. Почему бы Глебу не проведать ее? Он что, ей нянька? Бланки промолчал, что означало, Глеб знал по опыту, положительный ответ.

Медпункт оказался закрытым. Что прикажете делать? Домой ехать? Глеб хотел повернуть машину на полигон, но знал, что утром командующий спросит, ответить будет нечего. Вранья Бланки не переносил. Глеб спросил у вездесущих старушек, где живет новая доктор. Ему показали.

Мужчина оставил машину на обочине. Дом построили в конце лета, поэтому вокруг черная земля. Забора, разумеется, нет. Глеб прошел по дорожке, засыпанной щебнем, на котором после дождя виднелись отпечатки колес, скорее всего, от коляски. Половину ступенек занимал пандус, плохо высохший (последние несколько дней шел мелкий осенний дождь). Глеб звонил в дверь, разглядывая пандус: делал его не профессионал, скорее всего даже не мужчина. На звонок не отвечали. Глеб прошел к окну, заглянул в него: на диване сидел мальчишка с книгой в руках. Мужчина постучал в окно. Мальчик узнал его, но не сдвинулся с места. Глеб снова постучал:

– Открыть можешь?

Мальчишка понял вопрос, но отрицательно покачал головой.

– Что вы здесь делаете?

Глеб не слышал, как она подошла, поэтому резко обернулся, поскользнувшись на грязи под окном.

– Черт! – выругался он и на себя в том числе.

– Так что вы делаете возле моего дома? – женщина сердилась и была права.

– Приехал узнать, как устроились, – огрызнулся Глеб и добавил, – начальство послало.

– Хорошо.

– Что хорошо? – не понял Глеб.

– Устроились.

Она не собиралась вдаваться в детали. По ее взгляду Глеб понял, что доктор сомневается, во-первых, в его умственных способностях, во-вторых, он для нее всего лишь солдафон, в-третьих, он грязный солдафон, не умеющий и не желающий помогать женщинам без распоряжения сверху.

– Не смею вас задерживать, – она поднялась к двери, достала ключи.

– Почему сын не открыл дверь? – спросил Глеб, глядя на грязные берцы.

– А должен был?

Женщина уже открыла дверь и теперь ждала ухода непрошеного гостя. Глеб посмотрел ей в глаза и обжегся.

– Гордые!? – был ли это вопрос или восхищение, он сам не понял.

– Да.

Ответ оказался понятен простотой и отчетливостью. Она закрыла за собой дверь.

На следующий день Глеб приехал с утра. Он понял, почему мальчик отказался помочь ему в медпункте, понял, для кого понадобились пандусы. Но почему мальчик не смог открыть дверь?

Матери дома не было. Глеб открыл дверь своим ключом, вернее, отмычкой. По закону его за это и за решетку могут засадить, да ладно, чего уж там. Мужчина разулся в прихожей, загроможденной коробками: переехали, но не до разбору. Заглянул в комнату, где вчера сидел мальчик: он снова в той же позе, снова за книгой.

– Вам не говорили, что вламываться в чужую квартиру нехорошо? – мальчишка спрашивал, не отрывая головы от книги.

– Нет, – Глеб стоял в дверях, прислонясь к косяку.

– Чего надо?

– Мне ничего. Это вам нужна помощь.

– С чего вы взяли? – мальчишка оторвался, наконец, от книжки и посмотрел на мужчину.

– Я тоже с характером, так что проехали...

Мальчишка отложил книгу.

– Коляска там, в той комнате. Мы с мамой пытались починить.

Глеб посмотрел на закрытую комнату. Открыв дверь, увидел сломанную инвалидную коляску.

– Останешься здесь или будешь помогать? – спросил Глеб, не оборачиваясь.

– Я не смогу... добраться.

Мужчина обернулся и увидел, как ребенок опустил голову. Скулы выдались вперед, руки сжались в кулаки. Десятилетний парнишка показался ему перышком. Глеб осторожно усадил ребенка на пол, спросил:

– Надо что-нибудь?

– Нет, – мальчик придвинул руками свои непослушные ноги.

– Схожу за инструментами, – сказал Глеб.

Он никогда не ремонтировал инвалидные коляски, не знал, сможет ли починить эту, но должен попробовать. Глеб нашел причину поломки, теперь подбирал подходящий болт. Мальчик ни о чем не спрашивал, лишь внимательно наблюдал за работой взрослого, как его мать несколько дней тому назад наблюдала за работой солдат, чтобы затем самой сделать пандус для сына. Глеб закрутил последний болт: вроде бы все.

– Попробуем? – он посмотрел на ребенка.

– Да, – ответил тот.

Глеб посадил мальчика в коляску. Тот проехал по комнате.

– Спасибо.

Глеб собирал инструмент и сделал вид, что не расслышал.

– Руки можете помыть в ванной. Это тут. Меня, кстати, Данилой зовут.

– А меня Глебом.

Мужчина встал и посмотрел в глаза ребенку, слишком глубокие и умные, совсем не детские. Опомившись, Глеб прошел в ванную. Журчала вода, но он не спешил. Зеркало, прилоненное к стене, говорило о том, что и здесь не помешала бы мужская помощь: две зубные щетки в стакане тому подтверждение.

Так завязалась дружба между мужчиной и мальчиком. Глеб теперь каждый день приезжал к Даниле, который ждал его. С его матерью мужчина поначалу не встречался, однако, как любую мать, Юлю интересовало, что делал ее сын, тем более, больной. Данила вскользь упоминал, что приезжал Глеб, он не звал его дядей, считая, что теперь они настоящие друзья. Почему же в таком случае друг сына все время уезжает до ее возвращения? Ответа на это вопрос Данила не знал: может, случайно? Интересная случайность...

– Я не педофил.

Глеб стоял в дверях кухни. Сегодня он дождался возвращения Юли. Днем Данила передал вопрос матери. Она только что пришла с работы, заметила машину на обочине, берцы в прихожей, куртку на вешалке.

– Это радует, – Юля доставала из пакета продукты и убирала их в холодильник.

– Что плохого в том, что мы подружились с Данилой? – Глеб не собирался отступать.

– Ничего.

– Но? – Глеб почувствовал в интонации женщины недоговоренность.

– Ответьте на вопрос, большой взрослый мужчина, что мне делать с Даней после того, как вам надоест играть с ним? Что мне сказать сыну? – безжалостные глаза впились в Глеба: увернуться не получится. – Интересное занятие, а главное, необычное, не набившее оскомину: дружба с инвалидом.

Глаза Глеба превратились в щели. Он прохрипел:

– Вы думаете, дамочка, что нельзя дружить с мальчиком только потому, что он инвалид? Да ты глупая курица, не видящая ничего вокруг себя.

– Это ты глупый чурбан, солдафон, которому надоело маршировать по плацу и убивать людей...

Больше они не ругались, впрочем, они вообще мало разговаривали, как и виделись. Юля не пустила бы мужчину и на порог, но Данила ждал его. Мальчику не хватало мужского общения, ох, как не хватало. В школу он не ходил, обучался дистанционно, поэтому общение со сверстниками свелось до минимума, то есть до нуля. Сама Юля вынуждена работать, хотя каждую свободную минуту уделяла сыну, забывая об усталости.

Глеб вел себя чрезвычайно корректно, что было необычно, по мнению Юли, для солдафона. Для него Данила сразу стал сыном. Сначала мужчина спрашивал о занятиях, порой помогал с математикой, с которой у мальчика бывали проблемы. Затем они решали, чем заняться. В последнее время шахматы отошли на второй план из-за моделей. Уже два танка красовались на полке. Сегодня они мастерили третий. Работа весьма кропотливая: надо разобраться в чертежах, аккуратно вырезать все детали, согнуть, склеить. Засиделись допоздна. В дверь постучала мама.

– Можно?

Они не услышали ни стука, ни вопроса. Оба сидели на полу, склонившись под лампой. Глеб вертел в руках микроскопическую деталь, а Данила что-то ему объяснял.

– Да нет же, говорю тебе, это вот...

– Данила, – мама стояла над сыном.

– Ой, мамуль, мы увлеклись. Понимаешь, тут осталось совсем немного, но никак не можем понять.

– Куда уж тут понять.

Глеб услышал в ее голосе издевку.

– Дайте нам пятнадцать минут.

Он посмотрел на часы: поздно. Юлия молча вышла из комнаты. Она поставила чайник на плиту: вряд ли сегодня удастся уснуть, впрочем, как вчера, как предыдущую ночь. Женщина с каждым днем понимала все отчетливее: посторонний человек дает ее мальчику куда больше, чем она. Что она может предложить сыну? Безграничную любовь и заботу? Это важно, нужно, но что в будущем? Мальчику необходимо взрослеть, становиться мужчиной, уметь выполнять мужскую работу по дому. Кто научит? Глеб? Хорошо. Она готова смириться с его присутствием в доме. Каковы пределы ее готовности? Они безграничны ради сына, но есть и другой вариант. Что если Глеб по каким-то причинам (ведь неизвестно, чего ради он здесь находится) перестанет к ним приходить. Что тогда?

Юлия услышала свист чайника и машинально схватилась за ручку, которая оказалась чрезвычайно горячей. Инстинктивно женщина выронила чайник, он ударился о плиту, перевернулся, и весь кипяток вылился на нее. Именно этот момент, как кипяток ошпаривает Юлию, увидел Глеб, выйдя из комнаты Данилы. Юлия онемела от боли, сжав руки в кулаки, словно пыталась собрать остатки своих сил. Глеб очнулся первым. Ему потребовались доли секунд, чтобы оказаться рядом, чтобы отклонить халат, прилипший к ногам.

– Данила! – крикнул он.

Глеб расстегнул халат и осторожно снял его: рука, бок, нога на глазах покрывались яркими красными пятнами.

– Что? – Данила не понимал, что произошло.

– Возьми мой телефон. Найди Бланки, позвони.

Юлия плохо помнила, что происходило потом. Очнулась она в палате с капельницей в руке. В горле першило, скорее всего, необычное действие препарата, но боли не чувствовала. Первая ее мысль – о сыне: где он, с кем.

Юлия лежала в госпитале ЭСВ. Ожоги заживали. Со временем следы исчезнут, даже если нет – не велика важность. Но так рисковать собой больше нельзя – с кем останется Данила? Пока он с Глебом. Они навещали ее несколько раз. Глеб завозил мальчика к матери, сам тактично удалялся. Данила рассказывал о своих успехах, о том, что прочел, что смастерил. Он скучает, кушает хорошо, лекарство принимает, по утрам делает гимнастику. Глеб ночует у них, спит в зале. У них все прибрано. Цветы поливают. Долго не засиживаются.

Глеб приехал за ней один: Данила ждет дома. В дороге молчали, слушали негромкую музыку, в основном бардовскую. Странно, Юлия думала, что он вообще музыку не слушает, а тут стихи со смыслом. Уехал сразу по приезде. Они остались с Данилой одни. Сын приготовил ужин: разогрел пиццу, сделал бутерброды. Почти сказка. Почти? Сказка?

На следующий день мужчина не приехал. Данила у себя в комнате читал книгу. На вопрос Юлии, приедет ли дядя Глеб, ответил, что нет, у него дела, как и на следующий, и на следующий. Мужчина звонил мальчику, расспрашивал о чем-то, советовал, Юлия слышала краем уха их разговор, но сам не показывался. Явился на пятый день. Лишь поздоровался, впрочем, сквозь зубы, когда она открыла дверь, снял куртку, обувь и прошел к Даниле: полный завал по математике под конец четверти.

Юлия сидела в зале с включенным телевизором, который не смотрела, скорее он требовался для фона, пыталась прочесть несколько строк из первой попавшейся книги. За стеной, наконец, прекратились пререкания по поводу математики. Нельзя такому несдержанному человеку командовать людьми. Почему вообще Данила не сказал ей о проблеме с учебой – они разобрали бы как раньше.

– Мы можем поговорить или следует подождать, пока вы окончательно поправитесь? – спросил Глеб, стоя в дверях. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Я здорова, – Юлия гордо вздернула голову вверх.

– Замечательно.

Глеб сел в кресло напротив Юли, попутно заметив название книги, лежащей на коленях женщины: «Грозовой перевал» Бронте.

– Просвещаетесь?

– Вы хотели поговорить, – перебила его Юля.

Она не любила разговоры ни о чем.

– Да. Пока вы отсутствовали, я много думал...

– Вы и думали?

Глеб сделал вид, что не заметил сарказма в ее вопросе, как и самого вопроса.

– У меня нет и не будет детей, а Даниле нужен отец. Мальчик растет, нуждается в мужчине. С этим вы вряд ли станете спорить. Может, рассмотрим предложение о том, что я стану отцом Даниле. Для вас, впрочем, я могу остаться в прежнем качестве: пустое место либо безмозглый солдафон, что больше по душе. Если не против, я хотел бы переехать к вам жить.

– Интересное предложение.

– Сразу не отвечайте. Подумайте, я не тороплю с ответом.

– Без посягательств? – уточнила Юля.

– Без.

– Но у вас есть определенные физиологические запросы?

– Для этого есть определенные места и... женщины.

Юля долго смотрела на Глеба – взгляда не отвел. Значит, не врал. Черт его знает, когда мужчина врет, а когда говорит правду. Глеб поднялся и направился к выходу. Сегодня он не уснет, впрочем, как вчера, как предыдущие ночи.

Наутро Бланки застал его в своем кабинете. Окурки высыпались из пепельницы, смятые пачки из-под сигарет валялись на столе.

– Решил угореть? – Бланки открыл окно, форточка здесь не поможет.

Глеб молчал. Молчание друга последнее время все больше раздражало Юлиуса. Еще вчера он решил поговорить с объектом раздражения Глеба. О чем? Да о них. О ком же еще, господа хорошие. Видно невооруженным взглядом: втрескались друг в друга, но в силу характеров никто не признается первым.

– Глеб, ты не пробовал сказать женщине, что любишь ее? – спросил Юлиус, усаживаясь за свой стол.

– Пробовал однажды, – ядовито похрипел Глеб. – Помнится примечательный результат: девушка ушла к другому – моему брату.

– На ней свет клином не сошелся.

Глеб рассмеялся в ответ.

– Глеб.

– Что? Что, Юли? Кто я? Что я могу сказать ей? О чем? Знаешь, я... как... я не тот, кто красиво говорит. Вообще, говорит. Даже тебе не могу сказать – слова не идут на ум. А она... она не такая, как все. Ей надо... – Глеб махнул рукой – не о чем говорить.

– Может быть, ей надо того, что и всем женщинам: тепла, ласки, мужчину.

Глеб засмеялся.

– Ага, она только обо мне и мечтала, как я приду и...

– Глеб, ты любишь ее. Возможно, это для тебя новость.

Они еще долго сидели, но убедить Глеба Юлиус не смог. Тогда Бланки решил зайти с другого бока – отправился к Юле. В медпункте уже никого не было: время обеденное. Юли постучал и сразу вошел.

– Зачем стучать, если вы не ждете разрешения войти? – спросила Юля.

– Извините, дело не ждет отлагательства. Больной требует повышенного внимания.

– Слушаю вас, – при слове «больной» Юля пришла в себя, – присаживайтесь.

Юлиус сел на стул около стола.

– Я вам расскажу о симптомах, – начал он, – а вы поставите диагноз, назначите лечение. Итак, рассеянный взгляд, потеря аппетита и, как следствие, потеря веса, бессвязная речь, повышенная возбудимость, трясущиеся руки...

– Достаточно, – перебила его Юля, – с этими симптомами надо обращаться к психиатру, а не к врачу общей практики.

– Вы живете в поселке, где являетесь, в том числе, и психиатром. Если быть откровенным, я говорю о Глебе, хотя вы и так догадались. Видите ли, я хорошо его знаю. – Юлиус немного помолчал, словно собираясь с мыслями. – Когда-то Глеб был другим: чутким, понимающим, говорящим красивые слова, однако все переменялось вдруг и сразу. Война – дело не шуточное. Она меняет людей, многих ломает. Кого-то пугает перспектива общения с людьми, вернувшимися из «горячих» точек (название то еще – «горячие», я бы выразился по-другому, да речь сейчас не об этом). Невеста Глеба просто испугалась, когда узнала, что он попал в Афган. Ждать не стала – вышла замуж... за брата Глеба. Письмо брата – последняя нить, что связывала Глеба с домом и прошлой жизнью. После войны он не вернулся домой к родителям, попал в ЭСВ. Его отношение к женщинам изменилось: считал, что верить им нельзя (любимая предала, мать промолчала, что равносильно согласию). Прав он или нет – не мне решать, тем более судить: сам наломал в жизни столько дров, что мало не покажется.

Сейчас я чувствую, что Глеб стал другим. Глаза изменились: оттаяли. Он хочет жить, а не доживать отведенное судьбой время. Думаю, вы должны знать. Глеб гордый. Ему не просто. Он старше вас и намного. Служба в ЭСВ, война и не одна, наложили отпечатки. Его хамство – защитная реакция. Решать в любом случае вам. Только знайте: Глеб скорее умрет, чем предаст.

Юли посмотрел на женщину напротив. Она внимательно слушала, но с выводами не торопилась. Командующий хотел задать вопрос, но, уважая чувства человека, передумал, попросившись, вышел из кабинета.

Сегодня она не спешила домой: надо подумать. Хорошо подумать, как тогда, когда ей предложили сдать сына в интернат, потому что мальчик требовал особого ухода, времени, сил, терпения. Предлагали добрые люди, ведь они заботились о ней. Глеба не было дома... сколько? Прав ли он? А она? Юля медленно брела по улице, глядя себе под ноги. Оказавшись перед домом, очнулась. Нельзя быть настолько расточительной, чтобы позволить себе расслабиться. Данила. Она быстро поднялась на крыльцо.

Вешая пальто, услышала голоса на кухне: Глеб дома. Непроизвольно поймала себя на слове «дома»: ее или его, или их? Тряхнув головой, словно желая отогнать ненужные сейчас мысли, отправилась на кухню.

Недовольный взгляд Глеба несколько не смутил Юлю, болтовня Данилы все компенсировала. Сын стал много говорить – это хорошо. Очень хорошо: почувствовал вкус жизни. Юля улыбалась. Она с удовольствием съела приготовленные мужчинами пельмени – извиняться за опоздание не стала (доктор имеет право опаздывать, женщина тем более). Она разговаривала с сыном (Глеб ел молча), спрашивала, что нового он узнал за день, чем занимался, написал ли контрольную по математике.

Уложив сына спать, Юля вышла из его комнаты, прикрыв за собой дверь. Странно, Глеб еще не уехал. В чем причина? Он сидел в зале на диване в ожидании ее, говорил, что даст время на размышление. В его понимании день – это и есть время на размышление? Недовольство выразилось на лице женщины. Глеб взглянул на нее и усмехнулся: не те выводы делаешь, мамзелька. Юля села в кресло, ожидая, что он начнет разговор. Глебу нравилась ее немногословность. Все по существу, без лишних фраз, жестов. Если чем-то недовольна, сразу поймешь, как сейчас, например.

– Как вы отнесетесь к тому, чтобы Данилу осмотрел мой знакомый?

– Зачем? – спросила, удивившись, Юля.

– Хуже, чем есть, не будет, но он может дать совет.

- По поводу?
- Он тоже был инвалидом. Врачи говорили, что не встанет – теперь здоров.
- Когда? – Юлия внимательно смотрела на Глеба.
- Завтра.

Взгляды встретились: никто не хотел уступать в этом поединке. Он заранее знал, что она согласится. Она поняла, что он все уже решил, спрашивал ее согласия ради формы.

Назавтра приехал Ритус. Его слова повергли Юлю в шок. Она переспросила: не ослышалась ли? Нет. Несколько операций, и у Данилы появится реальный шанс встать. У мальчика дух захватывало от слов Ритуса: он не представлял, каково это – ходить. Люди, обладающие подобным даром (для Данилы это, действительно, дар) не понимают его цену. Судьба, Бог дарят возможность ходить, бегать – двигаться самостоятельно, а человек – глупое существо – не ценит подарок, воспринимает его как должное.

Юля взяла отпуск за свой счет, но в гарнизон пришлось ехать с Глебом. Мать осталась с сыном: жить она будет в палате – так удобнее, им разрешили.

Первая операция прошла через неделю, вторая через две. Все это время Юлия боялась верить, но надеялась, читая молитвы матери Бога. Несколько раз приезжал Глеб. Он не спрашивал ее разрешения на свое присутствие, она не задавал глупых вопросов типа: зачем ты здесь.

Данила делал первые шаги. Он задыхался от радости, волнение прошло, пока он лежал и представлял, как именно пойдет впервые в жизни. Страх еще был, но рядом находились те, кто забирал его у ребенка. Глеб смотрел так напряженно, как будто он сам, а не Данила, сейчас пойдет. Мама кусала губы: она никогда не плакала – он точно знал.

Данила относился к дару ответственно: не разбрасывал, не разбивал на кусочки. Он наслаждался каждым шагом – не понять этого обычным людям. Он ходил еще с опаской, словно боялся: у него отнимут возможность двигаться, на этот раз навсегда.

А еще... Еще он пошел в школу, самую обычную, что всем девочкам и мальчишкам быстро надоедает, та самая, в которую дети ходят по великому принуждению. Он шел с охотой, желанием показать себя, познакомиться с людьми, увидеть и познать огромный мир.

Глеб переехал к ним. По возвращении из больницы Юлия предложила сама. Он поселился в зале. Трехкомнатная квартира давала своим обитателям часть личного пространства, в котором можно отгородиться при желании от внешнего мира. Вещей у него оказалось мало, все уместилось на одной полке. Фотографий никаких, как, впрочем, и иных милых безделушек. Стирал на себя сам. Юлия непроизвольно подметила, что он аккуратно складывает постель в диван, бреется каждое утро, форма всегда чистая, выглаженная. В комнате у него идеальный порядок, впрочем, когда он убирал, она не знала.

Он не спрашивал разрешения, чтобы что-то сделать по дому, она никогда не заставляла. Она не спрашивала, что он хочет на ужин – просто готовила – мужчина садился, ел, убирал за собой посуду. Почти идиллия, потому что никто ни от кого не зависел, ни о чем не просил другого, ничем не был обязан.

С Данилой все налаживалось, со взрослыми все усложнялось. Юлия понимала – впереди тупик.

Саднило ногу. Старая рана ныла к непогоде. Обычно он выходил курить на улицу. Сегодня открыл окно на кухне, сидел на стуле, приспособив под пепельницу пустую баночку. Так и знал, что учует. Глеб поморщился то ли от боли, то ли от появившейся женщины. От Юли не скрылось выражение его лица: он еще и возмущается.

- Интересно! – констатировала она.
- Что? – спросил он.
- Интересно, чем все закончится?

Юля скрестила руки на груди и выжидающе смотрела на Глеба. Он затушил окурок, поднялся: нехорошо сидеть в присутствии женщины.

– Твои предположения?

Теперь он подошел вплотную: рана рвала плоть изнутри.

– Теряюсь в догадках.

Юля не расцепила рук, во взгляде читалась решительность.

– Что если этим?

Глеб резко привлек женщину к себе, сразу нашел ее губы и сковал их поцелуем. В ответ глыбы льда. Когда он оторвался, звук пощечины вернул его на бrenную землю.

– Тебе же было интересно, – зло заявил он.

– Ты только что курил!

Юля вышла из комнаты.

Глеб ворочался на диване, пытаясь найти приемлемое положение, чтобы рана не беспокоила его – напрасно. Промучившись до трех ночи, обрадовался телефонному звонку Бланки – это хорошо, что нужно дернуться с места, да еще в Чечню – значит, бой. Боль уйдет, забудется, потому что ее место займет опасность. Глеб радостно усмехнулся: не надо думать, лишь выполнять работу, такую знакомую, – воевать.

Отсутствие Глеба дало Юле передышку. Она слышала телефонный звонок, поняла, что его вызвали на службу. На следующий день узнала, что колонна двинулась на Чечню, где ранили брата Бланки. Говорили, что Юлиус Станиславович в тот момент, когда ему сообщили о ранении брата, был не просто зол – чудовищен, пообещал убить многих. Ему поверили.

Колонна вернулась – она точно знала – его не было. Не то, чтобы она волновалась (разумеется), чтобы ждала (приготовила вкусный ужин), думала (бессонные ночи явственно проступали на лице). Данила напрямую спросил, когда приедет Глеб: телефон молчал.

Он приехал через два дня. Данила увидел его в окно и выбежал, забыв об осторожности, навстречу. Мальчик замешкался на пороге, пытаясь всунуть ноги в непослушные шлепки (не важно, что холодно). Глеб подходил к дому, в руках перед собой держал пакет. Поздоровавшись, потрепал Данилу по волосам, но, как показалось ребенку, несколько неуклюже.

Они разбирали на кухне пакеты, когда хлопнула входная дверь: с работы вернулась Юля. Она еще издали заметила машину, внутри потеплело. Глеб стоял вполоборота, когда заглянула в комнату. Поздоровавшись, предложила мужчинам удалиться: сама здесь разберется. Спорить с ней никто не стал.

За ужином Данила рассказывал о своих успехах. У него появились друзья, его пригласили на день рождения. Глеб медленно ковырялся в тарелке. Не вкусно? У Юли пропал аппетит: она, вообще-то, старалась. Женщина обиделась, но старалась не подавать виду. От чая и вовсе отказался. У нее же пирог! Из-за стола Глеб не ушел, остался, чтобы совсем испортить настроение. Юля поднялась, чтобы убрать посуду. Данила вызвался помочь, он тоже заметил, что Глеб в плохом расположении духа, вернее, вовсе без расположения.

Глеб поднялся, поблагодарил за ужин и сказал, что пойдет к себе. Его никто не держал: Юля даже не повернулась. После уборки на кухне мать с сыном отправились проверять уроки.

Юля потушила верхний свет, оставив ночник. Вряд ли сегодня удастся уснуть, как и предыдущие ночи. Взяла книгу, открыла на главе, на которой остановилась накануне. В коридоре послышался скрип двери. Глеб прошел на кухню. Его дело. Прочитав несколько страниц, Юля поняла, что скрипа больше не слышала: курит на кухне. Это уже слишком – в состоянии выйти на улицу. Она решительно встала, накинула халат.

Он стоял к ней спиной. Сквозь футболку проступали бинты, опоясывающие грудь. Правая рука, которой он сегодня пытался есть, безжизненно висела, а по ней тонкой струйкой стекала кровь. Юля решительно отодвинула стул, своим движением напугав мужчину: думал, что все спят и он никого не тревожит.

– Садись, – приказала Юля.

Глеб молча повиновался. Доктор взялась за ножницы. Она безжалостно разрезала футболку, кровавую повязку. Рана ей не понравилась. Юля достала лекарства, набрала шприц, чтобы сделать укол. При виде шприца Глеб непроизвольно поморщился.

– Дядя боится уколов? – спросила Юля.

Он посмотрел ей в глаза и промолчал. Она обработала рану, наложила повязку все теми же безжалостными движениями. Закончив, сказала:

– На диване будет неудобно – узко. Я застелю постель в своей комнате, сама перейду в зал.

Не дав возможности ответить, Юля отправилась в свою комнату, убрала постель, застелила чистым. Она прошла в зал, включила свет, взглянула на диван, который, конечно же, не подходил раненому. Он не раскладывался – что-то сломалось при перевозке мебели. Увидев бурые пятна, поняла, почему встал Глеб – рана начала кровить. Скомкав грязное белье, застелила своим.

Глеб стоял в дверях и наблюдал за решительными действиями женщины. Уходя с колонной, он искренне считал, что тем самым освобождает себя от мыслей, непрошенных, назойливых, не дающих покоя. Очувтившись совсем не в мирном порядке, свободы не ощутил: мысли не давали покоя и на войне, даже во время боя, поэтому получил рану, которую, естественно, опытный солдат должен был избежать. Теперь вот стоит, весь забинтованный, с перевязанной рукой, и смотрит на женщину.

Юля обернулась и спросила:

– Командующий в курсе ранения?

– Да.

– Почему, в таком случае, не отправил в госпиталь?

– Я похож на человека, которого можно куда-то отправить?

Глеб все больше хмурился, не хотел сейчас разговаривать: все не то и не так. В словах чувствовалась двусмысленность, которую он терпеть не мог.

– Давайте прекратим на сегодня, – Юля словно прочитала мысли.

Она была недовольна, причем недовольна собой: плохо подумала о человеке. Решила за ужином, что ему не понравилась еда, а у него просто не было сил держать вилку или чашку. В итоге он остался голодным, а она амбиции выставляла. Одним словом, дура.

– Я заберу некоторые вещи из комнаты.

– Это ваша комната.

– Если почувствуете себя неважно – не геройствуйте, – в словах доктора Глеб почувствовал раздражение.

Он пожелал ей доброй ночи.

Наутро его разбудил голос командующего. Спросонок Глеб не мог сообразить, где находится. Окинув взглядом комнату (при свете ночника накануне она выглядела иначе), вспомнил вечер, переезд, вернее, переход в комнату Юли. Ее голос он тоже слышал. Что командующий делает у нее дома? Дверь в комнату открылась. Вид Бланки не предвещал ничего хорошего.

– Юлия Борисовна, вы врач. Может, окажете любезность, понаблюдаете за больным на дому?

Юлиус обращался к доктору, одновременно буравя Глеба взглядом волка (ему ли не знать «добрый» взгляд начальника).

– Я, собственно, не против, если больной станет соблюдать постельный режим и слушаться моих предписаний.

Юля не хотела смотреть на Глеба. Она делала вид, что с ним вообще не знакома. Если бы командующий не позвонил на телефон Глеба, забытый вчера около дивана, и она не подняла трубку, сегодня с утра она позвонила бы сама. Оказывается, командующий не в курсе ранения. Глеб не хотел говорить? В чем причина?

– Постельный режим? Выполнение предписаний? – переспросил Юлиус с сарказмом. – Еще как будет! Напишите список медикаментов, вам доставят. И если вы позволите, доктор, несколько слов тет-а-тет с моим подчиненным.

– Нет, не позволю.

Юли опешил. Он уставился на женщину, как и Глеб.

– Вы тоже должны выполнять предписания доктора, одно из которых: категорический запрет на беспокойство больного.

Юля не собиралась сдаваться, не важно, что их двое и они мужчины, да еще военные. Юли переглянулся с Глебом: не будь ослом – она того стоит. В ответ прочел: проваливай отсюда – без тебя разберусь.

Юля делала перевязку. Ее прохладные пальцы аккуратно прикасались к израненному телу и согревали пациента, который старался не дышать, чтобы не спугнуть женщину. Юля принесла завтрак: Глеб искренне пришел в ужас от овсянки. Женщина, в самом деле, считает, что он станет это есть? Вид доктора именно это и утверждал. Молоко! Да. Когда же Глеб увидел утку, он поперхнулся, хотя в горле ничего не было. С чего начнем? Она не собирается уходить?

Юля помогла мужчине сесть на кровати, подложив под спину высокую подушку. На одеяло поверх колен постелила салфетку, поставила тарелку с кашей.левой рукой есть прикажете? Правую она прибинтовала к животу, он не заметил. Вошел Данила, Глеб прочел сочувствие в его взгляде. Ничего не оставалось делать. Данила сидел на краю кровати и наблюдал, как Глеб совершает героический поступок: каша, за ней молоко были съедены и выпиты. Ах, она, видите ли, оставит его. Глеб презрительно посмотрел на «утку». Данила может отвернуться, если он стесняется. Дурацкое положение.

Юля позвала сына: пора собираться в школу. Она унесла туалет, опорожнив его. Вернувшись, набрала шприц. Глеб подозрительно наблюдал за приготовлениями доктора. Ему надо повернуться на бок и спустить штаны. Он... сон навалился сразу, слабость растекалась по всему телу. Последнее, что он помнил, как давал себе клятвенное обещание... что... о том, что... когда... Он провалился в сон.

Странно, но рана затягивалась плохо. Юля хмурилась, может, она виновата – не тем лечит. Предложила командующему показать Глеба в госпитале ЭСВ. Она врач общей практики, нужен более узкий специалист. Бланки слушал внимательно. Они разговаривали в медпункте, куда он приехал после звонка доктора. В коридоре люди сидели в очереди и ждали, когда выйдет командующий.

– Юлия Борисовна, пожалуй, я приглашу врача из гарнизона сюда – так будет лучше, если вам удобно.

– Речь не о моем удобстве или неудобстве, – перебила Юля недовольно, – речь о человеке.

– Я понял, – Бланки поднялся, чтобы не задерживать людей, ожидающих в коридоре, – думаю, к вечеру кто-нибудь подъедет.

– Кто-нибудь?

– Я опишу симптомы, они сами решат, кому следует приехать.

Командующий вышел в коридор, аккуратно прикрыв дверь за собой. Бабушки перестали обсуждать последнюю сплетню: докторшу и Глеба при его появлении. Внимательно проводили его взглядами до двери и продолжили свое занятие.

Глеб за эти дни спал столько, сколько не спал за всю жизнь. Пришел Данила из школы и сразу, не переодеваясь, к нему. Рассказал о последних успехах, о том, что подрался сегодня – иначе было нельзя. Попросил научить драться на всякий случай, чтобы мог дать сдачи. Глеб, усмехнувшись, пообещал. Юля пришла рано: неужели не пошла на вызовы или их сегодня не было? Вставать все еще нельзя? Она издевается? Есть он будет за столом. Как он пожелает, но одежда отсутствует. Юля стояла, скрестив руки на груди. Не пойдет же он в трусах. В его

глазах Юля явственно прочитала: «Стерва». Плевать. Она принесла обед, мельком глянув под кровать: вставал. Он сделал вид, что не понял ее взгляда.

Через час приехал командующий, но не один. Ольга Васильевна Измайлова тщательно осматривала Глеба. Она задавала много, по его мнению, ненужных, несущественных вопросов. Не мог ли он удариться головой? Не болит ли она? Он был на войне. Разумеется, он ударился головой или его ударили и не единожды. Глеб уже собирался послать доктора по адресу, но встретился взглядом с Бланки, что сидел в кресле и внимательно слушал доктора: не иначе как Юлька наябедничала. Ольга Васильевна, закончив осмотр, вышла. Глеб слышал, что теперь она беседует с Юлей.

– Командир, какие проблемы? – не выдержал Глеб.

– Ты ранен, о тебе беспокоятся.

– Это не первое ранение. Бывало и хуже.

– Бывало, – протянул Бланки в раздумье, – но у Юли первый подобный случай.

– В смысле?

Глебу послышалась двусмысленность в словах командующего. Тот отмахнулся: не бери в голову.

– Как Стив? – спросил Глеб.

– Хреново.

Бланки сгорбился в кресле. Брови сомкнулись в жестком изгибе. Никогда не простит себе то, что случилось с братом, потому что это его вина.

– По-прежнему в реанимации. Кости ноги раздроблены, осколочное ранение в живот, множественные внутренние гематомы. Сделали несколько операций. У жены выкидыш.

Глеб уставился в одну точку на стене: вот о ком стоит беспокоиться. Слова сочувствия – да кому они нужны. Они разговаривали о положении в армии. Командующий остался на сегодняшний момент один, не считая Семена – нет ни Стива, ни Глеба. Придется вызывать другого брата – Иоганна. Семен слишком молод, неопытен, может наломать дров, коснись боевых действий, наподобие последних...

Глава 2

Они шли на полном ходу. Бланки сам вел колонну, никому не доверил на этот раз, даже Глебу, проверенному ни одним боем, другу.

Стив застрял под Моздоком. Он не должен там находиться. Сверху попросили прислать кого-то опытного из ЭСВ для консультации. Юли ехать не хотелось – смотреть на толстых генералов за столом у карты с разговорами ни о чем? Чего консультировать? Надо выполнять свои обязанности как положено, а не надеяться на авось, подставляя желторотых мальчишек, что отправились сюда в поисках приключений или заработка. Война не пахнет приключениями, лишь смертью. Что касается заработка, смешно, поэтому и отправился Стив, более лояльный в подобных вопросах, умеющий не видеть отдельные недостатки.

Он находился в штабе, когда начальнику доложили о прорыве бандформирования. Почему такое название? Это далеко не банда. Шла большая группа хорошо вооруженных и, главное, обученных убивать, а не просто воевать, наемников. Сколько наших на их пути? Не успеют отойти. Стив дальше не слушал. Он взял обычную машину – первую попавшуюся – так быстрее. По рации связался с группой: отступать немедленно. Он приехал в тот момент, когда из-за сопки показалась голова колонны: шли, не боясь, как у себя дома, что было отчасти правдой. Оставлять оружие нельзя. Нет бензина в машинах? Черт! Бензин перелили из его машины. Он подождет, пока грузовик скроется за вторым поворотом, после двинется сам. Его машину накрыло как раз на этом втором повороте – прикрывать Стива было некому. Он пом-

нил, как взрывной волной подбросило машину, и она загорелась. Когда машина взорвалась, второй волной взрыва задело ногу, человек не успел отползти на достаточное расстояние.

Его тело внимательно осмотрели, нашли документы. Именно эта находка привлекла внимание главаря: он знал Бланки – воевал с ними. О чокнутости Юлиуса на Кавказе ходили легенды – сегодня же будет здесь. Если осквернить труп брата, Бланки взорвут Кавказ. Одно дело – воевать с Россией, другое – с Бланки. Найдут всех, до седьмого колена, и везде. Стив застонал. Жив. Позвали доктора. Похоже, да, но пульс еле прослушивается. Стиву сделали укол, перевязали раны. Надо отправить в ближайший аул к старейшинам: пусть они решают, что делать – отдавать русским в больницу или ждать брата. Кто-то из новеньких предложил потребовать выкуп. Командир покачал головой: разве можно воевать, а тем более побеждать, имея в подчинении дураков? Предприятие проиграно, раз в него вмешались Бланки. Они, конечно, примут бой. Снова придется возвращаться на базу.

Юли забрал Стива из дома старейшины без сознания, переправил вертолетом в гарнизон. Благодарить Бланки не стал. Старейшины знали: не выживет – брат вернется. Кровная месть в роду этой семьи... Бой был коротким. Бланки умел воевать, злой Бланки умение удваивал. Если бы не оплошность Глеба, вышли из боя все живыми и невредимыми...

Глава 3

– Чья идея привезти доктора? – Глеб оторвался от точки на стене. Юли промолчал: не все в порядке с мозгами, если задает подобный вопрос.

– Нужно чего? – спросил Юли, вставая.

Глеб покачал головой. Командующий вышел в коридор, где собиралась Ольга Васильевна. Пожелав всего доброго, они ушли. Юля закрыла дверь за гостями, но возвращаться не спешила.

Ольга Васильевна не нашла причину, из-за которой Глеб не хотел поправляться. Лекарство назначено верно, лечение тоже. Скорее всего, дело в психике человека, болеющего войной. Ольга Васильевна так и сказала: синдром войны мешает организму поправиться. Знает ли Юля, на скольких войнах побывал Глеб? Ольга Васильевна внимательно осмотрела раненого – на нем много отметок, но раньше раны заживали, теперь нет. Война переполнила человека, он захлебнулся ей. Ольга Васильевна качала головой: надо лечить не раны тела – души. Юля посмотрела на женщину: знала, что говорила.

– У вас что-то случилось?

Ольга Васильевна улыбнулась. Да. Много лет тому назад, когда ее дети оказались втянутыми в ЭСВ... теперь... в гарнизоне, в госпитале, в палате интенсивной терапии, лежит ее зять – Андрей Станиславович Бланки – с ранами, на языке медицины, не совместимыми с жизнью. В соседней палате – ее дочь, потерявшая неделю назад ребенка, организм которой поддерживают в бессознательном состоянии, потому что никто не знает, какие слова найти для матери и жены, чтобы сказать о смерти близких.

Юля одернула себя. Потом. Времени на жалость нет – надо действовать. Она вошла в комнату. Разумеется, он недоволен – потерпит. Если не нравится, в госпитале есть свободные палаты с сексапильными медсестрами. При последних словах Глеб странно хмыкнул. Нет, он останется здесь. Чудно! Пора принимать ванну.

Юля принесла таз с водой и губкой. Не мешало бы побриться и освежиться. Женщина предупредила, если он дернется – порежет. Чудно! Он всегда мечтал, чтобы женщина брила его и обтирала мокрой губкой. Юля, пожалуй, впервые внимательно рассматривала его тело. Она ведь не думала, что все эти отметины – раны. Некоторые выглядели совсем безобидно. Как, например, эта точка в сантиметре от сердца. Женщина застыла. Юля смотрела на отме-

тину, пока не почувствовала, как Глеб накрыл ее руку своей. Опомнившись, выдернула руку и продолжила занятие. Когда откинула одеяло, Глеб с хрипотцой в голосе спросил:

– Может, я сам?

Он серьезно смотрел на женщину. Конечно, в отдельных местах своего тела. После обтираний она принесла градусник. Глеб поймал себя на мысли, что сейчас между ними, несмотря на простоту и приличия, было что-то чрезвычайно личное, даже интимное. То, как она касалась губкой его тела, как он чувствовал ее пальцы. Ее взгляд, изучающий, запоминающий, интересующийся. Она была с ним рядом – всего несколько десятков сантиметров разделяли их тела. В домашней футболке и джинсах с заколотыми волосами (одна непослушная прядь выбилась и падала ей на глаза, хотя женщина несколько раз заправляла ее за ухо). Вырез футболки давал возможность включить фантазию. Лицо несколько бледно, вероятно, переживания жизни не давали шанса румянцу. Губы плотно сжаты от усердия или от раздумий, Глеб не понял. Его глаза внимательно следили за руками. Странно. Глеб только теперь увидел: на ней нет никаких украшений. Ни цепочки, ни серег, ни кольца или перстенька. Нет или не носит? Надо у Данилы спросить. Почему раньше не обращал внимания?

Много позже, ночью, Глеб вспоминал выражение глаз Юли. Она спросила, не надо ли чего купить завтра, сигарет, например. Он ответил нет: бросил. Юля задержала на нем взгляд, в котором, пожалуй, было больше вопросов, чем ответов. Глеб с трудом разбирался во всем этом: не для него. Он обычный мужик, у которого жизнь простая, без поисков смысла жизни, без душевных тревожений. Она другое дело – разные они. Ей бы такого, что сможет на руках носить, не то, что он однорукий, неразвитый.

Глеб недовольно крякнул, достал из-под подушки книгу, что взял несколько дней тому назад из книжного шкафа. Когда Данила и Юля уходили, он, разумеется, вставал, пытался привести тело в чувство физическими упражнениями, но тело на этот раз предавало: открывало рану и взламывало голову. Глеб искал таблетку в аптечке, затем ложился с книгой. Читал, но понимал плохо: не для его ума – голова пылала, пытаясь убить его пульсирующей болью, что растекалась по всему телу. Глеб посмотрел на книгу с досадой на себя. Он помнил: в другой жизни ему нравился Хемингуэй, теперь он никак не мог разобраться. Видно, на войне получало травмы не только тело – голова. «Прощай, оружие». Да нет, пожалуй, «Прощайте, мозги!»

Она вошла без стука в тот момент, когда он закрыл книгу.

– У тебя свет, я подумала, что-то беспокоит.

– Ничего.

Юля посмотрела на корешок книги. Глеб молчал, ожидая, когда она уйдет.

– Может... тебе холодно? – она осторожно подбирала слова.

– Гм... Боюсь, нечаянно обижу тебя.

– Чем?

– Разочарованием твоих ожиданий.

Юля покачала головой.

– Об этом не тебе судить, к тому же, ты не в курсе моих ожиданий...

Через несколько дней Глеб стоял на ступеньках дома, внимательно обдумывая план действий. Подходила весна – самое время заняться чем-то полезным: обустроить быт для начала. Глеб улыбнулся, вспоминая, что начало было положено несколько дней тому назад: пылкая у него будет жена. Согласится ли? На худой конец скажет, что в ЭСВ без штампа нельзя. Попаховало шантажом, правда.

Приехали солдаты, привезли машину плодородной земли, свалили, разровняли. Завтра будет забор по всему периметру. Он заказал камни, плодородные деревья. Всегда мечтал о саде. Будет здорово заложить его. Камнем можно выложить цветники. Интересно, она любит цветы? По его мнению, все женщины должны любить цветы. А ковыряться в земле на клумбе? Надо спросить. Как? И когда? Разговаривают они по-прежнему мало. Все ночи со дня посещения

Измайловой она... греет его в постели. Глеб улыбнулся – дух захватывает. Может, правда, в ее пальцах электричество? Стоит ей дотронуться до него кончиками своих тонких пальчиков, все тело... Надо подумать о чем-то другом. Ага, ребята лопату забыли... Глеб поднял инструмент, воткнул в землю. Так и стоял, опершись о рученок.

– Это что за новости?

От неожиданности он вздрогнул, обернулся.

– Ты копал землю?

– Нет.

Юля ему не поверила. Недовольная, она вошла в дом. Почему так рано вернулась с работы, даже Данилы еще нет. Глеб не пошел домой – осторожно опустился на скамейку, что поставили сегодня солдаты: подождет подмоги.

Данила попрощался с друзьями, махнув им рукой, подошел к Глебу, сел рядом. Оказывается, он заходил по делу к однокласснику, затем встретил другого – время пролетело незаметно, как, впрочем, и для Глеба, который не следил за часами. Да, мама уже дома и вряд ли у нее хорошее настроение. Во всяком случае, Глебу так показалось. А вот и она сама с полотенцем на плече. Да идут они, идут. Можно подумать, если они сядут за стол с грязными руками, то отравятся, да и не грязные они вовсе – об этом, правда, не стоит говорить вслух и злить маму. И Глеб, и Данила, не сговариваясь, съели по полной порции. Глеб уже научился есть левой рукой, даже сегодня пробовал бриться, что не осталось незамеченным Юлей (выходит, она бреет неважно). Что еще она делает неважно? Настроение испортилось совершенно. Юля несколько раз сухо ответила на вопросы сына, и он решил, что незачем спрашивать у мамы, спросит позже у Глеба. За столом нависла тишина.

– Данила, как ты относишься к рыбалке? – спросил вдруг Глеб.

– Хорошо отношусь, только я никогда не был на рыбалке, – тут же ответил мальчик.

– Тогда надо исправить положение. Скажем, в ближайшее воскресенье.

– Почему не в субботу?

– В субботу нам надо подготовиться.

– Я согласен. Мама, можно?

Юля строго посмотрела сначала на большого мужчину, затем на маленького.

– А уроки?

– Я сделаю заранее, – честно пообещал сын.

Юля промолчала. Данила удрученно посмотрел на Глеба, тот лишь пожал плечами, мол, решим проблему.

– Я не мешаю?

Юля встала из-за стола, поставила свою тарелку в мойку. Глеб показал жестом Даниле отправляться к себе. Мальчик поблагодарил за обед и вышел из комнаты.

– Что не так? – спросил Глеб.

– Все просто замечательно, – ответила Юля, собирая со стола посуду.

– Почему нельзя съездить на рыбалку?

– Я не запрещаю. Делайте, что хотите.

– Ты не разрешаешь. Что касается хотения. Я думал, мы неплохо проведем время на природе: ты совсем бледная – свежий воздух тебе не помешает.

Глеб внимательно посмотрел на женщину – думала, что они поедут вдвоем? В этом дело?

– Зато тебе обилие свежего воздуха претит...

– Я буду под присмотром доктора. В его надежных руках.

Юле не понравились слова Глеба, но она промолчала.

– Я скажу Даниле.

– Да...

Рыбалки не получилось, как, впрочем, и сада. Лишь забор напоминал о несбывшихся планах мужчины, только он не видел его.

В субботу Глеб заехал за Данилой в школу, и они отправились в район. Удочки были куплены, как и прочее снаряжение. Главным для Глеба было посещение другого магазина.

Он не знал, получится ли у него сделать все, как положено, не знал даже, как положено. Он еще не сказал ей главных слов, не знал, ожидает ли она их вообще. Ночью слова ему были не нужны. За последние недели он окреп, пытался перехватить инициативу у женщины. Она осторожничала – не отдавала первенства. Изголодавшийся, он страстно целовал, она отвечала. Глеб чувствовал, что ее тело такое же голодное, как и его. Разговоров избегали. Утром наступал быт: она уходила на работу, он оставался выздоравливать. Мужчина понимал, что долго так продолжаться не может. Он мог выспаться днем, она нет. Похудела, круги под глазами, заботы о сыне, нем, странное положение... Пора объясниться.

Глеб с Данилой внимательно рассматривали витрину с кольцами. Не ошибиться бы в размере. Пожалуй, вот это. Не очень большое, но со вкусом, на его взгляд. Даниле тоже понравилось. Продавщица посмотрела на мужчину в военной форме: он ценник видит? Это в тысячах, а не в рублях. Будет брать. Замечательно. Как платить изволите? Кредиткой. Ничего себе. Где такие военные служат?

Глеб почувствовал легкое головокружение. Он оперся о витрину, зажмурил глаза – не проходит. Выступила испарина. Только не хватало в обморок упасть: вот смеху – покупал кольцо, чтобы сделать предложение, от перенапряжения свалился.

– Ты чего? – Данила посмотрел на Глеба: мама права – рано ему. – Давай садись.

Мальчик тянул Глеба к креслу в центре зала, усадил вовремя – тому, похоже, совсем худо.

– Телефон?

Данила звонил Бланки:

– Юлиус Станиславович, Глебу плохо. Мы в «Яхонте». Хорошо, подожду.

Данила положил телефон на стеклянный стол, на котором лежали красивые журналы.

Продавщица принесла коробку с кольцом, кредитку.

– Чем можно помочь? – спросила она.

– Спасибо, ничем. За нами едут.

Охранник принес стакан воды. Через двадцать минут вошел Бланки.

– Глеб, – он подошел к креслу, в котором сидел друг.

– Ерунда какая-то. Ничего не вижу, туман перед глазами.

– Едем в гарнизон.

– Даниле надо домой, – сказал Глеб.

– Семен отвезет. Он со мной.

Причину слепоты не смогли объяснить. Глеб ожидал в жизни чего угодно: смерти – часто, особенно на войне, искалеченного тела – да, но отсутствия зрения при полном физическом здоровье не понимал. Через две недели за ним приехала Юля. Она знала, что он в больнице, что он проходит обследование. Теперь врачам нечего обследовать, и его выписали. Глеб решил, что поедет в дом ветеранов ЭСВ, в котором находились инвалиды, которым некуда деться, – не в армию же возвращаться. Он не знал, что в части ему подготовили отдельную комнату на тот случай, если Юля не захочет взять его назад. Она хотела. Данила рассказал маме все. Мальчик переживал, что сделал что-то неверно, и Глеб заболел из-за него. Юля не стала ругать сына за то, что он с раненым Глебом отправился в район. Она ждала, когда можно будет забрать его из больницы при любом диагнозе – для нее не было разницы: слепой он или зрячий. На телефонные звонки Глеб не отвечал. Вчера позвонил Бланки, спросил, можно ли им встретиться, приехал к ней домой.

Юлиус не стал ходить вокруг да около. Сказал, что врачи поставили диагноз: посттравматический синдром неврологического характера. Говоря русским языком, психоз. Пройдет

или нет, никто гадать не собирается. Юлиус не просил за друга. Наоборот, сказал, что характер у Глеба далеко не сахар, у слепого Глеба несакхарность прибавится еще больше. Юля посмотрела в упор на Бланки и спросила:

– Я похожа на женщину, которая боится психованных мужчин?

– Слепых психованных мужчин, – уточнил командующий. В раздумье остановился на ее глазах. – Пожалуй, нет.

– Когда его можно забрать?

– Завтра. Я вас отвезу. Хотите, возьмите Данилу.

– Сама справлюсь.

– Вас не пропустят в гарнизон без пропуска. Это, во-первых. Во-вторых, я окажусь полезен, когда потребуется стукнуть Глеба. Уверен, за это время он вам ни разу не позвонил, не ответил на ваши звонки.

– Так и есть.

Юля хотела что-то сказать, но сомневалась, стоит ли.

– Может, у вас есть причина, по которой Глеб обязан на вас жениться? – спросил Юлиус, догадавшись, почему она молчит.

– Жениться? Я не собираюсь замуж. Но причина для Глеба, действительно, есть.

– Вот и замечательно. Возможно, так будет лучше. Он просто устал, пора передохнуть...

Юля вошла в палату одна. Данила остался ждать в коридоре.

– Здравствуй.

Глеб повернул голову на ее голос, спросил недовольно:

– Зачем приехала?

– Мы приехали забрать тебя домой. К твоему сведению, потеря зрения не дает права хамить. Спроси у Данилы.

– Он хамил мне при нашей первой встрече, – вспомнил Глеб.

– Вы не были знакомы, в отличие от нас. Одевайся. Данила ждет. Выписку заберет твой начальник.

– Вы с Юли?

– Да.

Глеб нащупал брюки. Она подала рубашку, предупреждая его поиски.

– На улице прохладно.

Она накинула ему на плечи куртку.

– Не сахарный, – огрызнулся он.

– Что-то подобное я уже слышала, – ответила она, беря его за руку и увлекая за собой.

Данила поздоровался с ним, а потом прижался, обхватив за пояс.

– Ты ведь не уйдешь? – спросил он.

Глеб гладил мальчика по волосам:

– Куда же я от вас денусь.

Юлиус остался на ужин, уходить не спешил. За ужином поддерживал общую беседу, а после они сидели с Глебом одни на кухне. Командующий в двух словах объяснил Глебу, что не стоит недооценивать силу женщины: Юлька от него не отстанет. Затем они занялись весьма странным делом: командующий измерял шагами весь дом и говорил Глебу, тот запоминал. Юля наблюдала за странными мужчинами, но вмешиваться не стала. После отъезда командующего Глеб сам закрыл входную дверь, вернулся в дом. Пожелав спокойной ночи Даниле, стоял в коридоре, словно решая что-то для себя.

– Уже поздно, – сказала Юля, выходя из ванной, – ложись спать.

Она прошла в спальню, оставив дверь открытой, он понял по звуку. Завершив все необходимое, направился к женщине. Когда разделся и лег, Юля прижалась к нему.

– Ты чего такая холодная?

– Замерзла...

Глеб не жалел себя. Она не позволяла. Наутро после приезда, собираясь на работу, Юля между прочим сказала:

– Я заложила белье в машинку, вытащи, хорошо.

Юля не сказала, на какое время установила таймер. Пришлось несколько раз ходить в ванную. Вынимал белье, учился сворачивать. Оказывается, не так просто.

Юля просила проследить за пирогом, что ставила с утра в хлебопечке, передвинуть диван в угол зала, перелить, найти... Глеб прилагал большие усилия, чтобы выполнить ее маленькие просьбы. Соседка приносила молоко, он шел открывать, забирал банку, шел переливать, разговаривал со словоохотливой старушкой. Найти инструменты – зачем они ей – одному Богу известно. Ах, оказывается, они нужны не ей – ему – прикрутить болтающуюся розетку. Откуда в доме взялась болтающаяся розетка? Перед его болезнью все было в порядке. Значит, ему не стоит болеть. Ладно. Прикрутит розетку завтра. Сегодня у Данилы много примеров по математике, а ей некогда. Глеб слушал, как Данила диктовал ход решения. Приходилось проверять в уме. Не знает ли он, почему окно не закрывается. После примеров Глеб шел осматривать, если так можно выразиться, окно. Назавтра он делал розетку. На следующий день еще что-нибудь.

Сегодня шел дождь. С утра не задалось. Тело болело. Глеб уже подумал, что надо спросить таблетку – ночью будут проблемы. Юля села рядом. Она сегодня тоже чувствует себя плохо. Несколько раз ходила в ванную – тошнило, он слышал. Может, съела что-нибудь.

– Хочешь, почитаю? – вдруг спросила она.

– Хочу.

Она читала замечательно. Глеб не заметил, сколько прошло времени. Опомнился только тогда, когда в голосе женщины почувствовал хрипотцу.

– Который час?

Юля взглянула на часы: начало первого. Спать, немедленно спать, ей завтра на работу. Он крепко прижал к себе женщину: не отпустит, защитит, несмотря на слепоту. Засыпая, услышал, как Юля что-то прошептала, но расслышал только последнее слово «ребенок». Какой ребенок, почему ребенок. Ночью ему снилась девочка. Он запомнил ее голубые глаза. Цветные сны – кто бы мог поверить. Во сне он видел краски, наяву был слеп, словно крот.

Юля лежала в его объятиях, глядя его руку. Он уснул, не расслышал. Ладно. Скажет в другой раз, хотя жаль.

Проснулся он один, Юля уже встала. Может, проспал. Глеб натянул брюки, вышел в коридор, прислушался. Юля вышла из туалета, вытирая рот. Хорошо, что он не видит ее. Она сразу прошла в ванную комнату, долго не выходила.

Глеб поставил чайник на плиту, достал хлеб, чтобы сделать бутерброды. Все делал машинально, для этого зрения не нужно: все предметы на своих местах. За завтраком Глеб долго молчал: аппетита не было, как и у нее. Данила переводил взгляд с одного взрослого на другого: почему у них все так сложно?

– Данила, скажи, какого цвета лицо твоей мамы? – вдруг спросил Глеб.

Данила посмотрел на маму.

– Трудно описать. Наверное, бледно-землянистого, – честно признался мальчик.

– В школу, думаю, ты отправишься один. Мама задержится.

Дверь за Данилой закрылась. Мужчина вернулся на кухню, где по-прежнему сидела Юля.

– Ты ничего не съела, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Глеб.

– Аппетита нет.

Глеб сел напротив. Он почувствовал, как она опустила голову, незаметно смахнула слезу.

– Мне сегодня снился замечательный сон в цвете – девочка. Полагаю, наша будущая дочь? Я прав?

– Да.

– Когда нам ожидать чудо?

Жизнь, пожалуй, налаживалась. Несмотря на слепоту, Глеб чувствовал себя нужным. Он нашел слова, без внешней ажурности, незамысловатые, но надежные. Юля поверила ему. Они назначили дату свадьбы, пригласили гостей. Глеб усыновил Данилу, пришлось переделывать документы. Предложил Юле научиться водить машину, раз он не в состоянии сесть за руль.

Теперь Глеб ездил в часть. По утрам приезжал кто-нибудь из ребят. Бланки уехал по делам. Вместо него прибыл брат Иоганн, но он не знал всего, нужен Глеб. Расположение части он знал как свои пять пальцев. Конечно, отсутствие зрения напрягало, доставляло массу неудобств, но это лучше, чем ничего. От трости он отказался категорически, впрочем, как и от очков. Ходил с сопровождением. Порой казалось, что он все видит. Обманчивое положение...

Глеб чувствовал, что уснуть ему сегодня вряд ли удастся, как всякий раз перед непогодой. Не мешало бы под каким-нибудь предлогом уйти из спальни и остаться одному. Его мысли прервала Юля.

– На улице непогода. Тебя что-нибудь беспокоит?

Врать не хотелось, он сказал правду. Таблетка помогла ненадолго. Через пару часов мужчина начал метаться во сне. Юля спала чутко. Проснувшись, она рукой попробовала лоб мужа – горит.

– Глебушка, родной, проснись, – Юля трясла его за плечо. В ответ лишь нечленораздельное мычание.

– Глеб, проснись, пожалуйста.

– У-у...

– Тихо, не маши руками. Глеб, услышь меня.

Наконец он очнулся.

– Слава Богу. Ты весь горюшь. Я принесу воды и мокрые полотенца. Полежи, милый.

Испарина выступила на лбу. Глеб никак не мог сообразить, что с ним, где он, день сейчас или ночь. стакан холодной воды, мокрое полотенце на лбу принесли облегчение. Он смог понять, что ему говорит Юля.

– Давно я мечусь? – спросил он.

– Нет. Ты напугал меня.

– Прости.

Он прижал к себе жену, такую хрупкую и беззащитную на первый взгляд, но лишь на первый. Дремота накрыла обоих не сразу, постепенно, как бы исподволь. Она перешла в глубокий тяжелый сон, который овладел людьми и не хотел выпускать из своих липких лап.

Первый, словно от толчка, проснулся мужчина. Он почувствовал дискомфорт в постели. Разжав объятия, одной рукой откинул с себя одеяло: жарко и мокро. Ощупав свой бок, постель, тронул за плечо Юлю.

– Юля, похоже, у нас проблемы, только не знаю, с кем: с тобой или со мной.

Женщина спросонок не могла понять, в чем дело.

– Под нами мокро, – уточнил Глеб.

Юля тоже наощупь попробовала постель, хотела встать, Глеб не пустил.

– Похоже, воды отошли, – сказала она испуганно.

Глеб сорвался с кровати, опрокинул пустой бокал с тумбочки. Он искал телефон, но никак не мог найти. Было ощущение, что он спяну натывается на незнакомые предметы. Юля лежала, боясь шевельнуться, боясь произнести слово, боясь за ребенка. Муж что-то спросил – она не разобрала. Глеб позвал Данилу – другого выхода не было. Заспанный ребенок взглянул на Глеба, стоящего в дверях комнаты: что-то случилось. Он позвонит Бланки.

Глеб пытался найти в шкафу полотенца – упали вещи. Пытался их подобрать – не получалось. Хотелось выругаться.

В дверь звонили. Данила пошел открывать: на пороге Юлиус и Семен. Глеб вышел в коридор, Юли было достаточно одного взгляда. Глеб пропустил его в спальню: от него сегодня толку мало. Бланки спросил женщину о случившемся, сказал, что вертолет уже летит. Он звонил Мухатчевили, спрашивал, что им делать до прилета помощи. Женщина старалась не шевелиться.

– Юля, где взять одеяло или плед? – спросил командующий.

– В шкафу...

Сидеть около палаты интенсивной терапии смысла не было. Хмурый Бланки плотно закрыл за собой дверь, посмотрел на неподвижную фигуру Глеба.

– Пошли.

Глеб не откликнулся.

– Глеб, не имеет смысла здесь сидеть. Помочь ты ей не сможешь. Надо поесть.

Юлиус взял друга за локоть и, несмотря на сопротивление, повел за собой. Они сидели в буфете больницы. Надо найти слова, чтобы вернуть человека к жизни.

– Слушай, старик, я был на твоём месте и поверь, знаю, каково это. Причем, мне не давали шансов ни за жизнь жены, ни за жизнь ребенка. Юлю в любом случае спасут. Ближайшие сутки покажут, что с ребенком. Утешать не стану. У тебя, как я понял, тоже проблемы.

– Да, – выдавил Глеб.

– Какого рода?

– Чернота вокруг стала гуще, плотнее. Не могу ориентироваться. С кровати чуть не слетел, не смог найти вещи на привычных местах. Даже сейчас не понимаю, где передо мной чашка.

– А голос?

– Что?

– Чувствуешь, с какой стороны я говорю?

– Вроде да.

– Покажи.

Глеб показал в противоположную от Юли сторону.

– Ладно, старик, выкарабкаешься, – сказал Бланки, – ни одному тебе хреново. Пока Юля будет в больнице, за тобой присмотрит Семен.

– Дома Данила.

– Он ребенок – не справится с тобой: не сможет поднять, если упадешь или дурь в голову ударит.

– Ну, спасибо на добром слове, – невесело усмехнулся Глеб.

– Всегда, пожалуйста. За Юлю не беспокойся, все что надо, будет сделано...

– Вот вы где, – Измайлова обратилась к мужчинам, – я думала, дражайший муж сидит в коридоре, крокодиловыми слезами заливается.

– Они помогут? – спросил Глеб.

– Нет, – ответила мудрая женщина. – Пойдет со мной, я осмотрю тебя, дам таблетку.

– Обойдусь, – огрызнулся Глеб.

– Я не спрашиваю твоего согласия, это приказ. У нас, вообще-то, количество палат интенсивной терапии ограничено.

После таблеток и укола Глеб заснул. Ольга Васильевна изредка переговаривалась с Бланки. Ночь длилась долго, очень долго...

Утром Бланки отправится к жене Глеба. Все-таки необходимо объяснить человеку, пусть самую малость, что происходит. Юля проснулась, она ожидала мужа, а увидела Бланки.

– Здравствуйте, – сказал он, плотно закрывая за собой дверь.

– Здравствуйте.

– Нам надо поговорить прежде, чем придет Глеб. Сейчас он спит – Ольга Васильевна сделала ему укол, – Юли сел в кресло напротив кровати больной. – Как вы?

– Не знаю.

– Врачи делают все, чтобы спасти малыша.

– Каковы прогнозы?

– Хм... – после неловкого молчания Бланки продолжил – Юля, вчера у вас была возможность... вылечить мужа.

– Потеряй я ребенка? – женщина впила глазами в Бланки.

Он не испугался, не отвел взгляда, четко ответил:

– Да.

Молчание заполнило комнату. Женщина собралась с духом:

– Ответьте, Юлиус Станиславович, что такое ЭСВ?

Бланки невесело усмехнулся:

– Место, где гипертрофически чувствуется любое нарушение баланса.

Глаза в глаза – по-другому никак. Человек ждал честного ответа, что ж, он не солгал.

– Значит, баланс?

– Да.

– Несчастья и радости поровну?

– Нет. На толику радости огромная ноша тягот.

– Вы же сказали – баланс.

– Такова плата, – он сделал ударение на первом слове.

– Как Глеб?

– Потерял ориентацию.

– Совсем?

– Почти. Пока у вас никого не забрали – оставили обоих.

– Я могу чем-то помочь?

– Поможете ли вы кому-то своей смертью? Думаю, нет. Дезориентированный Глеб найдет возможность нажать на курок.

– Вы меня успокоили, – с издевкой сказала Юля.

– Вы сильная женщина. Врать не хочу, не имеет смысла. Несколько лет тому назад я попытался скрыть правду от собственной жены. Стало плохо всем: чуть не потерял дочь. Она в поисках истины встала под дуло автомата, а я не успел остановиться. Если бы не мой враг, каковым я его считал на тот момент, я убил бы собственную дочь. Такая вот увлекательно сволочная, но жизнь.

– Спасибо за откровенность.

Юля молчала. Главное она услышала, спрашивать о несущественном не хотелось.

– Еще вопросы, – на всякий случай уточнил Бланки.

– Нет, – женщина покачала головой...

Глеб заново учился обходиться без глаз. Теперь это давалось куда труднее, нежели несколько дней тому назад. Куда бы он не шагнул – на что-то наткнулся, все время сваливая предметы. Данила не на шутку испугался за него. Он не понимал, что могло произойти с Глебом: разумного объяснения не находилось.

Одна человеческая жизнь – ничто. Несколько – уже что-то. Связанные жизни – главное. Жил-был человек по имени Глеб. Он встретил другого человека – Бланки. Между ними завязалась дружба, основанная на безысходности. Жизнь одного зависела от действий другого...

Часть 3

Влад

Глава 1

Влад резко затормозил. Другого выхода не было. Девушка не испугалась, несмотря на то, что ее чуть не задавили. Она стояла, оперев руки в боки, выставив одну ногу вперед. Мини ничего не прикрывало, как, впрочем, и топик. Влад вылез из машины.

– Жить надоело? Я при чем?

Девушка, покачивая бедрами, подошла к нему вплотную, положила руки на шею и... поцеловала в губы в засос. Поцелуй был так себе, но чувствовалось, что за неуверенностью стоит непреодолимое желание чего-то так до боли знакомого с детства и еще... Влад слышал, как вокруг улюлюкали, кто-то хлопал в ладоши... Видно, целовалась девица на спор и ей все равно с кем – он всего лишь первый попавшийся. Влад про себя усмехнулся: не сойдет с рук. Обняв девчонку, прижал ее к себе и грубо ответил на поцелуй. Насытившись смущением, неуверенностью, наконец, оторвался и, нацепив гримасу циника, хлопнул по заду.

– Захочешь – приходи ко мне, крошка. Дядя научит, что и как надо делать...

Владу потребовалось немного времени, чтобы разложить свой скарб. Он нашел относительно целую комнату. Потолок здесь не протекал, полы на месте. Стекла вставить – не проблема. Содрав свисающие обои, подмел комнату. Света, разумеется, не было. Сегодня придется обойтись подручными средствами – не беда, не привыкать. Вместо стола приспособил ящик, спать он собирался в машине. Тишина и покой, а главное – похоже, он на верном пути. Он не чувствовал усталости, хотя не спал несколько суток подряд. Сейчас в человеке верх взял азарт, да такой, что кровь в жилах закипела. Последние несколько дней Влад не обращал внимания на внешний вид, а надо было. Когда сегодня утром после маленького отдыха с девочкой, зашел к главе местной администрации, то напугал своим видом не только главу, но и участкового. Небритый, лысый, с красными от недосыпания глазами, в мятой рубашке (несколько ночей спал в машине), предъявив справку с отметкой о недавнем пребывании в местах не столь отдаленных, да еще с ответом на вопрос, что отсидел четырнадцать, да с отягчающими обстоятельствами, кого хочешь напугает. Когда участковый поинтересовался, зачем гражданин пожаловал в их места, Влад не стал отвечать, лишь ухмыльнулся. Вот эта ухмылка и испугала жителей. Через час, как водится в селе, беспроводное радио во всех подробностях передавало одну единственную весть: появился убийца, насильник и грабитель и теперь... при слове «теперь» у всех захватывало дух. Вечером все жители запирали дома, тщательно проверяя замки.

Влад наметил план, и теперь, успокоившись, решил привести себя и свое жилище в надлежащий порядок. К вечеру следующего по приезде дня он варил кофе, напевая дурацкую мелодию. Стекла вставил, сейчас на них висели газеты, полы тщательно подмел, ящик-стол тоже застелил газетами, на раскладушке лежали ноутбук и пистолет. Кофе готов. Как же он скучал по божественному напитку! Вот чего ему не хватало – свежесваренного кофе. Влад налил чашку ароматного напитка, но внимание мужчины привлекли еле слышные шаги. По привычке рука потянулась к пистолету, неслышный щелчок – снял с предохранителя, встал за дверь. Раздался негромкий стук. Странно. Влад аккуратно снял крючок с двери, она открылась сама собой. В темноте мужчина рассмотрел женский силуэт.

– Можно войти? – девушка не видела его в полутьме свечи.

– Входи.

Влад осторожно убрал пистолет за ремень брюк и вышел из-за двери. Девушка испугалась, видно по тому, как непроизвольно сжались руки в кулаки, но не вскрикнула.

– А я к вам в гости.

– А я не звал гостей, – буркнул Влад. Он сел на раскладушку и взял чашку в руки – не хватало, чтобы кофе остыл.

– Мы с вами виделись вчера.

– Мы с вами не виделись, а целовались, – уточнил мужчина вчерашней задире.

– Да, мы с вами целовались, – девчонка вздернула вверх нос.

– Понравилось? – Влад насмешливо снизу вверх посмотрел на девушку.

– Не поняла пока, – задиралась девчонка.

– Пока? – засмеялся Влад. – Это «пока» подразумевает продолжение?

– Я, вообще-то, к вам по делу, – девушка скрестила руки на груди (надо унять дрожь). – А вы даже места девушке не предложите.

– Во-первых, я девушку не приглашал. Во-вторых, мне самому здесь мало места. В-третьих, мне дела нет до твоего дела. Поняла?

Девушка пропустила слова мужчины мимо ушей:

– Второй день только и разговору: к нам приехал зек, на нем крови больше, чем в нем, убивает, не моргнув глазом, такой крутой, что наш участковый не нашелся, что сказать, и так далее... долго перечислять. Вы правда убийца?

Влад забыл о кофе. Ему не нужно было смотреть на девушку: слишком хорошо знал ее сущность, правда, в другой жизни, до этой.

– Вы меня слушаете? – поинтересовалась девушка.

– Только и занимаюсь, что слушаю, – с сарказмом, который, скорее, относился к себе, нежели к собеседнице, ответил Влад.

– Можно я буду у вас жить?

Влад поставил чашку на стол: вот чего не хватало ему долгие-долгие, очень долгие годы: нелогичности, непоследовательности, неадекватности, чокнутости.

– Я не нуждаюсь в девушках, – отрезал он, зная, впрочем, наперед, что переубедить не получится.

– Вы гей? – выстрелила она в упор.

– Нет, – ответил он категорически.

– Тогда не понимаю...

– Хочешь трахаться с первым встречным зеком, убившим, сколько ты там сказала? Чем насолили тебе родители, девчонка? – Влад начинал злиться, в первую очередь, на себя – она еще ребенок.

– Мой любимый папочка захотел продать меня уважаемому, упакованному жирному старому козлу. Ага, щас! Я не чья-то кукла! Я сама буду выбирать, когда, с кем и как! – девчонка яростно сжала кулаки.

Не поспоришь. Влад начал остывать:

– Школьница?

– Да.

– Сколько тебе?

– Восемнадцать.

– Врешь.

– Ну, семнадцать. Какая разница?

– А папочка кто у нас?

– Директор школы. Козел...

– А мать?

– А она промолчала. Просто промолчала – ни слова не сказала... – девушка еле сдержала предательские слезы.

– Садись, – Влад указал на раскладушку. – Когда же они собрались выдать тебя замуж? Девушка несмело села, вздохнула:

– Через год. Как раз школу закончу. А хрен им... – и запнулась, голос осекся.

– Понятно. – Влад на миг зажмурил глаза, словно они болели. – Раскладушка одна. Как делить будем?

– Я могу и справа, и слева...

– Да ничего ты не можешь. Заливай мальчикам из школы, – хотел свести к шутке, но не получилось. – Двоим на раскладушке тесно, – он почесал подбородок.

– Ну, не знаю...

– Как зовут? – Влад всматривался в девушку.

– Вера.

– Влад, – помедлив, он тоже представился.

– Очень приятно...

– Да ни черта тебе не приятно, – перебил он, – противно и тошно. К тому же, я тоже старый, еще и лысый.

– Зато я сама выбрала!

– Упрямство тебе не занимать...

Влад дернулся, как от удара хлыста, когда услышал выстрел. Он влетел в комнату. Вера стояла посреди и прижимала руки к ушам.

– Что, черт побери?

– Он упал... случайно... Я разбирала... здесь и задела.

– Ты разбирала мои бумаги? – взвился мужчина.

– Я их чуть-чуть подвинула, честно. У тебя весь ящик ими завален... Мне чертеж сделать негде – на коленях неудобно.

Последние слова она произнесла шепотом, понимая, что является для него обузой. Влад молча поднял пистолет и положил под подушку на раскладушку. Собрал бумаги с ящика, бросил их тоже на раскладушку. Казалось, он был недоволен. Вера смотрела, что делает Влад, но не вмешивалась, знала по опыту – будет хуже.

– Готовься.

– Спасибо.

– Никогда не трогай оружие! – Влад повернулся к девушке и посмотрел в глаза. В них горел нехороший огонь. – Понятно?

– Понятно. Я его не заметила, – попробовала объяснить Вера.

– Черт! Что за детский сад, в самом деле! Мне что больше делать нечего? Надо замечать и не трогать мои вещи, в особенности те, которые могут убить.

В его словах слышалась злость. Вера ничего не стала говорить – она была напугана до смерти, а тут еще он с нотациями. Вера за то небольшое время, что жила у Влада, поняла, что он совсем не страшный, но сейчас по-настоящему испугалась. Нет, не из-за того, что он может ее обидеть, а из-за того, что могла по дурацки застрелить себя. Влад хороший! Это она знала точно. Ей все равно, что говорят вокруг. Она видела, жила в одной комнате с ним. Он купил для нее диван, необходимые вещи, покупал еду на двоих. Она пыталась и не раз предложить себя в качестве оплаты, однако все время наткнулась на странную преграду. Мужчина ни о чем не спрашивал ее, порой, они за весь день перебрасывались лишь несколькими фразами. Он не спрашивал, подобно маме или папе, как дела, пойдет ли она гулять. Она была ему благодарна за то, что принял ее. Сам Влад был постоянно занят. Казалось, он что-то усиленно искал; изучал карты, какие-то списки, выписки из архивов. Часто уезжал, но к ночи всегда возвращался. Вера

подозревала, что из-за нее, хотя и не признавался в этом, хотя Вера никогда не говорила, что боится ночевать одна. Кто может заглянуть в берлогу убийцы со стажем? Никто. Ее вполне устраивал статус своего «сожителя». Разумеется, она во всеуслышание заявила, что живет с Владом, что он классный жеребец и т.д. и т.п. Одноклассники приходили в ужас от рассказов Веры, мальчишки старались теперь обходить ее стороной.

Мама несколько раз пыталась заговорить по дороге, в школе – Вера молча проходила мимо, она не могла простить матери предательства, потому что считала до недавнего времени ее лучшей подругой. Матери она рассказывала все, делилась планами на будущее, от кого угодно девушка ожидала подвоха, но никак не от нее. Отец напротив ничего не спрашивал, не останавливался на улице, делал вид, что вообще ее не замечает.

Первого сентября Вера пришла в мини юбке, на которой сзади как раз на ягодичках были нарисованы руки, лапающие за попу. На топике было написано: «Нечего пялиться – зенки вылезут!» Разумеется, всех шокировал подобный вид выпускницы одиннадцатого класса. Отец на правах директора сделал Вере замечание, на которое она очень рассчитывала.

– Ой, папуля, привет. Я тебя сразу и не заметила. Ты что-то хочешь сказать своей дочке-проститутке. Я вся внимания. Вероятно, хочешь прочитать лекцию о том, как надевать презерватив на член, так ты опоздал: я в курсе, и не только этого. И зубы перед сном я чищу, догадайся чем, и утром зарядку делаю – замечательную зарядку, всем бы такую. Сегодня так спешила в школу, что забыла надеть трусики – вот незадача, как бы теперь ветром не задуло.

Отцу пришлось проглотить горькую пилюлю: не стало больше лапочки дочки, а ведь он старался ради ее блага, даже жизни.

Вера почувствовала себя неважно еще после обеда: болел живот. Поначалу она не обратила внимания, к вечеру легла раньше обычного, думала – пройдет. Влад не спрашивал, что с ней, так как был занят, как обычно. К полуночи боли стали резкими, терпеть не было сил. Влад погрузился в бумаги настолько, что не сразу расслышал стоны Веры. Обернувшись, увидел девушку, свернувшуюся калачиком.

– Что случилось? – он подошел к Вере и присел на корточки.

– Живот болит.

– Где именно?

Вера показала на бок.

– Давно?

– С обеда.

Влад поднялся, огляделся по сторонам.

– Где паспорт?

– Чей? – переспросила Вера.

– Где мой, я знаю, – огрызнулся мужчина.

– В тетрадях.

Влад завернул девушку в одеяло и понес к машине. Уложив на заднее сиденье, сел за руль.

– Потерпи немного. Мы скоро.

В приемный покой больницы он внес ее также в одеяле. На его счастье, доктор оказался там же, спустился за документами: зачем они ему понадобились среди ночи – одному Богу известно. Взглянув на Веру, врач отдал распоряжение возить ее в операционную – документы оформит мужчина, что доставил девушку. Операция шла больше часа. Влад волновался: надо было быть внимательнее к девочке. Вышел врач.

– Как она? – Влад поднялся ему навстречу.

– Успели вовремя. Гнойный аппендицит. Вы ей кто? – доктор взял карту, заполненную медсестрой.

– Сожитель.

– В смысле? – доктор оторвался от карты и посмотрел на Влада. За ночь дежурства он устал и не склонен к розыгрышам.

– В прямом. Живем вместе.

– Так она несовершеннолетняя.

– И что?

– Надо сообщить родителям.

– Не надо. Они не общаются.

– Черт! Только этого мне не хватало для полного счастья...

– Доктор, еще одна проблема. Мне кажется, у Веры четвертая отрицательная группа крови.

– Что значит, кажется? Вы врач?

– Нет. Я зек.

– Ночь приколов?

– Нет. Сделайте анализ на группу крови. Возможно, ей потребуется переливание.

– И где я ее возьму? Выйду на улицу, брошу клич? Тем более надо связаться с родителями.

– Не надо, – Влад повысил голос, – у меня предчувствие, что их группы не совпадут.

Доктор очнулся, словно от толчка: выходит, они не настоящие родители девочки.

– Она в курсе?

– Нет. Это и к лучшему. Во всяком случае, пока.

Доктор внимательно посмотрел на Влада: не похож он на зека, было в нем что-то знакомое, но забытое.

Вера проснулась в общей палате, не понимая, где находится и что с ней. Доктор считал пульс, осматривал ее зрачки. Он не ушел с дежурства и теперь совместно с коллегой решал, что делать. Слова мужчины, который привез девочку ночью, подтвердились: четвертая отрицательная группа крови.

– Да, нужен донор. У нас нет запасов, и до области можем не довести. Странная реакция у этой пациентки.

Веру перевезли в отдельную палату. Доктор собрался звонить в областную клинику, когда в его кабинет постучали.

– Да, – бросил он на ходу, набирая номер телефона.

– Здравствуйте, – в кабинет вошел Влад. – Я привез кровь.

Он поставил контейнер на стол. Доктор положил телефонную трубку.

– Где взяли?

– Убил пару человек, слил с них.

– Совершенно случайно у этой парочки оказалась нужная группа?

– Да.

Доктор покачал головой, но промолчал. Он позвал медсестру и отдал распоряжение, чтобы пациентке из седьмой палаты сделали переливание крови. Если понадобится, он здесь побудет еще какое-то время. Можно, наконец, расслабиться, выпить кофе для начала – до дома еще надо добраться. Они сидели с Владом за столом в ожидании чайника. Доктор догадывался, что за тип перед ним.

– Кто вам эта девочка на самом деле? – спросил он Влада.

– Я уже ответил.

– На зека вы не тянете. Убедить в этом можно только бабулек из села. Это так, ремарка, – доктор протянул чашку с кофе Владу.

– Неужели? – удивился Влад. – Вы первый, кто усомнился в моем тюремном происхождении.

– Происхождение, возможно, у вас, и правда, тюремное, но я... немного знаю ЭСВ.

Влад ничем не выдал своего удивления, лишь внимательно посмотрел на человека напротив.

- Откуда?
- Служил там некоторое время. Ушел.
- Почему?
- При ближайшем рассмотрении ЭСВ требует больших жертв – я оказался не готов.
- Вы счастливчик.
- Почему?
- У вас была возможность уйти...

Влад осторожно закрыл дверь, чтобы не разбудить Веру, но она не спала.

– Привет.

Она приподнялась на кровати, поморщившись, села. Влад доставал из пакета вещи, фрукты, конфеты.

– Спасибо.

С самого дна достал маленького медвежонка, протянул его Вере.

- Я не маленькая девочка, – возмутилась девушка.
  - Даже продвинутым шалавам нужен отдых. Он будет напоминать тебе обо мне.
- Вера не обиделась на слова Влада. Медвежонок был смешной.
- Ты на него совсем не похож.
- Влад улыбнулся...

Когда они подъехали к дому, Влад открыл дверь со стороны Веры. Девушка вылезла, поморщившись от боли. Перед дверью в комнату Вера воскликнула:

- У нас коврик!
- У нас коврик, – вторил ей Влад.

Он открыл дверь в комнату и пропустил девушку. Она вошла и остановилась как вкопанная. Было от чего остановиться.

- Ты сделал ремонт?
- Да.
- И мебель купил?
- Да.
- Когда успел?
- Тебя не было больше недели.
- Откуда деньги?
- Продал людей на органы.
- Не шути так, пожалуйста.

– Тогда не спрашивай у мужчины, откуда у него деньги. Снимай пальто. И вообще раздевайся. Что? Некоторое время назад сама мне предлагала. Шучу, просто не переношу сильный запах – буду тебя купать.

- Где?
- В ванной.
- Я не вижу здесь ванную.

Влад открыл дверь в соседнюю комнату. Вера подошла и обомлела: эта комната тоже была отделана. Посередине стояла ванная.

– Класс.

Разомлев после ванны, близости мужчины, нежно ухаживающем, делающем массаж, обрачивающем в халат и несущем на руках, Вера сидела с расческой в руках. Она собиралась высушить волосы, пока Влад убирал в ванной. Девушка почувствовала, что с сегодняшнего дня

их отношения изменились. Она все-таки заставила себя переключить внимание на отражение в зеркале и занялась волосами. Влад, войдя в комнату, посмотрел на Веру – девушка выглядела задумчивой. Волосы рассыпались по плечам. Она была красива и юна. Почувствовав на себе взгляд, Вера обернулась.

– На тебе рубашка мокрая, – только и нашлась, что сказать.

– Я переоденусь, и будем ужинать.

Ужин Влад приготовил быстро, ничего особенного, но вкусно. Себе мужчина позволил рюмку коньяка, ей – стакан сока. Ели молча, больше глядя в тарелки. Вера тщательно пережевывала еду – аппетита не было, но не говорить же об этом Владу. Он старался – все подготовил. Когда только успел?

– Что-то случилось? – не выдержала Вера.

– С чего ты взяла? – Влад подложил себе салата – проголодался.

– Показалось, – Вера водила вилкой по ободку тарелки.

– Возможно... – от Влада не скрылось отсутствие аппетита девушки, как и ее усилия не показать этого.

– Это связано со мной? – девушка в упор посмотрела на мужчину: хочешь поиграть в кошки-мышки.

Влад понял ее намерение: выяснить раз и навсегда свой статус. Хорошо. Рано, конечно, но он не против.

– Возможно, – спокойно ответил он. (Может, подобный ответ остановит ее, успокоит на время).

Вера замолчала. Владу захотелось выпить не только рюмку коньяка.

– Я красивая?

Уловка Влада не удалась – девушка не остановилась, не успокоилась. Он почесал бровь – Черт! Пришлось налить еще рюмку коньяка.

– Да, – ответил он, рассматривая девушку сквозь рюмку, в которой переливалась светло-коричневая жидкость.

– Хочешь меня?

Влад, улыбаясь, внимательно изучал девушку напротив. Закончив свои исследования, вздохнул, выпил залпом коньяк, но удовольствия не почувствовал.

– Ты не ответил на мой вопрос, – в ее замечании чувствовалось недовольство.

Влад решительно отодвинул и рюмку, и тарелку. Следует, не напугав, не оттолкнув девочку, объяснить некоторые моменты. И как, прикажете, это сделать? Ладно, тогда скажет правду.

– Какой мужчина не хочет женщину? Вера, выслушай меня, пожалуйста. Ты мне нравишься, я бы сказал, чрезвычайно нравишься. Я не против заняться с тобой... гимнастикой для тела, но также я не против ухаживаний, так как я старый. Да-да, я рожден в прошлом веке и воспитан несколько иначе, поэтому слова «койка», «свадьба», «знакомство» выстроены в следующей последовательности: «знакомство», «свадьба», «койка».

– Интересно! – улыбнулась Вера...

Они гуляли в парке, сидели в небольшом кафе. Он что-то рассказывал, она слушала. Улыбались друг другу, смеялись. Им было хорошо... Им было хорошо шестнадцать лет...

Глава 2

За это время Вера получила диплом бакалавра, а потом магистра исторических наук. За это время Влад отстроил дом – теперь на месте полуразрушенного здания стояла целая усадьба (как когда-то в начале прошлого века). За это время выросли дети: Вадим и Виталий – двойняшки и Кристиан – их погодок. Они родились с разницей в десять месяцев, поэтому

учились все трое в одном классе. Мальчики готовились к окончанию 11 класса, и отец думал об их дальнейшей судьбе.

Поначалу Влад не знал, как рассказать Вере о том, кто она. Потом подумал, что вовсе не стоит. Зачем беречь прошлое? Им было хорошо. Он учил мальчишек искусству выживания. Вера, смеясь, научилась стрелять и приемам самообороны. Пожалуй, они не ссорились. Любили путешествовать. Прошлым летом отправились на Байкал. Идея Кристиана. Целый месяц они провели в дороге. Останавливались, где хотели, наблюдая и запоминая увиденное. Мальчишкам понравилось. Они и раньше совершали подобные вылазки, но в этот раз отец доверял больше, даже позволил всем по очереди сесть за руль. В этот раз мальчишки сами разводили огонь, одни ночевали в палатке – отец предпочел машину.

Вера любовалась видами, не подгоняла мужа сниматься с места (обычно они останавливались в уединенных местах – без лишних глаз). Однажды такая остановка чуть не стоила им жизни. Кто же мог предположить, что в нынешних лесах водятся стаи волков? Оказывается, водятся. Более того, в поисках пропитания могут выйти из леса и прийти на запах мяса.

Вера не собиралась сегодня ни на какое родительское собрание – не ходила на них – обязанность Влада. Она после окончания одиннадцатого класса была в школе единственный раз – на первое сентября детей-первоклашек. До сих пор помнила, как смотрели на них с Владом. Мама попыталась заговорить – Вера отвернулась. Кто-то еще... противно. Вера занималась историческими изысканиями дома. Общества мужа и сыновей ей хватало. Но сегодня... Влад задерживался – час назад прислал сообщение. Что у него стряслось? Даже не позвонил. Вот приедет – она ему задаст... Ничего не оставалось делать, как собираться – у мальчишек выпускные экзамены – важно, это важно для них.

Вера остановила машину, не спеша вылезла и закурила. Так она стояла, пока не услышала, как кто-то спросил.

– Крис?

Она обернулась на голос мужчины. Вопрос был адресован именно ей, а не кому-то другому. Вера в недоумении уставилась на мужчину: ошибся.

– Крис! – в голосе было уверенное удивление.

– Простите... – Вера остановила жестом приближающегося к ней мужчину.

– Это не Крис! – прозвучал спокойный голос Влада.

Только теперь Вера увидела, что муж вылезает из машины – все-таки успел. Мужчина, направлявшийся было к Вере, застыл, словно соляной столб.

– Ты?

– Я.

– Какого черта?

Порыв ветра и оглушительный раскат грома заглушил остальные слова. Хлестнувший дождь заставил людей подняться сначала на ступеньки, войти в здание. В холле стояли родители и дети, одни только пришли на собрание, другие собрались расходиться по домам, но погода не внушала доверия – решили переждать.

– Ты жив?

– Прости, что разочаровал тебя, – Влад краем глаза осмотрел присутствующих – много ушей.

– Я... жду объяснений, – Юлиус Бланки взял за пистолет.

– Их нет.

– Нет?

– Нет.

– Кто это?

Но тут случилось то, что ни Влад, ни Юлиус не могли предвидеть – раздался выстрел. Оба по инерции пригнулись – целились в них, но промахнулись либо сделали вид, что промах-

нулись. Оба по команде встали в простенок, оглядывая все вокруг. Люди. Черт, здесь слишком много мишеней.

– Спортзал? – спросил Юлиус.

– Все туда, – Влад понял, что он имеет в виду, и теперь указывал направление.

Люди в панике кинулись к спортзалу. Войдя в него последними, мужчины осмотрелись по сторонам. Черт! Как неудобно воевать.

– Всем сесть на пол. Взрослые разберите маленьких детей. Головы нагнуть, если посыплются стекла – не паниковать, – приказы Бланки отрезвляли.

В спортивном зале две двери, ведущие к выходам. Мужчины встали спина к спине, приготовившись стрелять.

– Проклятье. Терпеть не могу пистолеты.

– Мало патронов?

– Именно.

Они выстрелили одновременно – точно. Еще. И еще.

– Прикрой.

Юлиус передал Владу свой пистолет. Влад развернулся, чтобы иметь больший обзор для стрельбы. Он выстрелил еще раз, пока Юлиус не вернулся с автоматами – так привычнее. Теперь он чувствовал себя уверенно, поэтому продолжил начатый разговор.

– Я жду объяснений!

– Объяснений! – взревел Влад. – Я живу здесь семнадцать лет, но в то мгновение, когда ты появился сюда, появились люди с автоматами.

– Какое отношение ты имеешь к моей дочери? – взревел Юлиус.

– Я ее муж! – пригвоздил его Влад, выстрелив в показавшегося автоматчика.

– Ты спишь с моей дочерью?!

– Да. Ты, между прочим, спишь со своей племянницей, – опять выстрел.

Они снова встали спина к спине, но, похоже, передышка – никого.

– Я был на твоей могиле, – уже спокойнее сказал Юлиус.

– А я на твоих похоронах. Даже гроб в могилу опускал.

– Ты не мог выжить в одиночку, – Юлиус повернул голову вполоборота, – если только... не сел в тюрьму... – Юлиус развернулся и посмотрел на Влада.

– Тюрьма – по сравнению с Бланки – мелочь, на которую вряд ли стоит обращать внимание.

Юлиус выстрелил:

– Ты не прав.

Влад осмотрелся по сторонам: черт!

– Кто они?

– Без понятия. Документов нет. По рожам – наемники.

– Зачем приехал?

– Сережка попросил осмотреться.

Влад понял, о каком Сережке идет речь, поэтому промолчал. Выждав минуту, Юлиус двинулся в центр спортивного зала. Жестом он показал сидеть тихо – его послушали. Он стоял в середине и медленно осматривал все по кругу. Четыре выстрела прозвучали необычайно гулко – камеры он сбил. Влад понял.

– Вадим, Виталий, возьмите оружие. Держите обе двери. Кристиан, окна, – приказал он сыновьям.

Мужчины, не сговариваясь, занялись каждый своей работой. Влад направился осматривать здание, Юлиус выбирал место в зале, куда бы сам поместил взрывчатку. Бланки положил автомат, проломил кулаком пол, вынул заряд – разминировал, еще, и еще. Вернулся Влад – всего два заряда. Похоже, все веселье предназначалось этому месту.

– Что-то знакомое? – спросил Влад, видя, что Юлиус осматривается по сторонам в поисках взрывчатки.

– Да. Подобное было, но охотятся не на нас – вопрос – на кого.

Последний заряд оказался в самом центре. Пришлось разбивать половицы с двух сторон. Доставали медленно – жидкость.

– Гадость! – только и сказал Бланки.

– Согласен.

Они с великой осторожностью справились с последним сюрпризом. Теперь сидели на полу или на том, что от него осталось.

– Не хочешь пригласить в гости? – спросил Юлиус.

– Нет.

– Вообще-то, ты сволочь.

– Кто бы говорил...

С этими словами мужчины начали выводить людей из здания.

Всю дорогу до дома Вера молчала. Сыновья тоже. И Влад. По приезде домой Вера отправилась в ванну – смыть услышанные слова, но они словно новая кожа вросли в нее. Муж ждал ее в комнате. Разговор предстоял нелегкий...

Вера не спешила. Теперь она поняла, многое поняла. Нестыковки в жизни мужа исчезли... Выходит, он не говорил правду... И как теперь жить? Он с самого начала знал, кто она такая, она же до сих пор не знает. Значит, ее удочерили? Что стало с мамой? Вера закрыла глаза и ушла с головой под воду. Влад выдернул ее на поверхность.

– С ума сошла? – злость рвалась наружу из его глаз (догадался зайти в ванную – долго не выходила).

Вера закашлялась, попыталась оттолкнуть его.

– Что ты делаешь?

– А ты? Решила на тот свет отправиться? – Влад грубо тряхнул женщину. – Не переживай, у тебя теперь будет сколько угодно возможностей и без суицида.

– Отпусти меня!

– Ага! Щас! Разбежалась!

Он крепко держал ее на руках, осмотрелся в поисках полотенца – вот оно. Сам обернул и снова взял на руки.

– Дапусти ты меня!

– Не пущу! – уже спокойнее буркнул Влад.

Неизвестно, сколько бы они пререкались, но в дверь их спальни постучал Кристиан и сказал, что у них гости.

– Каково Черта! – в сердцах чертыхнулся Влад.

Он ясно сказал, что не хочет видеть Юлиуса. Как был в мокрой рубашке, вышел в гостиную. Юлиус осматривался по сторонам.

– Я не приглашал тебя!

– Не приглашал, – эхом отозвался Юлиус.

– Кто впустил? – Влад повернулся к сыновьям, они все трое находились здесь же.

– Мы не впускали, – ответил Вадим.

– Отстань от ребят. Я в состоянии отключить сигнализацию и перелезть через забор.

Влад и Юлиус смотрели друг на друга: что дальше? Да чего уж теперь? Влад покачал головой: все не так и не то.

– Ладно, я переоденусь... Мальчики, накройте стол. Я скоро...

Влад, войдя в спальню, увидел Веру, сидящую на краю кровати, все еще в полотенце. Он быстро переоделся. Стоит ее трогать? А звать с собой?

– Вера, там твой отец. Хочешь услышать наш разговор?

Женщина посмотрела на него: это того стоило? Его ложь?

– Я никогда не лгал тебе ни в чем! – ответил он на не озвученный вопрос. – От родителей ты ушла, порвала с ними все связи... Впрочем, повторюсь, если хочешь услышать разговор, одевайся и идем.

Вера поднялась с постели.

В столовой было тихо. К еде никто не прикоснулся – до нее ли? С чего начать? Кому?

– Давайте, наверное, с меня, – Влад разорвал тишину. – Кто-нибудь из вас слышал о Криспе? Ладно, тогда по-другому. Кто такой Тацит?

– Древнеримский историк, писатель античности, – ответил Кристиан, осматривая присутствующих: пап, ты чего? Это же известный человек.

– Вот ведь как получается, – снова заговорил Влад. – Тацита знаем, Криспа нет... Небольшой экскурс в историю: Гай Саллюстий Крисп – древнеримский историк, реформатор античной историографии. Именно он оказал влияние на Тацита. Не будь его, возможно, не было бы и Тацита, или был бы, но... другим. Так вот, Крисп утверждал: «Прихоть случая управляет миром». Античность далека... Возьмем время поближе – 20 век. После войны по всему миру пополз коммунизм. Умные люди придумали теорию домино.

Вспомните ряд выставленных друг за другом домино. Стоит толкнуть первую, а дальше, как цепная реакция, падают все остальные, уже без вашего вмешательства. Начало медленное и тяжелое, затем сила скорости и скорость все больше и больше возрастают.

Жизнь напоминает эффект домино. Мы выбираем главную цель и бьем по ней, после этого наблюдается эффект в других сферах жизни. Сложность состоит в том, чтобы найти цель, которая превзойдет все другие. Она станет как точкой отсчета, так и центром жизни. То есть путь к успеху лежит через одну единственную цель. Вашей задачей является найти самое главное и работать над достижением сего с разных сторон. Остальное, по эффекту домино, приложится.

Юлиус, ты уже понял? Да, именно: ранение Ритуса на границе – точка отсчета, центр не только его, но и наших жизней. Ваш с Иоганом отъезд в Афган, ваша гибель, гибель Крис, ЭСВ и вся другая хрень – эффект домино. Все просто и понятно...

– И запустил его один человек... – тихо сказал Юлиус.

– Именно. Лишь у него на тот момент была возможность. Его главная цель, полагаю, даже не ты и не Ритус.

– Я понял! – Юлиус встал и начал расхаживать по комнате взад и вперед.

– Предположу, у него уже тогда были отклонения, – осторожно начал Влад.

– Все гении чокнутые, – констатировал Юлиус. – Как ты высчитал его?

Влад пожал плечами:

– Знаешь, все тот же эффект домино. Когда я понял, что Вадим погиб и его гибель, кроме меня никто не видел, а тел в моем распоряжении больше, чем достаточно... Я был ранен, но в состоянии передвигаться, поэтому на труп надел свою одежду, вложил документы, положил рядом с братом. Все – я погиб. С тюрьмой еще проще... Пока сидел, у меня было время – много времени. Главное – меня никто не искал, чего не скажешь обо мне...

– Кто-нибудь знал? – Юлиус развернулся перед Владом.

– Не сразу. Вере потребовалась твоя кровь, я разыскал Ритуса.

– Выходит, мой брат в курсе...

– Юлиус, – перебил Влад, – мы выбрали безопасность Веры, а не твои амбиции. К тому же, у тебя на тот момент все сложилось. Будь по-другому, возможно, я сказал бы... Хотя нет, даже и тогда...

– Крис? – прохрипел Юлиус, отвернувшись от всех.

– Ничего... – еле слышно ответил Влад. – Найди ее, я не стал бы скрывать...

Юлиус повернулся, снова прошелся по комнате, наконец, сел за стол, сложив перед собой руки.

– Выходит, не приехал я сюда, так бы и не узнал? – спросил Юлиус.

– Да.

– Гм-м... Что за уроды сегодня стреляли?

– Без понятия. Это не по мою душу точно.

– Снова случайность?

– Или эффект домино.

– Да иди ты...

Он не успел закончить – раздался звонок в дверь.

– Полагаю, вы никого не ожидаете?

– Нет. Возможно, полиция. Я все-таки зек.

– Тогда открою я, – Юлиус встал из-за стола и направился к двери.

Влад не стал останавливать. Ни Вера, ни сыновья не шелохнулись. Через несколько минут раздались торопливые шаги.

– Влад! – крик Юлиуса заставил вскочить с места.

– Куда положить?

Юлиус держал на руках женщину. По-видимому, она была без сознания.

– Давай сюда.

Влад показал на диван в гостиной. Что за чертовщина?

– Нашатырь есть?

– Да. Вера, принеси, пожалуйста. Ребята, воды. Надо укрыть ее – знобит.

– Это же наша техничка, – сказал Вадим, подойдя ближе, и увидев лицо женщины.

Вера подала нашатырь, но Юлиус передумал – пусть пока побудет без сознания. Так лучше и для нее, и для него.

– Как давно вы знаете ее? – спросил Юлиус у мальчишек, опускаясь на пол около дивана.

– Да всю жизнь, как пошли в первый класс.

– Вера, а ты ее знаешь? – Юлиус опустил голову еще ниже.

– Да. Тетя Вера всегда была там, сколько себя помню. Никогда, правда, не видела ее лица, она все время закрывала его платком – теперь понятно почему, – Вера проглотила комок в горле, пытаясь унять дрожь в руках.

– Да, личико не из лучших. Полагаю, обгорелое, как, судя по шрамам на руках, и тело, – проговорил Юлиус.

Влад догадался. Черт!

– Юлиус! – позвал он тихо.

Юлиус не слышал... не видел... не чувствовал...

Калейдоскоп показывает ребенку неповторимую картину. Сами по себе стекляшки – ничто, но стоит их соединить и посмотреть через призму на свет. Только один человек в этой изуродованной временем и жизнью женщине смог рассмотреть Кристину. Он узнал ее сразу, как только открыл дверь – застыл на мгновение, когда же выдохнул: «Крис!», она сползла вниз, но он не позволил упасть, подхватил на руки. Не теперь, только не теперь!..

Часть 4

Артур у Даши

Глава 1

Если бы Магда спросила, зачем он приехал, Артур не смог ответить, не солгав. Она не спросила. Артуру не хотелось возвращаться к себе, но пришлось. Будучи в дороге, поймал себя на мысли, что ищет повод, чтобы оказаться рядом с Магдой. Что в этом плохого? По приезде домой он снова задумался. Прогуливаясь по пустым гулким комнатам, пустынному саду, где когда-то проходил с ней, поддерживая за руку... Не выдержав, позвонил Юлиусу. О чем разговаривали братья, не знал, разумеется, никто.

На следующее утро Юли сообщил Даше, что ему необходимо уехать на неопределенное время. Он не стал уточнять место и причину поездки, растерянная Даша не спросила.

Растерянность Даши была оправдана – в последнее время произошло много необъяснимых или плохо объяснимых событий. Выходки мужа ей порядком надоели. Пожалуй, она даже рада его отъезду. В селе столько пересудов... Объектом последних сплетен стала старшая дочь Бланки – Юля, которую отец выдал замуж сразу после того, как девушка окончила школу. О чувствах дочери интересоваться не стал – поставил перед фактом: в целях безопасности она должна выйти замуж за... киллера. Когда он сообщил имя будущего мужа, Юля лишь передернула плечами – противиться не стала – ее мать погибла, а могла бы жить. Отец спросил о свадьбе, на что девушка снова передернула плечами, но теперь с презрением. Ладно. Кое о чем, правда, он умолчал.

Даша возмутилась до глубины души – неужели Бланки не в состоянии защитить девочку? Она не получила ответ на свой вопрос. Молчание мужа, его нежелание касаться данного вопроса вызвали бурю негодования у Даши, поэтому под впечатлением эмоций женщина не заметила странностей в поведении мужа, и не только его. Он уехал.

Даша удивилась, когда узнала, что Ольга Васильевна уходит на пенсию. Ей еще работать и работать. Якобы надо помогать с внуком: Оля родила мальчика и теперь приехала к маме. Молодая мама сама в состоянии ухаживать за малышом.

Но каково было удивление Даши, когда ее поставили перед фактом: она директор школы. Приехав домой, Даша чуть не заплакала. Что делать? И Юлиуса нет. А там ремонт по САН-Пину, нехватка специалистов, аккредитация. Она же не справится! В тот вечер позвонила Магда. По голосу Даши поняла, что дочери плохо. Даша сначала не хотела рассказывать, но... слово, потом другое... Магда внимательно выслушала и, в свою очередь, удивилась: куда мог отправиться Юли – позвонила Артуру, который... ожидал звонка. Он лгал с чистой совестью, более того, предложил помочь Даше. Так что школа оказалась отремонтированной по САН-Пину, и специалист по истории появился – Артур Георгиевич Смит. Оказывается, у Юлиуса Станиславовича есть еще один брат. Что ж, вокруг пожимали плечами.

Артур расположился в кабинете Юли. Даша, с одной стороны, была благодарна ему за помощь, но чувствовала несколько натянуто, несмотря на то, что Артур вел себя подчеркнуто вежливо. Он занимался с детьми: учил борьбе, игре в шахматы, правилам этикета, языкам, музыке, живописи, танцам. На вопрос Сони, зачем, Артур лишь выразительно поднял бровь: элементарный набор уважающего себя человека. Папа, по словам Сони, тоже учил французскому, помимо английского, но всегда помогал, не был тираном. Она так и сказала: «Не был тираном». Артур улыбнулся, но занятий не отменил и заданий не уменьшил.

Соня попыталась выместить недовольство в школе – не вышло. На уроках Артур был строг, не давал повода для реплик не по теме, заставлял работать так, что ученикам не оставалось времени на посторонние мысли. Поднятую на уроках руку Сони он не замечал. На перемене уходил либо в учительскую, либо в кабинет директора. Если в кабинет директора, как при маме спросить? Был бы папа! Но его нет.

Вот и сегодня он сделал вид, что не заметил ее руки, а она, между прочим, хотела задать вопрос по теме... почти. Все, хватит. Если взрослый мужчина ведет себя нечестно, она с чистой совестью может поступить так же. Соня, умная девочка, звонила Магде. В отличие от мамы она подметила несколько нестыковок, но не стала говорить о них... пока. Надо для начала все выяснить. Приезд Магды должен пролить свет на некоторые вещи. Соня не стала говорить маме о телефонном разговоре с бабушкой (смешно звучит, но так оно и есть).

Магда приехала на следующий день сразу в школу, как просила Соня. Прошла в кабинет, где вел урок Артур. Урок, так совпало, был в Сонином классе (умная девочка!). Как раз прозвенел звонок (сплошные совпадения), Артур еще что-то записывал в журнал, когда боковым зрением в дверях увидел Магду.

– Магда, привет, – Соня расплылась в улыбке и направилась к женщине, чтобы обнять. Женщина с удовольствием обняла внучку, кивнула мальчишкам.

– Артур Георгиевич, – Магда выразительно посмотрела на мужа, одновременно здороваясь и приглашая прогуляться.

Не дождавшись ответа, она, отстранив Соню и подмигнув ей, вышла и направилась в сторону кабинета директора. Судя по уверенной походке, она знала, куда шла. Артур догадался, от кого получены знания. Он встал из-за стола, наконец, закрыл журнал, раздумывая, что предпринять относительно внучки, но ограничился одним словом: «Стерва». Он сказал его достаточно громко, чтобы слышали остальные. Соня в ответ лишь передернула плечами и состроила рожицу. Когда он скрылся из вида, Юра спросил у сестры:

– Думаешь, он не отомстит?

– Не понимаю, о чем ты? – Соня повернулась к брату, изобразив самый невинный вид.

– Ты, полагаю, наябедничала Магде на него, – сказал Юра.

– Я не ябедничала, просто поговорила по телефону... – Соня нахмурила брови: что им неймется.

– Мама в курсе приезда Магды? – в разговор вмешался Стас.

– Теперь, думаю, да, – Соня хотела что-то добавить, но не успела: вошла Даша.

Как не вовремя. Соня не успела предупредить братьев, чтобы они прикрыли ее по поводу появления Магды. Вид мамы не предвещал ничего хорошего, и начала она с Сони.

– Почему здесь машина Магды?

– Приехала в гости, – Соня пыталась уменьшиться в размерах, что, естественно, не получалось.

– В школу? Что за бред? – Даша уставилась на дочь: очередная ее выходка.

– Но ведь дома никого нет, – оправдывалась девочка.

– Но ведь у Магды работа! – Даша гневно сдвинула брови.

Даше безразлично, что Соне не нравится, чему и как учит Артур, потому что понимала необходимость обучения. Да, у детей нет свободного времени. Ничего. Потерпят. Зато не пришлось отсылать их: учитель приехал на дом.

Артур бессовестно целовал жену: соскучился, она отвечала взаимностью. Он был не против зайти дальше: смахнуть разом все со стола. В дверь постучали: Даша. Мужчина отстранил женщину и выдал хриплое «да». Вошла Даша. Двое пытались выровнять дыхание. Дочь пыталась не смотреть на родителей, поправила раскрытый журнал, что Артур швырнул на диван.

– Дашенька! – Магда улыбнулась дочери и направилась к ней, чтобы обнять.

Артур вздохнул про себя, взял сигару из внутреннего кармана: надо успокоиться. Он отошел к окну и закурил, как обычно. Даше нравилось, когда он так делал: что-то умиротворяющее шло от него в подобные моменты. Она чувствовала надежную защиту, без спонтанности и безрассудности мужа.

– Магда.

Даша поцеловала мать в щеку, предложила сесть, поставила чайник. У нее есть печенье, конфеты, можно, впрочем, домой – посидеть, как следует. Артур, слушая слова Даши, ждал, когда Магда скажет, что не стоит, что она ненадолго.

– Не беспокойся, чая будет достаточно. Домой после.

Артур поднял бровь: он не ослышался?

– Не стоит поднимать бровь, дорогой, – Магда посмотрела на спину мужа.

– Я не поднимал, – Артур повернулся к женщинам.

– Не будем спорить, – улынулась Магда.

Артур посмотрел на жену: баран, ведь она точно так же, как он, искала предлог, чтобы очутиться с ним рядом. Сонечка – умница. Даша предложила им забрать Иришку из садика и отправиться домой. Уроки она проведет.

Иришка обрадовалась приезду Артура и Магды: она их обожала, могла делать с Артуром все, что с папой: оба позволяли маленькой девочке вертеть собой, как ей вздумается. Иришка вцепилась в Магду, обнимая и целуя. Артура знали в садике. Теперь он, вместо Юлиуса, отводил девочку в садик и забирал из него. Магда одевала непослушную девочку и смеялась, Артур ждал. Когда Иришка была готова, легко поднял ее на руки, как обычно.

Магда замечательно ориентировалась в доме Даши. Она переодела девочку, изредка наблюдая за мужем: напряжен, даже складки проступили на лбу. Она дала Иришке игрушки и поднялась с колен, оказавшись перед мужем. Он не стал ни спрашивать, ни объяснять. Иришка поначалу, когда они только начали целоваться, тихо произнесла свое неизменное «Брю». Однако ребенку порядком надоело ждать, когда и ее поцелуют. Ее громкие «Брю» не помогали: взрослые не слышали. Тогда она подошла к Артуру и, дергая за штанину, издала отчаянное «Брю». Артур оторвался от Магды, вздохнул, наклонившись, взял ребенка на руки. Иришка прижалась к его щеке, обнимая за шею. Магда, смеясь, поцеловала ребенка в макушку.

По приходу Даши Магда предложила помочь с обедом, но дочь отказалась. Она забрала Иру, оставив родителей одних в кабинете Юлиуса. Артур потянулся за сигарой, но Магда остановила:

– Сядь, дорогой. Я сделаю тебе массаж.

Она мягкими движениями массировала виски, шею, плечи. Стало приятно, очень, чрезвычайно, истома пробежала по всему телу. Мужчина взял женщину за руку, усадил к себе на колени. Неизвестно, чем закончились бы их ласки, но Соня вошла в тот момент, когда Артур гладил Магду по бедру под платьем. Девочка, не постучавшись, остановилась как вкопанная. Они целовались? Где его рука? Артур остановился и посмотрел на испуганную девочку, уставившуюся, в свою очередь, на его руку: черт.

– Э, дверь была не заперта. В общем, обедать пора.

Соня шмыгнула в дверь. Артур, наконец, убрал руку: нехорошо получилось. Магда промолчала: зачем говорить очевидное.

После обеда, как всегда, у Сони урок латыни, которая ей давалась, в отличие от братьев, хуже, поэтому заниматься приходилось больше. Девочка написала несколько выражений, теперь их проверял Артур. Пока он смотрел в ее тетрадь, Соня наблюдала за ним. Сегодня он проверял несколько дольше обычного, не мог сосредоточиться, да еще происшествие в кабинете. Она еще маленькая девочка.

– Почему у вас нет детей? – вдруг выпалила Соня.

Артур очнулся.

– Что?

– Ты слышал. Не увиливай. – Соня продолжала внимательно изучать лицо Артура.

Он пожал плечами. Ответ не устроил Соню.

– Неудобно, – Артур опустил глаза, – у нас взрослые дети.

– У папы Ира, а он твой ровесник.

– Это другое, – Артур странно улыбнулся.

– Чего ты боишься?

– Какой из меня отец! – Артур виновато посмотрел на Соню.

– Замечательный!

Артур снова опустил глаза, даже нахмурился:

– Тогда я не сказал ей, что хочу ребенка – случилось несчастье.

– Это было тогда. Вы здесь и теперь.

– Не думаю, что она захочет...

– Ты спрашивал?

– Нет. Не хочу причинять боль.

– Скажи... а близость... важна?

Теперь Соня опустила глаза, на щеках от волнения появился легкий румянец. Артур не спешил с ответом, подбирая слова, самые важные, возможно, сейчас для нее.

– Когда любишь, хочется чувствовать человека, прикасаться к нему, к каждой его клеточке, быть частью его и ощущать его частью себя. Близость дает такую возможность.

– Так происходит у всех?

– Не знаю, – честно признался Артур.

– У тебя с другими женщинами? – запнулась Соня и добавила, – Ну, до Магды?

– Нет.

На кухне разговаривали женщины. Магда на вопрос Даши, почему у них нет детей, ответила, что есть: Даша, Юра.

– Мы взрослые, – возразила Даша.

– Вот именно. Вы слишком взрослые. Нехорошо. К тому же, я не знаю, как он отнесется...

– Он любит детей.

– Вот и славно, – Магда не хотела продолжать разговор.

Вошел Артур.

– Помешал?

Он внимательно посмотрел на румянец, что ярко выступал на лицах обеих женщин.

– Нет, – в один голос ответили женщины.

– Я оставляю вас, – Даша плотно закрыла за собой дверь.

– Пожалуй, я сварю кофе, – сказала Магда.

– Лучше я, – Артур улыбнулся жене.

Пока он готовил кофе, оба молчали. Порой, человек не ценит мелочи, более того, не обращает на них внимания. Магда позволила себе просто наблюдать за тем, как сильный мужчина поставит на стол две чашки, нальет в них ароматный кофе, добавит по несколько капель коньяка, сядет рядом, совсем рядом.

– Кстати, я спросила у Даши о Юлиусе. Она не знает, где он, несмотря на то, что исправно получает от него письма с посылками.

– Да, – Артур водил пальцем по ободку чашки – лгать больше не хотелось.

Магда посмотрела на его пальцы, отпила кофе.

– Юлиус уехал из-за меня.

– Прости.

– Я хотел быть рядом с тобой, не знал, как это сделать. Юли предложил план: он уезжает, я еду к Даше, якобы помочь, ты близко или почти близко – двести километров не в счет.

– Тебе нужен повод, чтобы остаться со мной, приехать в гости?

Артур вопросительно посмотрел на жену:

– Вдруг я нарушу твои планы.

– У меня тоже есть вакансии...

– Нет, это слишком близко. Строки начнут сливаться – хочу отчетливо читать книгу жизни.

– Выходит, разум и на этот раз пересилил желание.

– Нет.

– Ты противоречишь себе.

– Один год.

– Что?

– Один год отделяет меня от любимой.

– Ты еще в любви признайся.

– Я не против.

Магда рассмеялась, поглаживая мужа по щеке:

– А Даша?

– Ей предстоит многому научиться. Разлука с Юли пойдет на пользу.

– Считаешь?

– Считаю.

– Что с Соней?

– Пришла пора влюбиться.

– Есть в кого?

– Здесь нет, но, думаю, следует воспользоваться ее методом.

– Каким?

– Не скажу.

Артур прижал руку женщины к своим губам, поцеловал пальчик за пальчиком.

– Пойдем в комнату, тебе надо отдохнуть.

– Не надо мне отдыхать, да и не хочу я отдыхать – тебя хочу.

Магда хотела покраснеть, но передумала:

– Я тоже искала повод, чтобы позвать тебя к себе...

На следующий день Магда уехала, оставив после себя терпкое послевкусие любви. Артур не забыл, кому он обязан появлением Магды. Разговор с Соней заставил задуматься о другом. Девочки ее возраста должны интересоваться, помимо всего прочего, мальчиками. Вопрос в том, какой мальчик сможет заинтересовать Соню, обладающую незаурядным умом! Артур размышлял недолго.

На следующий день после отъезда Магды в дверях кабинета Артура (как раз перед уроком в классе Сони) появился Лекс. Они поздоровались. Артур в телефонном разговоре с племянником вкратце обрисовал ситуацию – Лекс не против, совершенно не против! Кое-что, разумеется, Артур не стал озвучивать, Лекс понял без слов: он не против и этого кое-что. Теперь Артур и Лекс тихо переговаривались между собой, ученики собирались в класс. Вошли Юра и Стас, поздоровались с Лексом. Наконец, появилась Соня.

– А ты что здесь делаешь? – вместо приветствия последовал вопрос.

– И тебе здравствуй, – Лекс улыбался, явно прикидывая что-то в уме. – Не буду отнимать время, господин учитель.

Звенел звонок. Лекс направился к двери, где до сих пор стояла Соня, уперев руки в боки. Лекс легко поднял ее под мышки и переставил на другое место, освобождая путь. Соня растерянно посмотрела на братьев, их ответ гласил: мы предупреждали – он отомстит. Соня гневно метнула взгляд в Артура, жестом предложившего ей занять место за партой. Ладно, посмотрим еще.

Лекс между тем разыскал Дашу. Она удивилась, увидев его, однако он предвосхитил ее вопрос:

– Дарья Дмитриевна, вы не против, если я останусь учиться?

Даша открыла рот: учиться где? Чему? У кого?

– В одиннадцатом классе, – Лекс внимательно рассматривал женщину. Рядом находились посторонние, не хотелось, чтобы слова падали случайно.

Неужели и документы есть?

– Документы привез, – Лекс понял неозвученный вопрос.

– Хорошо!

У нее нет выхода. Но! Что задумал Артур? Даша провела Лекса в кабинет, где занимался одиннадцатый класс. Шел урок алгебры.

– Садитесь, ребята. Представляю вашего нового одноклассника – Саша. Простите, Лидия Ивановна.

Она вышла из кабинета, а Лекс остался стоять посреди класса. Учительница сняла очки, девочки осматривали его с ног до головы. Такой весь, как Смит: в костюмчике, при галстуке, туфельках.

– Как твоя фамилия, Саша? – спросила учительница.

– Бланки. Александр Ритусович Бланки, – ответил молодой человек.

– Так и знала, что какой-то подвох, – произнесла Лидия Ивановна скорее для себя. – Садись на свободное место.

Соня весь вечер была не в духе. Она, узнав, что Лекс остается, почувствовала себя не комфортно, сама не зная, почему. Ей-то что до него, места что ли дома мало. Наверное, дело рук Артура, который сегодня сразу после работы уехал к Магде. Латынью и французским пришлось заниматься с Лексом, оказавшимся упертым ничуть не меньше Артура. Вон сколько всего задал. Сейчас он ушел с мальчишками в подвал заниматься фехтованием. Вообще-то, не честно: почему им можно, а ей нет. Она не станет напрашиваться сама, но это не честно. Размышления Сони прервал стук в дверь. Кто там?

– Тебе особое приглашение требуется? – на пороге стоял Лекс, вспотевший после занятий с братьями.

– Приглашение куда? – спросила Соня.

– Идем.

Он объяснял, показывал, требовал повторить, показать, объяснить. Соня не стала спрашивать, зачем ей надо знать так много о пистолетах, о пулях, о правилах стрельбы. Артур не позволял этого знать – он позволил. Соня схватывала все на лету – интересно. В конце занятия Лекс сказал:

– Я стану тебя учить, если будешь успевать со всем остальным. Не будешь успевать – конец занятиям. Ясно?

Соня кивнула в ответ. Она легла поздно: уроки в школе, уроки дома – спала как убитая.

Время шло своим чередом. Раз в неделю Даша получала письмо от Юлиуса и отдавала свое. Где он, она по-прежнему не знала, но дозвониться до него возможности не было. Скучала. С другой стороны, она чувствовала себя спокойно рядом с Артуром и Лексом, которые постоянно занимались с детьми. Ей нравилось вечерами приносить кофе в кабинет Артура – он обязательно что-нибудь рассказывал так интересно, что можно было слушать часами. Теперь Артур часто ездил к Магде, на выходные приезжала она.

Артур и Лекс спали мало, часто не спали вовсе – спорили до утра. Миропорядок, человечество, сущее. Лекс в силу молодости верил во всякого человека. Артур в силу опыта во всякого человека верить перестал давно. Нет, он не за избранничество среди людей, но за пристальное внимание к человеку. Важно угадать на раннем этапе его предназначение. Этот вопрос снова и снова поднимался ими в спорах. Артур с интересом смотрел на юношу, пыта-

ющегося подняться к солнцу подобно Икару. Преимущество молодости – возможность делать ошибки, потому что их можно будет исправить. К сожалению, правда зрелости в том, что времени на исправление ошибок уже нет. Артур смотрел на Лекса и радовался, потому что у юноши не будет ошибок, что были у него, зато больше времени на то, чтобы сделать в мире по-настоящему хорошее для тех, кто, действительно, нуждается в помощи.

Много мыслей посещало Артура в последнее время. К добру ли? Вот и сейчас Артур улыбнулся, посмотрел на часы – начало третьего. Спать? Не хочется. Он набрал номер Магды.

– Здравствуй!

– Здравствуй!

– Спала?

– Нет.

– Чем занималась?

– Читала, думала, решила позвонить тебе, но ты опередил меня.

Артур рассмеялся.

– Давай спать вместе. Не против?

– Нет.

– Включить скайп?

– Нет. Достаточно, что я слышу тебя.

– Хочешь услышать мой храп?

– Ты не храпишь.

– Уверена?

– Да.

– Тогда спокойной ночи. Отключаться не буду – хочу слышать твое дыхание.

– Я тоже...

Глава 2

Сегодня Артур был в хорошем расположении духа, несмотря на обидевшуюся Иришку, (она не смогла зашекотать его, из-за чего, разумеется, расстроилась), несмотря на обидевшуюся Сою (вчера он отчитал ее за нерадивость в учении и заставил переделывать французский), несмотря на то, что не все, как следует, выучили его урок в школе.

Урок подходил к концу, когда Артур увидел поднятую руку.

– Можно выйти? – спросил мальчик.

– Да.

Артур сначала не придал значения, но что-то остановило его. Он внимательно посмотрел на мальчика, направляющегося к двери, и обомлел.

– Тебе нехорошо? – спросил он, вставая из-за стола.

– Голова кружится. Все пройдет.

Артур подхватил ребенка, положил на пол.

– Юра, Лекса сюда.

Юра пулей выскочил из кабинета.

– Всем сидеть тихо, дышать через раз.

Лекс понял сразу, что случилось: времени нет. Артур уже отправил Стаса за родителями – главное – нужен отец. С последним проблема, конечно, но Артур пока этого не знал, а Стас решил, что и отчим подойдет. Лекс, между тем, вывел всех учеников из класса и плотно закрыл дверь. Они сняли с ребенка обувь, освободили руки и ноги. Переворачивать ребенка не стали. Неизвестно, сколько времени прошло с начала приступа, но, похоже, малец боролся давно, не подозревая, что с ним происходит. В дверь постучали – Даша не рискнула заходить. Вышел Артур. По его лицу Даша поняла: случилось плохое, очень плохое.

– Где его отец?

– У Данилы отчим.

Даша поежилась под колючим взглядом Артура. Мужчина переключил взгляд на бегущую по коридору женщину, растрепанную, без пальто, лишь в халате, как была на приеме.

– Что с Даней?

Артур воззрился на нее с высоты птичьего полета.

– Юра! – не сводя глаз с женщины, позвал он.

Когда мальчик подошел, Артур сказал:

– Никого не впускай, кто бы это ни был.

Отдав приказ, он схватил женщину за локоть и повел в кабинет Даши.

– Кто отец ребенка? – спросил он, захлопнув дверь так, что посыпалась штукатурка.

– Никто, – Юлия попыталась вырваться, но ничего не получилось.

– Если мне захочется побеседовать с глупой женщиной, я обязательно поговорю с тобой, но сейчас там, – Артур ткнул пальцем в дверь, – умирает ребенок, потому что ему нужна кровь его отца. Я ясно объяснил ситуацию?

– Да.

Артур разжал локоть женщины, которая, судя по всему, не собиралась падать в обморок или закатывать истерику.

– Я не знаю, где он, – сказала она. – У нас был договор, по которому я должна была родить ребенка и отдать отцу.

– Договор, полагаю, нарушен? – саркастически заметил Смит.

– Да. Когда я поняла, что не смогу отдать ребенка, отца не нашла – его телефон оказался недоступен. Хотела вернуть бумаги на квартиру и деньги. Договор сожгла, деньги положила на счет Дани, квартиру оставила...

– Чрезвычайно увлекательно! – перебил Смит. – Имя отца?

– Рихард.

Артур поднял брови: шутка? Он вышел из кабинета, по дороге достал телефон. Около класса стояли бледная Даша и Стас. Артур увидел еще одного постороннего: отчима, как он предположил. Что-то в нем не так – что? Ба, да он слепой, но служит, и служит у Юлиуса.

– Можно чем-то помочь? – тихо спросила Даша.

– Поделись мозгами с безмозглыми женщинами.

Глеб дернулся на его слова.

– Спокойно, солдат, спокойно. У нас в запасе целый час или около того, чтобы твой пасынок выжил.

– Почему? – только и спросил Глеб.

– Потому что он сын Мастера, а его мамочка решила поиграть в Господа Бога – нарушила договор.

Артур вошел в классную комнату. Ничего другого не оставалось. Время длилось, а жизнь вытекала. Лекс набрал в шприц свою кровь и ввел ее ребенку. Это отсрочит агонию, возможно, Рихард успеет.

Вертолет приземлился перед школой. Воропаева доставила кровь Рихарда: в больнице всегда есть запасы на всякий случай. Рихард будет позже.

Школьники давно покинули школу. Остались только посвященные и те, от кого скрывать правду не имело смысла. Даша заварила крепкий кофе и предложила его Юле и Глебу. Она мало что понимала, но ей было страшно не только за Данилу, но и за своих детей. Впервые возник вопрос: почему, на самом деле, здесь Артур, а теперь Лекс. В дверь постучали. Даша ответила: «Да». Вошел Рихард, здороваясь кивком головы.

– Проходи, Рихард, – сказала Даша.

– Спа-си-бо...

Он сел на указанное место. Было неловко. Да еще... с того момента, как ему позвонили, он не проронил ни слова, кроме вымученного «спасибо». Не мог. Все делал автоматически, не осознавая, не отдавая отчета в происходящем. Глеб догадался, кто перед ним. Теперь в его голове все встало на свои места – головоломка разгадана.

– Дарья Дмитриевна, проводите меня в коридор, – сказал Глеб, давая возможность Юле и Рихарду остаться наедине.

– Н...н...

Рихард пытался сказать – не получалось. Бледный, он сжал кулак. Даша испуганно переводила взгляд со зрячего немого на незрячего.

– Бумагу и карандаш, – прохрипел Глеб, понимая, в каком ступоре сейчас Рихард.

Даша подала блокнот и карандаш, но ничего не вышло: карандаш сломался в трясущейся руке. Открылась дверь, вошел Артур. Почувствовав энергию Рихарда, пришел на помощь.

– Все хорошо, Рихард. Ребенок будет жить – это главное.

Он подошел к Рихарду вплотную, опустил руку на плечо, загоняя выброшенную энергию обратно. Рихард начал дышать: спокойнее, еще спокойнее. Артур осознавал, что может стать, если не умерить энергию. Здесь много Мастеров – последствия взрыва представить трудно.

– Даша, отвези их домой, – сказал Артур.

– А Даня? – встрепенулась Юля.

– Он останется здесь. Трогать его нельзя – будет хуже. Как станет возможно, переправим в гарнизон. С ним врач, есть кровь его отца, мы с Лексом – справимся.

Даша довезла мужчин и женщину до дома Юли, но провожать, предлагать помощь не стала – зачем навязываться – им трудно сейчас. Юля направилась не к себе – к соседнему дому, поблагодарила соседку, что приглядывала за малышкой. Теперь мужчины сидели в комнате, а она кормила дочку на кухне.

– Я не знал, что Данила ваш сын, – Глеб разорвал тишину, – не спрашивал, Юля не рассказывала.

– Я не... знал... о... сыне. – Рихард говорил медленно, совсем медленно, но понятно.

– Он хороший парень.

– Я... рад...

– Глеб.

– Ри-хард.

Мужчины пожали друг другу руки. Рихард посмотрел на Глеба. Незрячий, с отсутствием ориентации движений ничуть не лучше калеки, которым он себя считал. Вошла Юля с дочкой на руках. Женщина не знала, как вести себя, впрочем, как и мужчины, сидящие напротив друг друга. Глеб не видел – Рихард не говорил. Сейчас бы чего-нибудь простого – подумал Рихард о Ритусе.

– Я не против выпить, – сказал Глеб.

– Не по-мо-жет, – ответил Рихард.

Рихард посмотрел на Юлю, хотел встать, но подумал, что обязательно что-нибудь заденет и опрокинет. Юля села на диван рядом с Глебом.

– Что тогда произошло? – она обратилась к Рихарду.

– Вой-на. – и замолчал.

Юля понимающе кивнула головой: увидела, каких частей тела нет у Рихарда, вероятно, тяжелая контузия – чудо, что жив.

– Может, пообедаем? – спросила она.

Рихард кивнул в знак согласия.

– Хорошо. Глеб, поддержи, пожалуйста. – Юля передала мужу дочку, вышла на кухню.

Рихард смотрел на мирно сопящую девочку и улыбался.

– С-слав-ная.

– Да.

Глеб наощупь гладил дочку. Надо же, как жизнь завернула. Он воспитывает сына одного из Мастеров, вернее, воспитывал до сего дня. Глеб горько усмехнулся.

За столом царила натянутая тишина. Глеб не почувствовал чашку и задел ее, она упала на пол, разбилась. Юля положила свою руку на его: пустяки. Рихарду вспомнилась Ася, как успокаивала его в минуты волнения.

– По-ра, – сказал он, решительно вставая из-за стола.

– Вы не останетесь? – Юля смотрела на него снизу вверх.

– Нет.

– Я провожу, – предложила она.

– Нет. – Рихард направился к выходу.

За столом остались двое с разбитой чашкой. После долгого молчания Юля спросила:

– Ждешь моего рассказа?

Глеб неуверенно пожал плечами.

– Все на самом деле просто. Я ведь никогда не рассказывала тебе о своей семье. Так вот. Ее попросту нет: ни братьев, ни сестер. Я не знаю своих родителей. Я сирота. Выросла в детдоме, но, как все детдомовские, мечтала о доме, семье, обычном благополучии. По окончании школы поступила в медучилище. Мизерная стипендия, общежитие, девчонки оторви и брось... Хотелось быть нормальной. Как-то на глаза попало объявление: ищу мать будущего ребенка. Я позвонила по указанному номеру – мне назначили встречу. Приятный молодой человек предложил родить от него ребенка и отдать ему. Мы подписали договор. Через два месяца, будучи беременной, я передумала. Звонила на телефон – ничего. Не знала, что и думать. Просто воспользовался мной – это вряд ли. Деньги были на моем счету, квартира принадлежала тоже мне. Я ничем не воспользовалась: деньги до сих пор на счету, теперь на Данькином, в квартире не была, не видела ее, документы сожгла. Испугавшись, переехала в другой город, устроилась в другое училище, предварительно потеряв документы. Новые выписала на другое имя.

Когда родился Даня, я была счастлива. Это только мой ребенок. Он заменит мне семью, которой у меня никогда не было, но жизнь ударила из-за угла. Врачи разводили руками, предлагали сдать ребенка в интернат. Что такое интернат и детдом, знаю отлично. Я жила, боролась с судьбой ради Даньки. Он заменил мне весь мир, он был моим миром. Потом появился ты. Я не думала, что встречу отца Данилы, почему-то была уверена, что его нет в живых, что недалеко от истины.

– Рихард Зорге – один из лучших боевых командиров ЭСВ, – сказал Глеб.

– Ты его знаешь?

– Лично до сегодняшнего дня не знал, но слышал. Он собой закрыл солдата. Его собирали... по кусочкам... очень долго. Теперь не служит – в отставке, потому что не может говорить...

Даньку переправили в гарнизон, сообщили Ритусу, который помнил мальчика по прошлому разу. Еще тогда показалось – не придал значения. Когда осматривал ослепшего Глеба, тоже показалось – снова не придавал значения. Теперь не придавать значения не получится – проблема вылилась в нарыв.

Юля приехала в гарнизон вместе с Глебом. Он, поразмыслив, подумал, что парнишка не будет против увидеть его, скорее всего, в последний раз. С Юлей тему Данилы не поднимали – тяжело. Она не спала последние ночи, не представляя будущего.

В палате сидел Ритус. Увидев Юлю и Глеба, сказал:

– Данька спит, так что есть время для разговора. Идемте.

Тон Ритуса не подразумевал отказа. Дома у Ритуса гостил Рихард.

– Ни чай, ни кофе не предлагаю, – начал Ритус. – Вы понимаете, что пригласил я вас сюда не ради этого. Ситуация такова. Рихард – Мастер. Специально для непосвященных, коей является Юля, объясняю: человек, умерший, вернувшийся и продолживший путь, но с изменениями во внешней и внутренней жизни. У Рихарда не было клинической смерти – обычная, самая обыденная. Можно сказать, Ад выплюнул его. Рихард, будучи на войне, утратил некоторые способности из-за психологической травмы, впрочем, как и Глеб. У вас обоих посттравматический синдром: один не может говорить, другой – видеть. Врачи не помогут. Если почувствуете опасность, все встанет на свои места. Об этом, впрочем, позже.

Я ничего не знал о выдумке Рихарда относительно ребенка, иначе предпринял бы меры и давно. Впрочем, его мать справилась с воспитанием сына: нашла хорошего отчима, дала семью, подняла на ноги. Хорошо. Другой вопрос, что дальше? Теперь все в курсе того, кто отец Данилы, что он жив, что у Рихарда есть сын, тем более, что его жена потеряла первого ребенка и эту потерю никак не может пережить. Говорить ли Даниле? Решать вам двоим – вы родители. Я приму любое ваше решение. Думаю, вам есть, о чем поговорить. Глеб, нам тоже есть, о чем поговорить.

Ритус вышел, за ним поднялся Глеб, который точно знал, куда идти.

Оставшиеся поначалу молчали. Как всегда, в присутствии Ритуса, Рихард мог беспрепятственно разговаривать.

– Юля, я должен извиниться за то, что оставил тогда тебя без поддержки. Произошло все так быстро. Когда очнулся... Впрочем, очнулся я очень не скоро, решил, что все сон. Я рад, что сон оказался явью. Какое бы решение ты не приняла, я благодарен за сына.

– Решение относительно чего? – спросила Юля.

– Ты можешь не говорить сыну обо мне.

– Не могу. Я же считала тебя мертвым...

– Тогда я хотел бы принять участие в его жизни...

О чем Ритус разговаривал с Глебом, тот не сказал Юле. Всю дорогу к Даниле они молчали. Когда вошли в палату, Данька сидел на кровати. Увидев маму с Глебом, обрадовался. Спустя полчаса в палату вошел Ритус, с ним незнакомый человек. Глеб отошел к окну, Юля взяла сына за руку.

– Данила, знакомься. Это Рихард Зорге.

– Здравствуйте, – Данила протянул руку мужчине.

– Здравствуй, – Рихард пожал руку мальчика.

– Даня, это твой отец.

Мальчик растерянно смотрел на взрослых. Судя по строгим лицам, они не шутили.

– Я... я думал, вы... погибли.

– Я... погиб, – сказал Рихард, – но решил вернуться, если ты не против.

Растерянный Данила переводил взгляд с одного взрослого на другого, остановился на Глебе, словно спрашивая совета.

– Чего уставился? Обними отца...

Глава 3

Даша не спала всю ночь. Испугавшись за своих детей, боялась спросить у Артура или Лекса. Юли нет, к тому же, вряд ли ответил бы на все ее вопросы. Недосказанность тяготила.

Порядок жизни нарушился не только дома. На следующее утро надо было встречаться с людьми, что-то говорить. Приехала незапланированная проверка. Даша пыталась не терять присутствия духа. Напрямую не спросили, но поинтересовались, можно ли посетить урок в одиннадцатом классе (по стечению обстоятельств – урок истории).

Артур воззрился на вошедших и засмеялся. Лекс, прочитав мысли гостей, улыбнулся: наивные, они не знают, с кем связались.

– Я весь внимания! – Артур сел на стул, обратившись к вошедшим.

Даша решила не вмешиваться – пусть выпутываются сами. Женщина в красном костюме посмотрела на мужчину, но обожглась о его взгляд.

– Вы не против, если мы...

– Против. – Артур развлекался.

– Вообще-то, мы... – начала вторая, что постарше.

– Да мне плевать.

Лекс посмотрел на Дашу: уведи его.

– Артур Георгиевич, пожалуйста, на несколько слов, – Даша не стала дожидаться ответа и вышла в коридор, предоставив возможность Лексу разбираться с представителями вышестоящих органов. Артур вышел. Оставшиеся женщины стояли в замешательстве.

– Будет лучше, если вы вернетесь к своей работе, – Лекс говорил спокойно, пожалуй, умиротворяюще.

– Мы...

– Не стоит. Ничего не случилось – никто не пострадал, потому что здесь, по счастливой случайности, цивилизованные представители Бланки, – Лекс улыбнулся.

– А кто нецивилизованные? – поинтересовалась одна из женщин.

– Мой отец, мой старший брат.

– Что бы они сделали?

Лекс рассмеялся, но отвечать не стал.

– Я считала, что к нецивилизованным, в первую очередь, относится Юлиус Станиславович.

– Бросьте. Юли, если вам и насолил, то не со зла. Он нормальный, понимает человеческие слабости, может наорать, нахамить – на эмоциях. Теоретически, Артур Георгиевич догадывается, что человек имеет право на слабость.

– Ваш отец?

– Он ... иной, – улыбался Лекс.

Иной человек вспоминал. В очередной раз чертил узор: Рихард – Ася – Юлия – Глеб. В середине Данила. Очередная петелька в полотне жизни.

Если бы не случай с Данилой, Лекс по-прежнему вел себя спокойно, не давая людям повода для разговоров о нем, однако необходимо отвлечь от необъяснимого, ладно, плохо объяснимого. Он решил отвлечь собой, вернее, не совсем собой – слишком контрастно – Соней.

Соня, сколько себя помнила, никогда никому не давала себя в обиду. Нет, не так. Ни у кого не возникало мысли попробовать ее обидеть, задеть шуткой. Дело не в том, что она дочь Бланки, не в том, что у нее братья, которые, разумеется, заступятся – она сама даст сдачу кому угодно – был бы повод. Так было. До Лекса.

Сегодня все началось с самого утра. Началось все дома. За завтраком он с самым наглým видом забрал ее бутерброд, прямо из руки. Пока она приходила в себя от подобной наглости, Лекс его попросту съел, да еще по носу щелкнул. Братья переглянулись, но сочли за лучшее промолчать. В школе на первой перемене он, проходя мимо, дернул Соню за хвостик. Она от неожиданности даже ойкнула, а он, состроив рожицу, помахал рукой. Не бежать же вдогонку (вон как Артур смотрит), а так хотелось (прямо, как двинуть ему!). Однако сцена в столовой показала, что утренний бутерброд и хвостик – мелочи, на которые не стоит обращать никакого внимания. Соня, как обычно, села за стол с братьями, уже пододвинула к себе тарелку.

– О, каша, да еще манная. Обожаю, – Лекс нагло уселся рядом с Соней, забрав и тарелку, и ложку, опять прямо из руки, как утром.

– Каково черта? – не выдержала Соня.

– Что какого? Не видишь, я есть хочу, – Лекс отправил очередную ложку в рот.

– Так иди и возьми свою тарелку.

– Я уже взял.

– Это моя.

– Она не подписана.

Братья, что сидели напротив, переводили взгляд с Сони на Лекса и наоборот, но, как и утром, молчали. Соня между тем стукнула Лекса кулаком по плечу.

– Ты чего дерешься? Не даешь мне спокойно поесть.

– Это ты не даешь мне спокойно поесть, – Соня разозлилась не на шутку: он сейчас получит по полной.

– Зачем тебе есть? Хочешь стать толстушкой? Может, еще и прыщавой толстушкой? К тебе так никто на пушечный выстрел не подходит, боится то ли когтей, то ли яда – уж не знаю, чего в твоём арсенале больше.

– Ну, все, ты труп! – констатировала факт Соня – довел ее.

Однако она не рассчитала, какая реакция у Лекса. Пока она произносила эти слова, он оказался в дверях столовой.

– Ой, боюсь! Пойду памперс поменяю, – смеялся Лекс.

– Урод!

Соня бежала за ним с явным намерением убить взглядом, больше оружия на данный момент у нее не было. Лекс ворвался в кабинет директора.

– Прости, – он встал за креслом Даши, которая просматривала бумаги.

– Убью! – Соня ворвалась в кабинет, широко распахнув дверь.

Пока она бежала за Лексом, не обратила внимания, что он скрылся в кабинете директора – кабинет и кабинет. Увидев перед собой маму, девочка пришла в еще большую ярость: ничтожный червь – спрятался за ее же маму, в кабинете директора школы. Ну, она ему сейчас задаст такую трепку.

– Мама, я его убью, ей богу.

– За что?

– Он заслужил, честно.

– Можно подробнее.

– Утром он слопал мой бутерброд.

– Просто съел, – Лекс показал язык.

– Мам, он бесит меня.

– Соня, нельзя ли изъясняться нормальным языком? – строго спросила мама.

– В школе дергает за хвостик. Меня никто не дергает. Сейчас съел мою кашу.

– Каши стало жалко? Жадина!

– Мама, вот опять. Рожи корчит.

– Ябеда – корябеда, зеленый огурец, на полу валяется – никто его не ест.

– Мама!

– Я поняла. Сядь. Соня, садись. Саша, в чем дело?

– Ни в чем. Нельзя сделать что-то просто так? Чего она ябедничает? Побила меня, между прочим.

Впрочем, последние слова он сказал уже без озорства. Задумывалась, по мысли Лекса, веселая игра, в которую будут играть двое, остальные, по желанию, подыгрывать. Однако молодой человек сказал... он помнил, что сказал – к ней никто не подходит, действительно, на

пушечный выстрел. Сидит, опустив глаза – запомнила. Начнет извиняться – она поймет. Не извиниться нельзя – не желая, обидел девочку, очень сильно обидел.

– Тебе так жалко каши для старшего немощного брата? – он схватился за спину и шаркающей походкой заковылял к Соне. – Ох, спина, родимец ее возьми, болит – отбила чья-то рука. Ох, – он сел рядом с сестренкой.

– Мама, я пойду на урок – звонок был.

Дверь закрылась, Лекс распрямылся.

– Саша.

– Прости. Я, не подумав, произнес слова, которые не имел права произносить – обидел Соню.

Он поднялся. Когда вошел в класс, все заулыбались: наверное, досталось от Дарьи Дмитриевны – примолк. Урок шел своим чередом, как вдруг Лекс встал и без объяснений вышел. Открыв дверь в спортивный зал, он знал, что случилось. Она не плакала, даже не думала. Обида заглушала боль в корне. Лекс опустился на колени – надо осмотреть ногу. Да иди ты – ответ читался во взгляде. Пришел Смит. Он обнял Соню и держал так, пока Лекс расшнуровывал кроссовок, снимал носок, осматривал лодыжку. Вывих, пусть и со смещением, но вывих. Смит крепче прижал к себе ребенка, стараясь забрать предстоящую боль. Лекс резко дернул ногу – послышался щелчок. Артур уже нес Соню к машине. Дома ее уложили в кровать, напоили лекарствами, устроили ногу, но все это заглушала боль от обиды. Лекс не пошел наверх, сидел внизу, на кухне. Зашел Артур.

– Лекс! Так не пойдет.

– Как?

– Так, как делаешь ты.

– Я обидел ее.

– Знаю.

– Она упала с турника из-за моих слов.

– Вероятно.

– Я виноват.

– Так пойдешь и извинишься.

– Ей очень больно – боится, что никого никогда не будет с ней рядом.

– Так скажи, что будешь ты.

– Речь идет не о брате.

– Пока скажи, как брат.

– Я не хочу лгать. Соня – не тот человек, которому можно врать.

– Послушай, Соня – сильная девочка. Она найдет возможность отомстить тебе – вы будете квиты.

Соня знала, что он обязательно придет, знала, что сейчас он винит себя за слова, сказанные сегодня. Еще никто не говорил ей о ней самой, но это была правда. Обижаться на правду глупо. Она сильная... Дверь открылась без скрипа. Вошел Саша. Он подошел к кровати и сел на пол. Соня могла стукнуть его по плечу или щелкнуть по носу, но руки казались неживыми. Лекс взял их в свои – замерзла – потер, согревая дыханием. Гусиные мурашки пробежали по всему телу девочки – он почувствовал это.

– Подвинься. – Лекс без спроса лег рядом: голова Сони оказалась на его плече, рука на его груди под рубашкой. – На сегодня мир. Ты устала – тебе нужен покой и тепло.

Она уснула и спала без сновидений до самого утра, ощущая рядом надежную защиту. Проснувшись, не сразу открыла глаза. Оказывается, тело, настоящее мужское тело источает аромат – почему не замечала раньше, когда обнимал папа или Артур? Рубашка брата наполовину расстегнута – ее рука на его голой груди, поросшей, пожалуй, заросшей. Откуда подобные мысли?! Соня почувствовала, как краснеет. Хорошо, что он спит. Лекс прикрыл глаза –

не хотелось пугать девочку. Он не спал всю ночь, пытаясь забрать все страхи маленькой сестренки. Соня вздохнула громче, чем хотелось – Лекс зашевелился. Пора просыпаться.

Пока она находилась дома, между ними царил мир. Лекс не подшучивал, как обычно, над ней, но по-доброму помогал. В первый же день он отнес ее на кухню на руках, посадил на место, как обычно. Если бы это сделал Арт, она возмутилась, но на поступок Лекса Соня не нашлась, что сказать. Они разговаривали, вместе рисовали: он левой, она правой рукой, смеялись. Даша была рада перемирию между ними. Артур не вмешивался, занимался с мальчиками и был большой куклой Иришки. Младшая радовалась, что Соня занята Лексом, ведь Артур теперь в полном ее распоряжении. Она не понимала, почему у него такие короткие волосы – косички не получались, бантики не цеплялись, заколки падали с головы. Почему большие руки? Как надеть на такие лапищи свои браслетики? Что значит, может, на куклу? Не хочет она на куклу – он лучше куклы. Артур забирал девочку на руки и подкидывал вверх. Иришка смеялась – да, приятно качаться на его руках. А еще приятнее кататься на нем как на лошадке. Она подгоняла его пяточками, он изображал иногда страх, иногда норов. Через три дня Соня предприняла попытку наступить на ногу – боль вполне приемлемая. Опухоль спала, нога казалась вполне нормальной. Лекс, увидев ее стоящей на больной ноге, начал ругаться. С ней все хорошо. Настолько хорошо, что готова к урокам фехтования? Разумеется – приняла вызов Соня. Не хватало только вздернутого носа. Хотя... руки, упертые в бока – чем хуже вздернутого носа? Лекс подошел к сестре, обнял и поцеловал в лоб.

– Прости.

Она хотела оттолкнуть его, но передумала – хорошо было на его груди. Черт! Слишком хорошо! Она пыталась оттолкнуть его.

– Тихо, строптивница, тихо.

– Пусти.

– Как пожелаешь!

Перемирие закончилось в тот день, когда Соня пошла в школу... Соня переживала столько эмоций, не понимая, порой, их природу. Она хотела с кем-нибудь поделиться, но с кем? Слишком одиноко. Лишь Лекс. Вечно он появлялся в самый неподходящий момент: она только надумает взгрустнуть, может, даже похлопать носом, а тут он, противный – и ну, выводить ее из себя. Вот сегодня дал такую затрецину – она даже закачалась. А думала-то она о насущном (третий день подряд девчонки шептались о поцелуях – кто, как и сколько целовался). Похоже, все уже обцеловались, кроме нее. Соня пришла расстроенная из школы, хотела запереться в комнате – ввалился Лекс. Его вообще-то никто не звал. Он сделал вид, что не понимает. Перепалка закончилась быстро в его пользу: взгрел по попе и усадил за латынь. Соня возненавидела его.

Aequam mentem rebus in arduis servare mentem. – Старайся сохранить присутствие духа и в затруднительных обстоятельствах.

Certum voto pete finem. – Ставь себе лишь ясные цели.

Festina lente. – Торопись медленно.

Educa te ipsum! – Воспитавай самого себя!

Она перевела все фразы. Теперь надо выбрать одну и написать развернутое эссе. Урод! Он просто урод! Она ненавидит его!!!

Через два часа он вошел снова без стука.

– Стучать не учили? – взвилась Соня.

– Я могу чему-то удивиться в твоей комнате? – спросил Лекс.

– Может, я здесь голая!

– И что? Не беспокойся, я не испугаюсь твоего тела. Со временем, полагаю, оно будет весьма привлекательным.

Злость Сони вышла за рамки – даже пальцы стали подрагивать. Она сейчас его... он сел рядом, совсем рядом, взял ее пальчики в свои руки, начал растирать.

– У тебя озноб.

– Нет, – неуверенно ответила Соня.

– Мне виднее.

Он не выпускал ее рук. Зачем-то даже поцеловал каждый пальчик. Соне стало приятно, пусть немного не по себе. Лекс заглянул в глаза. Оказывается, его взгляд может быть... странным... улыбка... Сердце стукнуло слишком громко. Она испугалась: вдруг кто-то услышит.

«Ничего не бойся, моя хорошая», – прошептали его губы.

«Совсем?» – спрашивали ее упрямые глаза.

«Совсем», – отвечали его.

«В жизни много чего надо бояться», – возмутился детский разум.

«Порой, бывает разумно бояться... Может, следует надеяться и верить?» – тихо спросил юноша.

– Надеяться на что?

– На воплощение своих мечтаний.

– Если я хочу верить в сказку?

– Про принца и принцессу?

– Да.

– Так надейся и верь. Закрой глаза.

Она послушалась – прикосновение губ оказалось сказочным. Веки чуть дрогнули под его поцелуями. Даже с закрытыми глазами она почувствовала его улыбку.

– Обещай, что пока... что ты не станешь спешить взрослеть.

– Почему?

– Потому что человек не дорожит настоящим в ожидании будущего. Вдруг этот миг – один из лучших?

– Мне стоит тебе поверить?

– Стоит.

– Хорошо...

Новогодние праздники прошли быстро, шумно, весело, многолюдно. Даша думала, что ей будет тоскливо без Юлиуса – во второй раз в жизни она встречала Новый год без него. Магда с Артуром не позволили скучать – это первый Новый год с ней, ее детьми.

Потом приехал Юли...

Даша вместе с остальными сидела в просторном кабинете мера района в ожидании начала заседания – оно задерживалось. Наконец, дверь открылась, но вошли военные: Иоганн и Стив, братья Юлиуса, за ними глава района. Стива некоторые знали, на Иоганна посмотрели с недоумением. Когда он представился, поняли, что перед ними не Юлиус Станиславович. Даша нахмурилась – что-то не так. На нее поглядывали с интересом: сколько братьев у ее мужа? Доподлинно известно, что один работает в школе, теперь еще двое. Пока Даша не стала директором школы и не была вынуждена присутствовать на совещаниях администрации района, ее мало интересовало, как люди относятся к мужу. Теперь многое изменилось. К присутствию Семена на подобных встречах она привыкла, но не к родственникам. Иоганн что-то написал на листе бумаге и пододвинул Стиву, тот начал задавать вопросы главному архивисту. Человек вспотел от внимания, которое привлек к себе. Стив как назло все спрашивал и спрашивал, архивист предоставил карты. Иоганн взял их и начал рассматривать. Стив замолчал. Все ждали. Иоганн покачал головой – не пойдет.

– Нуж-ны кар-ты Ю-ли, – выдавил он.

В кабинет без стука вошел еще один военный – Семен, который, по сути, заменял теперь Бланки. Он положил перед Иоганном то, ради чего задержался на полигоне. Иоганн развернул карту, долго рассматривал ее, затем что-то показал Стиву, тот снова что-то спросил уже других. Так продолжалось полчаса, пока не открылась дверь. Юлиус Станиславович собственной персоной. Он поздоровался со всеми одновременно и ни с кем в отдельности. Даша заметила, что муж изменился: лицо обветренное, загорелое. Пальцы на руках перетянуты пластырем на фалангах. Вместо неизменной белой рубашки – защитная, вместо туфель – берцы. Явно не в духе. Он встал между братьями, которые посторонились, чтобы дать ему место, что-то спросил на непонятном даже для Даши языке. Стив ответил, Иоганн постучал карандашом по карте. Юли на что-то указал пальцем, Иоганн спросил у него. Они переговаривались между собой, измеряли, Иоганн считал в уме и записывал результаты. Иногда Стив спрашивал о чем-то кого-нибудь из присутствующих. В каждом населенном пункте необходимо найти место, которое подходит для этой троицы. Глава района был не в духе, но перечить Бланки не собирался – не случайно они здесь, хотя и не говорят причины. Спустя два часа Юлиус спросил Иоганна:

– Сколько времени тебе понадобится?

– Сутки.

– Все свободны, – Юлиус Станиславович снова наклонился над картой.

Задвигались стулья, люди начали подниматься – к странностям Бланки, кто его знал, привыкли.

– Даша, подожди меня, – Юлиус, не поднимая головы, обратился к жене.

Она расслышала, но не здесь же она станет его ждать, поэтому вышла со всеми: надо одеться.

– Крутой нрав у вашего мужа, Дарья Дмитриевна, – сказала в коридоре ей одна из многочисленных женщин.

Даша промолчала: зачем отрицать очевидное. Она не торопясь надевала пальто, направилась к выходу, зная, что Юлиус не заставит себя долго ждать. Так и случилось – он нагнал ее на выходе из здания администрации. Даша надевала перчатки. Юлиус не стал ее обнимать – некоторые не торопились – ожидали развязки встречи долго отсутствующего мужа и ново-явленной директора.

– Ты на чем? – спросил Юли.

– Привез твой лейтенант.

– А, вижу. – Юли свистнул военному и сделал жест рукой: свободен. Тот понял.

– Поедем с Иоганном, Стив заберет мою машину, вот и они.

Братья остановились около Даши с Юлиусом. Стив поедет на полигон, Иоганн домой к Юлиусу – надо подумать, завершить расчеты. Юли открыл дверцу машины, Даша села. Он обошел машину с другой стороны, сел рядом с женой. Спустя несколько минут он бессовестно целовал женщину, по которой соскучился. По выезде из города Иоганн съехал с трассы, остановился в роще и вышел из машины.

Он сидел на поваленной березке и занимался расчетами. Подошел Юли.

– Застегнись, холодно, – сказал Иоганн.

– Смеешься!

Кровь еще бурлила, он не против повторить все, что делал с женой это время. Мужчина взял горсть снега – хорошо. Женщина между тем сгорала от стыда – не смогла сдержаться: ответила со страстью на его ласки, даже более чем... Через несколько минут муж заглянул в машину. Ей что-нибудь надо? Да, например, убить мужа! Он засмеялся и сел рядом.

– Я рад, что ты соскучилась.

– Я не говорила, что соскучилась.

– Твое тело сказало неправду? Мне стоит еще раз его спросить?

Юли приблизился к женщине, поцеловал сначала нежно, затем требовательно, наконец, завладел губами целиком. На этот дальше поцелуев не пошел.

Юли наутро за завтраком обратил внимание, что Лекс все время задевает Соню. Сначала не придал значения, но в какой-то момент понял, в чем дело.

– Лекс, дай Соне поесть, – сказал он.

– Я ей не мешаю, к твоему сведению. Она просто не знает, чего ей больше хочется: каши, молока, чая...

– Разберется сама, – Юли произнес слова резче, чем хотелось.

Братья, Иоганн, Стив, не стали вмешиваться. Будучи взрослыми людьми, они понимали, что Лекс здесь совсем не ради учебы. Вчера Юли подумал, что племянник приехал к ним из-за Артура – выходит, ошибся. Даша, по всей видимости, не в курсе намерений Лекса, как, впрочем, и Соня. Артура он еще не видел. Тот вчера после занятий уехал к Магде – надо с ним поговорить и срочно.

Юли сажал в машину распалившуюся Иришку – радости малышки не было предела, ведь папа вернулся. Соня тоже была рада видеть папку, тем более что он, в отличие от всех, вступился за нее перед Лексом. Даша хмурилась – было за что, вспоминая вчерашнее происшествие в машине – ох, Боги, ему не стыдно. Более того, сегодня все утро подтрунивал над ней. Она стояла перед зеркалом, рассматривая свое лицо – не губы – два громадных бревна. Высокий ворот свитера скрывал поцелуи на шее – хоть их не видно. Вошел Юли, внимательно посмотрел на жену.

– Очаровательные губки, – улыбнулся он, надевая чистую рубашку.

– Скорее уж губищи, – гневно ответила женщина.

– Мне нравятся, – пожал плечами муж, засмеявшись. – Но может быть, не стоит штанишки надевать? – Он указал на ее брюки. Даша повернулась, чтобы ударить мужа. – Тихо, драчунья! Мир! Я не сделал ничего такого, чему бы ты противилась. Ты отвечала на мои поцелуи, на мои ласки – по-твоему, я должен был остановиться и оставить неудовлетворенной любимую женщину? – Он обнимал ее. – Я не виноват, что у тебя нежная кожа.

– Тебя долго не было.

– Ты права. Прости, – он поцеловал жену в висок и отстранил от себя.

В садике он сказал Иришке, что ее заберет Артур, на что дочка сказала неизменное «Брю», впрочем, не сердито. Около школы увидел брата, тот ждал его.

– Соня, сколько у тебя уроков? – спросил Юли.

– Шесть.

– Я заберу тебя сразу по их окончании – надо поговорить.

– Хорошо.

Юли высадил Дашу с Соней, подошел к брату. Они курили, облокотившись на забор. С ними здоровались проходящие, они отвечали.

– Чья идея?

Они понимали друг друга с полуслова, поэтому Артур догадался, что речь идет о Лексе.

– Моя. Лекс не против. Сейчас тем более.

– Она маленькая.

– Он не спешит.

– Ему нужны сыновья.

– Ему нужна умная, понимающая женщина.

Юли замолчал. Его маленькая девочка выросла – он не заметил, когда. Да, Соня подходит Лексу, а он ей: кто еще сможет справиться с ней.

– Ритус в курсе?

– Мы не обсуждали эту тему.

– Соня?

– Нет, Соня не в курсе. Лекс обидел ее, – Артур вспомнил случай, когда девочка сорвалась с турника.

Звонок прервал их разговор. Юли бросил окурок: как во всем разобраться?

Он приехал за дочерью вовремя. Увидев отца, Соня отдала рюкзак братьям и направилась к машине.

– Куда поедет? – спросил отец.

– Туда, где есть мороженое.

Они сидели в кафе. Соня ела мороженое, Юли изредка посматривал на дочь, но пока молчал. Что он мог ей сказать? По его глазам Соня догадалась: что-то случилось. Почему молчит? Вдруг что-то плохое. Наконец, не выдержала. Отодвинув мороженое, сложила руки перед собой.

– Говори.

Юли улыбнулся: да, ей нужен Лекс.

– Ты знаешь, почему Лекс у нас?

Соня пожала плечами. Юли продолжал смотреть на дочь. Она прокрутила в голове разные варианты, но... ничего. Юли засмеялся. Что смешного?

– Ты очень похожа на маму, особенно сейчас. Ей тоже не приходила в голову мысль о том, что у нее нет обозримых кавалеров по причине того, что кавалер был необозримым.

Соня пыталась переварить слова отца, открыла рот, но тут же захлопнула его. В глазах испуг – все что угодно, только не это.

– Малыш, – Юли накрыл руки дочери своей ладонью.

Как забрать страх из глаз ребенка? Она глубоко вдохнула, как учил Лекс. Лекс. Черт! Дыхание сбилось. Нет, нельзя, надо дышать.

Aequam mentem rebus in arduis servare mentem.

Certum voto pete finem.

Festina lente.

Educa te ipsum!

– Сонечка, родная, посмотри на меня, – голос отца возвращал.

– Со мной все в порядке, – ответила она. – Откуда у тебя подобные мысли относительно Лекса и... меня?

– Сейчас он должен быть в Кембридже. Не вижу ни одной причины для его нахождения у нас, кроме очевидной – тебя.

– Я маленькая.

– Мама тоже была маленькой, когда я увидел ее.

– Она заканчивала школу.

– А ты на сегодняшний момент сделала то, что не смогли сделать многие взрослые люди, даже поседела, – Юли тронул прядь белых волос на голове дочери – отголосок его разборок с Артуром, – ты намного старше своих лет, а главное – мудрее.

– Он... – Соня искала слова, – никогда не намекал...

– Я вообще пришел свататься с пистолетом в кармане, не поговорив с девушкой о своих чувствах...

Не намекал? Или... намекал? Говорил. Целовал. Не как брат или друг. Ей было хорошо в тот момент. Он просил не спешить взрослеть – дорожить тем, что есть сейчас. Она просто не поняла тогда.

– Он говорил что-нибудь тебе? – спросила Соня.

– Нет. Сначала я хотел поговорить с тобой.

– О чем?

– Что мне ему ответить?

– Я маленькая.

– Думаю, он в курсе.

Соня не находила слов: упорядоченную логику мысли превратили в хаос. Юлиус не стал торопить девочку. Они сидели за столиком в кафе, мороженое давно растаяло, люди приходили и уходили – они не торопились. Домой они приехали затемно. Соня сразу прошла в свою комнату, Юли, позвав Лекса, в кабинет.

Соня заперла дверь – нечего вламываться без спроса, однако Лекс не тот человек, которого может остановить закрытая дверь. Он, не дождавшись, нажал на нее плечом.

– Тебя не учили, что означает запертая дверь? – накинулась на него Соня.

Он, словно не расслышал ее, сел напротив. Да, какого черта, в самом-то деле...

– Я читаю мысли.

Она запнулась. Как так?

– Вот так.

И может попрыгать на одной ноге?

– Я не стану прыгать на одной ноге.

А нос почесать?

– Соня, я серьезно. Сейчас в твоей голове мысли носятся, словно испуганные птицы.

Еще бы.

– Прости.

За что?

– Я должен был найти слова.

О чем?

– О ком. Для кого. Я растерялся. Подожди, не перескакивай с мысли на мысль. Ты еще не все знаешь обо мне. Помимо того, что я читаю мысли, я... могу заглянуть чуть дальше этого мига.

Насколько дальше?

– Это зависит от многих составляющих.

Что ты видел?

– Тебя.

Лекс улыбался. Его небесные глаза были чистыми и яркими.

Меня какую?

– Чуть побольше.

Насколько?

– Отвечу, если позволишь быть твоим.

Кем?

– Твоим.

Она хотела остаться одна, она боялась остаться одна. Он рядом – можно коснуться его руки. Он далеко впереди. Сможет ли она догнать его, чтобы продолжить путь вместе? Соня растерялась.

Лекс скоро уехал. За ним уехал Артур.

Часть 5

Наташа и Ритус после смерти

Глава 1

Каждому из них хотелось начать свою жизнь с чистого листа, словно прошлого не бывало. Человек может желать все, что ему заблагорассудится, но это совсем не означает, что желания его исполнятся.

Иришка желала, чтобы у нее по волшебству выросла новая рука на месте страшной культяпки. Рихард с Асей желали ребенка. Глеб – вернуть зрение. В отличие от ребенка взрослые понимали несостоятельность своих желаний, что, впрочем, не умоляло, их. Стоит ли перечислять все желания людей?

Наташа тянулась как кошка. Она знала, что он смотрит на нее, одетую лишь в кожу, но ей нравилось. Не открывая глаз, она повернулась на бок. Он медленно водил пальцами по ее спине: чудо, как хорошо.

Они встали поздно, как и всегда. По обычаю искупались в реке, что делала изгиб почти вплотную к их дому. Обедали яичницей, даже хлеб закончился.

– Хочу сладкого, – сказала Наташа.

– Надо съездить за продуктами, – отозвался Риту.

– Сейчас хочу.

Ритус улыбнулся, слушая детский каприз жены. Он принес из машины заначку – шоколадку. На подозрительный взгляд жены: и только-то ответил:

– Тебе хватит.

– Уверен?

Она все также подозрительно смотрела на мужа. Ритус решил сменить тему.

– Ты поедешь со мной или останешься отдыхать?

– Я, по-твоему, устала? – Наташа разворачивала шоколадку.

– Ночью ты была несколько занята.

– Я и днем была занята и не несколько.

– Ты мало спала.

– Ты вообще не спал.

– Тогда одевайся.

Наташа посмотрела на себя: она сидела голая. И что?

Их дом стоял особняком от поселка. Когда-то это был выселок, теперь здесь осталось пять заброшенных домов, один из которых купил Ритус три недели назад. Низкий деревянный домик с одной комнатой и чуланом. Большая печь создавала впечатление отделенности комнаты. Они отмыли стены, потолок и полы, выкрасили все лаком, на окна повесили маленькие занавески с вышивкой. Ритус привез необходимую мебель (сундук, правда, оставили). Его он сам вычистил, вымыл и выкрасил.

За день окосил все вокруг дома. Пока косил, жена несколько раз приходила к нему, приносила воды. Они лежали в свежескошенной траве, уставшие, разгоряченные. Так и уснули. Проснулись, когда солнце скрылось за дальним холмом. Ветер попытался остудить людей, но они его прогнали. Она положила голову ему на грудь и смотрела в небо, слишком далекое, слишком большое, слишком звездное. Жар не уходил, несмотря на то, что выпала роса. Муж-

чина гладил ее соски. Она молчала, не хотела говорить, чтобы он прекращал – ей нравилось. К чему глупые и ненужные слова? Когда первые лучи солнца коснутся их лиц, он возьмет ее на руки и отнесет в дом. Она проспит весь день, он будет рядом.

Теперь он не мог спать. После своей последней смерти он перестал спать совсем. Она знала, ведь именно она нашла его там, на краю света, забрала у Смерти. Смерть удивилась наглости женщины, но отдала его: успеет еще насладиться обществом человека.

Ритус теперь не хотел избавляться от мыслей, несмотря на то, что их было много, что они такие разные, порой, противоречивые. Больше никакой нирваны.

После того, как Юли женился на Даше, завел большую семью, потерял Тори, узнал о детях. После того, как Артур вернулся к Магде и они нашли в себе силы встретиться со всеми друзьями. После того, как Иоганн вернул Катю, а их маленькая Олечка выросла и влюбилась в Юру, сына Артура и Магды. После того, как умерла Инга и Костя заново научился жить. После того, как Соня убежала от Андрея, боясь недоговоренности между ними. После того, как Настя замкнулась в себе, не принимая помощи Артура. После того, как Наташа заново начала дышать. После всего перечисленного и нет он умер. Это был его выбор. Он знал, что приносит близким и друзьям невообразимую боль, но так было надо. Слишком долго он расплачивался своей душой за жизнь людей. Настал момент, и человек почувствовал, что от его души осталась лишь оболочка, готовая в любое время порваться, словно воздушный шар.

Он и раньше был за гранью жизни. Однако в этот раз не рассчитывал на возвращение, отсюда другие ощущения. Ритус не подумал, что его сыновья и жена настолько сильны, чтобы вытащить его из пекла Ада...

Глава 2

Артур знал, что после смерти Инги Насте будет совсем не легко. Сначала она молчала, на его предложения приехать к ней в гости отвечала отказом. Приехав без приглашения, увидел, что Настя занята девочкой-инвалидом. Пусть так. Согласился удочерить ребенка – проблемы он не видел. Однако ему все равно казалось, что в воздухе витает дух Смерти. Тогда он не понял его назначение. Под его давлением Белых скрепя сердце направил армию Бунивура к Насте. Ее возмущению не было предела. Когда она впервые увидела военных ЭСВ, невольно поежилась, но промолчала (в двадцати километрах атомная станция). Когда же увидела командующего армии – Максима Бунивура – поняла, что армия здесь не из-за станции. Она звонила Артуру: в чем дело? Артур сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Зато муж предложил ей выбрать место под строительство дома: девочке нужен дом, да и ему не помешало бы спать с женой на кровати, а не в гордом одиночестве на полу, как сейчас, когда он приезжал к ней. Настя возмутилась до глубины души последними словами мужа, на что тот и рассчитывал. Он приехал через два дня после их телефонного разговора, когда желание убить мужа у Насти уменьшилось ровно на половину (и это, разумеется, он предугадал).

По приезде он не пошел за ключом к ней на работу, как обычно, – открыл дверь отмычкой. Хорошо, что Лера пришла из школы первой. Вместе они приготовили обед, накрыли на стол в ожидании Насти. В присутствии Артура девочка лучше ходила, разговаривала. Сегодня, расставляя тарелки, она уронила лишь один раз, и разбилась только одна. Артур, как Настя, не стал ругать девочку – это всего лишь посуда.

Настя на работе (его машину она заметила давно) и по дороге домой (не зашел к ней за ключами – взломщик) подбирала ядовитые слова, что скажет мужу. Открыв дверь, увидела накрытый стол, укутанную на плите кастрюлю. Пройдя в комнату, остановилась: Артур держал Леру на коленях и разминал ее пальчики. На правой ручке ребенка они почти не разгибались. По его сосредоточенному виду было ясно, что он не считал подобное занятие развлечением. Лера подняла голову:

– Мама.

Артур очнулся. Снял ребенка с колен, поднялся.

– Привет.

– Здравствуй.

Обошлись без поцелуев. Как хотелось, он сейчас не поцелует, а она слишком сердита. Ели молча. Лера в очередной раз пролила ложку супа на себя. Настя по инерции вытерла ее салфеткой.

– Ты надолго?

– Нет.

Настя собрала посуду, начала мыть. Ругаться не хотелось. Артур показывал Лере каталог с домами. Девочке нравились все. Они казались ей роскошными дворцами. Настя подошла к ним, села на диван. Лера ткнула пальцем в одну из фотографий. Артур улыбнулся, посмотрел на Настю, которая снова нахмурилась.

– Издеваешься? – спросила она.

– Ничуть. Дом выбрал не я – Лера.

Настя подозрительно посмотрела на мужа – не верила она Бланки, ни одному из них. Чересчур уравновешенно он вел себя сегодня.

Как и ожидала Настя, Артур отправился к Максиму. Она не сказала мужу, что ее назначили директором школы – наверное, он в курсе. Впрочем, у Максима Артур пробыл недолго. Настя укладывала Леру. Девочка не капризничала, однако не могла никак найти удобное положение для своего непослушного тела. Если лечь на бок, болели нога и рука, на спину нельзя – ноги немели, на другой бок – давило в левой груди. Навозившись вволю, она закинула непослушную руку за голову и задремала. Настя укрыла ее одеялом, зная, что совсем скоро снова придется укрывать. Иногда Настя просыпалась оттого, что Лера больно ударялась об нее руками или ногами. Пожалуй, Артур прав: им нужен дом. Пусть он будет такой, какой захочет ребенок – хоть одна ее мечта сбудется.

Когда вернулся Артур, Настя сидела в кресле. Заниматься бумагами, как обычно, ей сегодня не хотелось. Муж посмотрел на спящую девочку: надо будет нанять няню. Насте одной с ребенком тяжело.

– Артур...

– Не сейчас.

Мужчина спокойно смотрел на женщину. Да, он прочел ее мысли, что в этом плохого? Да, он тоже хочет, хочет ее, хочет зачать ребенка и не одного.

– Ты за этим приехал?

– Не только.

В этот раз Артур приехал лишь на пару дней. Он выглядел чрезвычайно напряженным, словно что-то вот-вот должно случиться. Несмотря на то, что Артур привез несколько планов будущего дома, Настя чувствовала его готовность к прыжку, словно он вышел на охоту. Она спросила мужа о том, куда уехал Ритус и на сколько. Да, так и есть. Все дело именно в этом. Слова ни о чем не говорили, а вот глаза – они изменились (не случайно Ритус всегда носил темные очки – могли выдать). Поговорив о незначительных вещах, Артур притворился, что устал и хочет отдохнуть, Настя его поддержала. Она понимала, что ему сейчас нужна другая поддержка, но в комнате ребенок. Женщина постелила мужу на полу, сама легла с девочкой, как обычно. Наутро она встанет чуть свет, потому что большую часть ночи проведет без сна. Когда ответит Леру в школу, вернется назад и напрямую скажет, что хочет от него ребенка. Артур, обведя комнату глазами, скажет: «Не здесь»...

Проснувшись среди ночи, не смог заснуть снова: что-то мешало. Скорее всего, ощущение, нет, не опасности – чего-то неприятного. Некомфортное состояние не давало покоя. Он ворочался, пробуя то один бок, то другой, поднимался высоко на подушке – результат тот же. Мысль, не облеченная в плоть, мучила мозг, перемещаясь по его закоулкам. Поднялся с головной болью, пульсирующей, бьющей в виски. Надо что-то решать.

Бледно-серое небо висело над головой грязной простыней. Изредка накрапывал нудный дождь. Мелкие капли попадали на лицо, руки... Мысль переносилась...

Жизнь – это полноводная река со множеством русел. Жизнь – это дерево с тысячами ветками, каждая из которых неповторима. Жизнь – это космос, хаос, не имеющий начала и конца, хотя в представлении человека начало жизни связано с рождением, а окончание со смертью. Так ли это? Великие, по-настоящему великие, т.е. мудрые знают, что это не так. Другое дело, что никто из смертных, перешагнув черту небытия, не возвращается назад. И лишь немногие, истинные, знали, что там. Знали, потому не страшились ничего. Они никому не рассказывали о своих знаниях, окружающие не спрашивали. Но жизнь их с момента обретения знания становилась отличной от других, и это отличие было столь разительным, что обычные не могли этого не заметить. Некоторые такое отличие считали избранностью.

Снова рисунок за рисунком вставал невидимой пеленой перед глазами. Его создатель не различал точки, они были еле уловимы, скорее на уровне подсознания – чувств. Да, несомненно, сейчас его вели лишь чувства, одно чувство. То, что у обычных людей не развито, то, о котором многие даже не подозревают. Это не важно. Он не мог в последнее время разобраться в сюжетной линии человеческой жизни. Нужно отойти, вспомнить, нарисовать и посмотреть... Линии жизни, смерти, перекрестки судеб. Линии маленькие, которых, к сожалению, было больше, линии длинные, со странными изгибами и переплетениями других незнакомых линий, даже узоров. Точки, точки, точки... Это люди. Люди, как точки, на большом полотне мироздания...

Мысли вздыбились, он их прогнал – не сейчас. Рационализм не поможет. Нужно закрыть глаза, выйти из человеческой оболочки и сердцем прочувствовать связи между людьми, те связи, которые еще не найдены, но чрезвычайно важны, без которых не будет общего покрова целостности...

Легкий ветерок охлаждал, даже рябил кожу и чувства. Рацио не удавалось выключить окончательно, для этого необходимо другое настроение – настроение на грани помешательства. Мысль не улавливалась, а надо понять смысл происходящего, иначе не будет покоя. Он знал, что в противном случае не отпустит, сколько бы не отвлекал себя другими занятиями...

Поначалу говорили о молодой учительнице, приехавшей неизвестно откуда и живущей в гордом одиночестве в семейном общежитии детского дома. Затем говорили о гордычке, что ни на кого не обращает внимания, включая знаменитого десантника Николая Сошкина. После приезда Сержа слухи понеслись вскачь: кто такой, откуда, зачем здесь этот странный молодой человек. После его отъезда молва на некоторое время оставила девушку в покое, пока Настя не привязалась к ребенку-инвалиду. А потом – бум – оказывается она замужем и уже довольно давно, ее муж – родной брат Сержа, они удочерили инвалида. Не в своем уме, разумеется, оба. Муж так вообще чокнутый: аж, вертолет за ним подали – и кто он в таком случае? А чего ребенка удочерили? Своих что ли не будет? А чего муж улетел? За какие такие заслуги назначили директором школы? У директора детского дома челюсть отвисла при таком известии. Почему командующий армии ЭСВ, не поздоровавшись с людьми из района и области, с цветами отправился к Анастасии Константиновне? Она молчала...

– Максим, посидит с Лерой этой ночью, – сказал Артур.

– А мы? – она подняла глаза на мужа.

– А мы погуляем под луной. Погода – чудо. Жалко пропустить

Сердца и его, и ее успокаивались, входили в обычный ритм. Разгоряченные тела остывали. Теперь они лежали и смотрели в бесконечное небо. Луна светила так ярко, что отчетливо виднелись тени от деревьев. Настя оторвала взгляд от неба, скользнула взглядом по земле, чуть слышно засмеялась.

– Что смешного? – спросил Артур.

– Посмотри на тень с громадными руками-крюками. Она тебе никого не напоминает?

Артур внимательно посмотрел в сторону, куда указала жена:

– Я в твоём представлении такой страшный?

Настя повернулась к мужу, оперлась на локоть и начала рассматривать его. Сантиметр за сантиметром она изучала тело мужчины, все ниже и ниже, пока не споткнулась. Вернувшись взглядом к его лицу, увидела довольную улыбку мужа. Ну, это мы еще посмотрим...

Максим дремал в кресле, когда услышал скрип двери. За Настей шел хмурый Артур. Уже светало, но женщина была согласна и на час отдыха. Артуру отдых не нужен. Они с Максимом спустились вниз, сели на скамью около песочницы.

– Ты чего хмуришься? – спросил Максим.

– Женщины – стервы, ты в курсе? – вопросом на вопрос ответил Артур.

– Ты хотел быть на коне, а тебя уделали?

– Да.

– Или ты позволил уделать себя?

Артур улыбнулся:

– Или я позволил...

Глава 3

Ритус принес жену в дом, не позволив ей проснуться – пусть отдыхает. Задержав занавески – нечего здесь делать надоедливому солнцу, вышел на улицу. Пахло росой от травы. Вот чего ему так не хватало: ощущения свежести. Он снова взял косу и начал косить просто так, радости ради. Сил было с избытком, не мешало бы поделиться, но с кем? Накосившись вволю, отправился к реке. Надо сделать мостушку. И баньку не помешало бы срубить. И стол на улице поставить. И...

Наташа спала обычно долго. Неважно, днем или ночью. Иногда он давал ей возможность отдохнуть, чаще нет. Всякий раз она грозилась, что сегодня отомстит ему, но он был слишком умелым. Обессиленную, он баюкал ее на руках. Пока она спала, он строил. Мостушку, баню, стол, крыльцо. Он устал от разрушений. Хотелось созидательства. Он сделал качели, и целый день они качались на них, словно маленькие беззаботные дети. Наташа заливалась смехом. Как же хорошо. Никого и ничего вокруг, только он и она. Хотят – сидят, хотят – стоят, бегают, шпыняют друг друга, целуют, любят. Разговаривали они мало. Да и о чем? Без слов понятно – это сказка. Не правда, что чудес не бывает. В них надо верить. Так верить, чтобы все твое естество было подчинено вере. Она верила, что он не может умереть – он не умер.

У них закончились запасы продовольствия, несмотря на то, что ели они редко, не до этого. Только теперь Наташа поняла, что все последние недели она голодала. Ритус почувствовал ее голод, но счел за лучшее промолчать – не хотелось быть ее обедом.

В поселке они сначала зашли в кафе. После курицы, пиццы, колбасок с подливой Наташа произнесла первую фразу:

– Тебя следовало бы убить.

Ритус оставил свой стакан с молоком в покое (есть не хотелось).

– Почему, дорогая?

– Скажи, – Наташа отправила очередную порцию колбасок в рот, – почему меня тошнит от слова «дорогая» в твоей интерпретации? – Она подчищала подливу хлебом.

– Не думал, что ты знаешь значение слова «интерпретация», – Ритус весело посмотрел на жену.

– По-твоему, я знаю лишь «пистолет» и «...дь!»

Ритус смеялся громко и раскатисто. Поселковый супермаркет не отвечал аппетиту Натальи Воропаевой. Она скупилла все конфеты, сгущенку.

– У вас торжество? – спросила продавец.

– Нет, просто мы любим сладкое, – ответил Ритус.

Вечером было настоящее пиршество. Они сидели около костра, пекли картошку, на вертеле крутилась курица, а под золой запекалась рыба. Наташа смотрела на огонь, не отрываясь, словно в языках пламени что-то высматривала. В какой-то момент Ритус понял, что она там увидела. Он оставил самодельный вертел, потянулся к женщине.

– Наташа, девочка моя, – он обнимал ее, крепко удерживая своими руками. Она зашлась во вздохе-всхлипе. – Милая моя девочка, – шептал он, – не надо. Все будет хорошо. Верь мне.

Она закрыла глаза, мысленно убирая невыплаканные слезы о всех ушедших и никогда не вернувшихся в этот мир. Костер. Дурак. Как он не подумал. Костер – это память, напоминание о прошлом, когда все только начиналось, когда никто не знал, что ждет их впереди, когда у каждого из них была надежда, когда...

Успокоив женщину, он вспомнил об ужине, который обещал приготовить. Картошка слишком горячая из костра, но в этом и есть ее прелесть: перекидывать с руки на руку, жечься, дуть, пачкаться в золе, снова жечься, тереть зачесавшийся в самый неподходящий момент нос, смеяться от того, что вся черная. Они смеялись до коликов в животе. Выпивки не было – она не нужна. Пьянеют не только от вина или водки. Пьянеют от счастья. Умиротворенная, Наташа лежала кверху животом и поглаживала его:

– О, мой несчастный живот. Он так изголодался. Противный муж решил заморить и меня, и тебя голодом. Вывод: муж – чудовище. О!

Ритус посмотрел сверху вниз на жену, голова которой покоилась на его коленях, улыбнулся. Она еще долго вздыхала и возносила всевозможные кары на голову мужа. Ритус тем временем гладил ее волосы, щекотал за ухом. Так как ответной реакции не последовало, Наташе надоело посылать гром и молнии на голову мужчины, он воспользовался передышкой.

– Наташа, как ты относишься к детям? – Ритус вынул травинку изо рта и провел ею по ключице жены.

– Детям? Это тем красно-синим, орущим по ночам, визжащим, когда болит животик и режутся зубки, ползающим, где попало, какающим и писающим, когда им заблагорассудится, пока маленькие, и просто противным, когда растут, с противностью, прямо пропорциональной их возрасту?

– Да. Тем самым, – Ритус провел травинкой по ложбинке между холмиками, которые тут же напряглись.

– Какое отношение дети имеют ко мне? – Наташа переместила голову выше колен мужа и закрыла глаза.

– Ты носишь их.

– Их? – она не стала открывать глаза – не хотелось.

– Да.

– Напомни мне застрелить тебя.

Ритус посмотрел на жену, которая снова передвинула голову. Странно. Помолчав, проговорил:

– Сонечка моя дочь.

Она, вздохнув, открыла глаза и встретилась с ним взглядом.

– Я знаю.

– Как давно? – глаза требовали ответа.

– С момента зачатия.

Ритус резко посадил ее и повернул к себе.

– Что?

Глаза буравили, но она не испугалась.

– Твой дар не действует на меня.

Она прижалась к нему. Он в ответ гладил ее, целовал задумчиво и нежно.

– Мы останемся здесь так долго, насколько станет возможным.

Глава 4

Артур который день околачивался около Насти. Утром провожал жену на работу, устраивался в ее кабинете, ждал до конца рабочего дня, забирал их вместе с Лерой. Они жили в доме, просторном, красивом, но не обжитом. Лера первые дни боялась ходить по комнатам одна – громкое эхо пугало девочку. Настя также была не в восторге от размеров дома. Через две недели приехал Серж с женой и детьми.

Как обычно подъехала машина. Как обычно из нее вышла Настя и Лера. Вместо Артура был Серж. Сегодня он замещал брата, которому срочно пришлось уехать среди ночи. Настя не спрашивала куда – какая разница.

Серж зашел в холл, поздоровался с учителем информатики, что дежурил около двери. Старшеклассники узнали его: он изменился – возмужал. Серж сидел в кабинете Насти. Ее это устраивало намного больше, нежели присутствие Артура, потому что муж имел привычку лежать на диване. Не очень приятно, когда заходят в кабинет и видят, как какой-то мужчина развалился у директора. Серж читал газеты, что привез с собой: узнавать о новостях из Интернета не мог – компьютеры в его присутствии отказывались работать. Настя радовалась, что Артур уехал. Сегодня ей надо съездить в район. С Артуром поездка оказалась бы проблематичной.

Серж сидел в машине, по-прежнему просматривая газеты. Последнее время в мире творится невообразимое.

Нельзя, конечно, утверждать, что жизнь шла своим чередом. Артур за несколько недель почувствовал опасность. Он не понимал ее природу, считал, что надо опасаться за жизнь жены и не родившегося ребенка.

В этот раз не было никакого толчка и у Сержа. Ничего. Поначалу отсутствие известий от отца их не расстроило. По возвращении Артур спросил у Сержа, что тот чувствует. Ничего? Отец постоянно пропадает, случается, на несколько месяцев. Что с того? Спустя две недели приехала Наташа с Лексом. Лекс будет с семьей. Нет. Артур не может ехать. Он теперь глава семьи и обязан защищать семью. Ритуса поедет искать Наташа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.